

9(Д21)
0-23

Г. Г. ОСМАНОВ

Генезис
капитализма
в сельском
хозяйстве
ДАГЕСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка
и литературы им. Г. Цадасы

9(200)
0-73

Г.Г.ОСМАНОВ

Генезис капитализма в сельском хозяйстве ДАГЕСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

Книга представляет собой первый опыт изучения одного из важнейших аспектов социально-экономического развития дореволюционного Дагестана. На большом фактическом материале с учетом последних достижений советского кавказоведения освещается история проникновения капиталистических отношений в экономику края.

Ответственный редактор
доктор исторических наук,
профессор В. Г. ГАДЖИЕВ

367030 Махачкала-30
ул. М. Ярагского, 75
115 ДНЦ РАН

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Г. Г. Османов

(1928—1979)

Безвременно скончавшийся видный дагестанский историк, заслуженный деятель науки республики, доктор исторических наук, профессор Г. Г. Османов останется в анналах советского кавказоведения, в памяти коллег и учеников прежде всего как честный и принципиальный исследователь, историк-коммунист, блестящий полемист, мудрый советчик, воспитатель-наставник. Одной из главных проблем, глубоко интересовавших Гамида Гамидовича, была история крестьянства и аграрных отношений в Дагестане и на Северном Кавказе. Впервые этой важной в научно-познавательном и практическом отношении проблемой он заинтересовался еще в студенческие годы, и этот интерес не потерял до конца своей короткой, но яркой и плодотворной жизни. Этой проблеме Г. Г. Османов посвятил большее число своих исследований: монографий, статей, брошюр, докладов, выступлений и рецензий. Окончив исторический факультет Дагестанского педагогического института, а затем пройдя успешно курс аспирантуры, Г. Г. Османов в 1955 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Подготовка массового колхозного движения в Дагестане».

Став научным сотрудником сектора истории Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, Г. Г. Османов целиком и полностью отдался любимому делу. Проводил разностороннюю кропотливую изыскательскую работу. Исследовал проблему об аграрной политике России в Дагестане в XIX — начале XX в. «Социально-экономическое развитие в Дагестане в XIX в.» и др.

В 1957 г. Г. Г. Османов был выдвинут на должность заведующего сектором истории партии Института партии Дагестанского обкома КПСС. При его активном участии в 1957 г. был издан сборник документов «Революция 1905—1907 гг. в Дагестане». В 1958 г. в Издательстве Академии наук увидела свет крупная публикация «Борьба за установление Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.»

Много сил и знаний вложил Г. Г. Османов и в налаживание периодических изданий «Трудов» института и в подготовку к публикации отдельных глав «Из истории партийной организации». Гамид Гамидович был автором ряда глав и одним из руководителей авторского коллектива и при подготовке к изданию макета «Истории дагестанской партийной Организации КПСС».

Будучи в течение ряда лет руководителем секторов социологии и истории партийной организации республики ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, Г. Г. Османов проводил большую исследовательскую и редакционную работу.

Однако круг интересов Г. Г. Османова не замыкался одной лишь исторической наукой. С юношеских лет и до конца жизни он увлекался художественной литературой, музыкой. Прекрасно знал творчество классиков даргинской литературы О. Батырая, А. Имапагаева и др. Много переводил на даргинский язык. Участвовал в составлении учебников для школ и хрестоматий. Был первым редактором альманаха «Дружба» на даргинском языке. Несмотря на чрезмерную загруженность научно-организаторской и общественной работой Г. Г. Османов продолжал заниматься исследованием основной интересующей его проблемы. В начале 60-х годов он вынес на суд товарищей рукопись монографии «Социально-экономическое развитие Дагестанского доколхозного аула». В 1964 г. в Институте истории Академии наук СССР эта работа была защищена в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

В 1965 г. это исследование Г. Г. Османова было опубликовано в Москве в издательстве «Наука». Позже, продолжая работать над исследованием аграрных отношений, он опубликовал монографические исследования «Коллективизация сельского хозяйства Дагестана», «Аграрные отношения в Дагестане в период строительства социализма», написал раздел о социалистической реконструкции сельского хозяйства для 4-томной «Истории народов Северного Кавказа», закончил работу над монографией «Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана».

Все эти работы можно считать различными частями задуманного автором фундаментального исследования по истории крестьянства и аграрных отношений со времени вхождения Дагестана в состав России и до наших дней. Преждевременная смерть помешала ему осуществить этот замысел.

Предлагаемое вниманию читателей посмертное исследование Г. Г. Османова сам автор рассматривал как первую часть задуманного им труда. Последующие части предполагалось посвятить освещению истории аграрных отношений и аграрных движений накануне Великого Октября. И все же публикуемое исследование имеет самостоятельное значение, представляет самостоятельный научный интерес.

К сожалению, автор не успел подготовить рукопись к печати. Незаконченным остался вводный раздел, не осуществлены источниковедческий и историографический анализы работы. Чтобы в какой-то степени заполнить этот пробел, мы предпослали настоящей книге сохранившийся в архиве автора текст, озаглавленный «Предварительные замечания» (у нас — «Предисловие»), где дано авторское понимание темы и в очень сжатой форме очерчен круг вопросов, которые он ставил при ее написании.

Не успел автор и окончательно выверить текст монографии.

Поэтому в исследовании могут быть неизбежные при таком положении вещей некоторые недоработки и положения, требующие дополнительных мотивировок. К тому же при подготовке рукописи к печати мы вынуждены были произвести возможные сокращения.

И тем не менее исследование, отличающееся строгостью научного подхода к освещению координального вопроса истории народов Дагестана, несомненно, имеет важное научное значение и поможет при дальнейшей разработке таких проблем, как проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане, социально-политические предпосылки Октябрьской революции в крае и др.

Рукопись подготовил к печати В. Г. Гаджиев с помощью З. М. Османовой.

От редактора

Предисловие

Тема «Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана» является одной из сложных и малоисследованных проблем истории Дагестана.

До вхождения в состав России Дагестан переживал эпоху феодальной раздробленности и не представлял собой единого целого ни в этническом, ни тем более в экономическом отношении. На его территории насчитывалось свыше десяти феодальных образований-государств: шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, ханства: Аварское, Дербентское, Казикумухское, Кюринское, Мехтулинское, владения Майсума и Кадия Табасарана и владения: Аксаевское, Андреевское и Костековское.

В 1813 г. Гюлистанский договор юридически оформил окончательное вхождение Дагестана в состав России. С этого времени социально-экономическая, политическая и культурная история горного края стала неразсторжимой частью истории России.

Для Дагестана вхождение в состав России имело огромное объективно-прогрессивное значение, так как оно вопреки колониальной политике царизма способствовало дальнейшему экономическому и политическому развитию края.

Во-первых, потому, что, и это главное, Дагестан, как и весь Кавказ постепенно был вовлечен в сферу всероссийского, а через него и мирового товарного обращения.

Во-вторых, благодаря присоединению к России произошло политическое и экономическое объединение края. Тем самым был положен конец вековым феодальным усобицам и опустошительным набегам, факторам, сильно тормозившим развитие производительных сил.

В третьих, стабилизация политической и экономической жизни стала благотворно влиять и на процессы этнического развития края. Но развернувшееся в 30-х годах XIX в. движение горцев под флагом мюридизма несколько нарушило этот процесс. И тем не менее в результате включения в состав России Дагестан постепенно втягивался в русло общероссийского экономического развития. Происходит развитие товарно-денежных отношений и рост торгового земледелия. Натуральному хозяйству наносится чувствительный удар. Дагестан вступает в новый период своей истории. Эти процессы главным образом развивались на равнинной, прибрежной части Дагестана.

Автор не ставил перед собой задачи осветить все указанные проблемы. В первой главе делается попытка охарактеризовать лишь отдельные вопросы, которые еще не подвергались специальному исследованию или же исследованы недостаточно.

Вопросы, касающиеся характера дагестанского феодального общества того периода, рассмотрены многими исследователями истории Дагестана XIX в., доказана полная несостоятельность мнения о господстве родового строя в Дагестане⁴.

Сторонники теории родового строя, как правило, рассматривали историю Дагестана без исследований общих закономерностей сходных черт исторических явлений, не учитывая, что народы страны гор издревле жили в довольно высокоразвитой среде и, естественно, кроме внутренних импульсов имели еще возможность перенимать опыт соседних народов.

Расчлененная, разобщенная на множество феодальных владений страна, тем не менее, имела исторически сложившиеся, уходящие в глубь веков территориальные связи, которые подчас, особенно в период борьбы с иноземными захватчиками, играли исключительно важную роль. Отдельные периоды истории, например борьба с агрессивней иранских шахов в XVIII в., совершенно определенно продемонстрировали наличие у народов Дагестана осознанной территориальной общности.

Учитывая эти обстоятельства, автор в первой главе главное внимание сосредоточил на рассмотрении исторических условий хозяйственно-экономического и социально-политического развития Дагестана. В этой главе дан вертикальный срез социального строя дагестанского общества в свете отмеченных экономических и политических сдвигов.

Остальные главы посвящены исследованию основного вопроса проблемы — генезису капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана второй половины XIX — начала XX в.

Большое внимание уделяется исследованию вовлечения дагестанского аула в сферу общероссийских рыночных отношений и в этой связи росту бессословного землевладения и развитию товарного производства; коренным изменениям, происшедшим в организации сельскохозяйственного производства; развитию отношений найма и продажи рабочей силы, земли и сельскохозяйственных орудий, т. е. тем вопросам, которые и характеризуют в конечном итоге уровень социально-экономического развития края.

Разложение патриархально-феодальных отношений и генезис отношений капиталистических — две составные части одного процесса. В общей постановке этот вопрос как будто бы не вызывает

---

⁴ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957; Назгунов Н. Р. Прогрессивное влияние России на экономику дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1954; Он же. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (дооктябрьский период). Махачкала, 1956; Рамазанов Х. Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861—1900). Махачкала, 1972; Тамай А. И. К вопросу о феодализме в истории Дагестана. — Революционный восток, 1935; Хашаев Х. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, и др.

споров. Однако еще далеко не все сделано для того, чтобы всесторонне исследовать эту важнейшую проблему.

Уже стала традиционной ссылка на существование в Дагестане вплоть до Октябрьской революции феодальнозависимых отношений, на силу и живучесть таких патриархально-феодальных институтов, как кровная месть, ответственность рода за преступление, совершенное сородичем, многоженство, калым и т. д. Наконец, немало страниц посвящают часто описанию аграрно-культурной отсталости дагестанского аула. Однако эти факты, одно-сторонне отобранные, не только не могут дать последовательного представления о всей совокупности общественно-экономических отношений в ауле и об уровне социально-экономического развития края, но нередко порождают глубоко ошибочные представления, которые никак не согласуются с исторической действительностью.

Такая сила инерции и традиций объясняется, видимо, тем, что многие явления и факты еще не достаточно хорошо известны и проанализированы.

Между тем в настоящее время исследователи располагают большим комплексом данных всевозможных статистических обследований различных сторон жизни дагестанского общества в конце XIX — начале XX в., который позволяет дать количественную характеристику общественно-экономических процессов, происходивших в Дагестане нового времени. Это означает, что на смену времени догадок и умозаключений пришло время точных количественных показателей, «упакованных в колонки цифр», которые дают возможность не только судить о глубинных процессах социальных сдвигов, но и об особенностях этих процессов. Это уже качественно новый этап в исследовании вопроса об уровне экономического развития и общественно-экономических отношений.

Вместе с тем необходимо отметить, что, кроме бытовой и аграрно-культурной сторон, исследуемый вопрос имеет еще политико-экономическую. Увлечшись первой стороной, некоторые исследователи нередко упускают из виду вторую. Однако изучение именно второй стороны вопроса имеет решающее значение для выяснения поставленной проблемы. Еще в 1908 г. В. И. Ленин писал, что не аграрно-культурная и не бытовая, а политико-экономическая сторона вопроса разделила, начиная со второй половины XIX в., два основных направления русской общественной мысли — народническое и марксистское. В. И. Ленин считал, что, в первую очередь, не изучением земледельческого быта, разновидностей переделов, их техники и т. п. надо заниматься, хотя и эти проблемы имеют важное значение, а вопросом о том, «какие типы хозяйств складываются *внутри* общины, как развиваются эти типы»².

Перелом в исследовании этой важнейшей проблемы наметился в начале 50-х годов. В течение последующих лет в этом направ-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 81.

лении был сделан целый ряд более или менее удачных попыток. Но и они главным образом были посвящены анализу элементов капитализма в народном хозяйстве Дагестана и лишь мимоходом касались других аспектов. Тем не менее постановка вопроса даже в таком сравнительно узком плане вызвала живейший интерес. Но затем, к сожалению, он почему-то вновь стал ослабевать.

Учитывая все это, в монографии главное внимание уделяется новому периоду в истории дагестанского аула. Специальные разделы посвящены как исследованию общей линии развития аграрного строя, так и характеру производственных отношений в Дагестане в период, знаменующийся переходом от феодальных отношений к капиталистическим. Классический путь этого перехода предполагает кризис феодальной формации и вызревание в недрах старого строя нового капиталистического уклада. В этом случае, в первую очередь, естественно, возникает необходимость исследования таких общих проблем, как хронологические рамки первоначального накопления, складывание капиталистического уклада и, естественно, капиталистических производственных отношений. Одновременно исключительно важное значение приобретают проблемы внутреннего рынка, специализации производства и отделения земледелия от домашней промышленности.

С сожалением надо признать, что до недавнего времени даже сама мысль о наличии капиталистического уклада толковалась как попытка модернизировать историю. Но накопленный фактический материал изменил подход к проблеме. Теперь уже речь идет о месте и степени распространения капиталистических отношений.

Разумеется, проблема перехода от одной формации к другой, в данном случае от феодализма к капитализму, является принципиальным положением марксизма-ленинизма. Однако этот переход не имеет единого стереотипа и связан с массой всевозможных внутренних и внешних условий и причин, которые могут ускорить или затормозить переход к более высокой социально-экономической формации, как было и в Дагестане. Присоединение к России застало его на этапе феодальной раздробленности в то время, когда сама Россия переживала уже кризис феодальной системы, что не могло не ускорить в Дагестане закономерный ход исторического процесса. С этого времени исторические судьбы Дагестана стали определяться не столько узконациональными внутренними закономерностями экономического развития, сколько закономерностями общероссийскими.

Известно, что «исторической предпосылкой возникновения капитализма является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличие... бесхозяйного рабочего», свободного лично и свободного от всяких средств производства³.

Неблагоприятные естественно-географические условия значи-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 64.

тельно сокращали рабочий период в сельском хозяйстве. На этой же почве получили широкое развитие домашние промыслы. Для ряда аулов они являлись главным источником существования. Поэтому товарное производство имело довольно глубокие исторические традиции и являлось достаточно развитым.

Налицо было и второе условие. Огромное большинство горского крестьянства в исследуемый период располагало юридически личной свободой. А включение Дагестана в состав общероссийского рынка ознаменовалось еще и тем, что горский труженник стал быстро освобождаться от хозяйства и от средств производства. Однако было бы ошибочным преувеличивать место и роль этих предпосылок, так же как выдвигать идею о наличии элементов капитализма в Дагестане до его присоединения к России. Отсутствие экономического и политического единства и стабильности в эпоху средневековья было труднопреодолимой преградой на этом пути. Поэтому становление и развитие капиталистического уклада в Дагестане явилось результатом вхождения Дагестана в состав России.

И, быть может, именно поэтому даже в период развития в составе общероссийских рыночных отношений процесс капиталонакопления здесь имел свои специфические особенности. В частности, основной формой накопления денежного капитала было накопление торгового капитала. В значительной мере это обусловлено исключительно высокой нормой прибыли в сфере обращения и очень низкой — в сфере производства. Следовательно, на определенном этапе торговый капитал выступал здесь в качестве самостоятельной господствующей формы капитала. Данное обстоятельство не является чем-то, присущим только для Дагестана. Такая закономерность характерна почти для всех ранее отсталых стран и окраин, где капитализм являлся или является привнесенным укладом. Указывая на нее, мы можем говорить лишь об элементах, объективно способствовавших этому процессу.

Несмотря на преобладание старых патриархально-феодалных устоев, новый уклад неумолимо прокладывал себе магистральную дорогу в политико-экономической жизни края, и, по меткому определению В. И. Ленина, уже в конце прошлого века «...господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»⁴.

Новые отношения бесцеремонно сметали все, что стояло на пути: вековые устои быта, организации хозяйства и общины, традиционные кустарные промыслы, — все рушилось. Дагестан вступал в новый период своей истории. Этому периоду и посвящена наша книга.

Считаем своим долгом подчеркнуть, что мы далеки от мысли абсолютизации своих выводов и положений, понимая что многие из них носят гипотетический характер.

---

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.

Глава первая

Социально-экономический строй

Дагестана

и аграрная политика царизма в XIX в.

■

Экономика Дагестана в первой половине XIX в.

Дагестан в границах исследуемого периода (с Засулакской Кумыкшей) занимал территорию в 34 149,5 кв. км., на которой проживало свыше 500 тыс. чел.¹

При средней плотности в около 14 чел. на кв. км по отдельным районам она колеблется от 6,3 в Кумыкском округе до 38,9 чел. — в Даргинском; причем наименее населены округа, наиболее богатые удобной под сельскохозяйственную обработку земель, и наоборот — густонаселенные округа крайне бедны пашней. К тому же эти данные учитывают всю земельную площадь Дагестана; между тем более $\frac{1}{3}$ ее была совершенно непригодной для сельскохозяйственного использования. Больше того, из удобной земли, площадь которой достигла 1,5 млн. дес., значительная часть (83%) приходилась на пастбища, выгоны и леса. И лишь небольшая часть (около 17%) использовалась под полеводство и садоводство. Но и эта земля распределялась крайне неравномерно. На равнинную часть приходилось более $\frac{2}{3}$ всех пашен и пастбищ и лишь менее $\frac{1}{3}$ всего населения, а на горы — $\frac{1}{3}$ всех пашен и пастбищ и $\frac{2}{3}$ всего населения.

Такое неравномерное распределение определило в основном тип и направление хозяйства Дагестана. В горах, где размеры пахотной земли были крайне незначительны и не достигали даже 1 дес. на двор, сравнительно широкое развитие получило животноводство, и наоборот, на равнине, богатой пахотнспособными землями, ведущую роль в экономике играло земледелие. Экономика этих двух частей Дагестана развивалась в тесной взаимосвязи. Развитие животноводства в горах было немислимо без использования зимних пастбищ на равнине.

Особенно благоприятные условия для развития полеводства были на Кумыкской плоскости. Документ гласит: «Население Кумыкского округа с давних времен занимается хлебопашеством. Земледельческие продукты состоят из пшеницы, проса, кукурузы, чалтыка (сарачинское пшено. — Г. О.), ячменя, овса, чеснока, муки, свеклы, моркови, огурцов, тыквы, дынь и арбу-

¹ Кумыкский (позднее Хасавюртовский) округ до Великой Октябрьской социалистической революции входил в состав Терской области.

зов»². Земледелие здесь далеко не ограничивалось производством на собственное потребление. Только озимых и яровых в Кумыкском округе приходилось на душу населения около 30 пудов. Это подтверждает, что «действительная производительность вполне обеспечивает народное продовольствие». Далее в документе указывается, что «излишек имеет сбыт в Дагестане и караногайских кочевьях»³.

Земледелие, бесспорно, являлось главной отраслью сельского хозяйства также центральной и южной частей приморского Дагестана. Дербентский военный губернатор в отчете о состоянии Дербентской губернии в середине XIX в. писал: «Хлебопашество составляет важнейшую часть хозяйства ... в некоторых частях Дербентского уезда»⁴.

Большой интерес в этом отношении представляет «Очерк западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до реки Самура, между горами и морем, со включением морской торговли города Дербента»⁵, автором которого является А. Соколов. В «Очерке...» о характеризуемом районе Дагестана говорится: «Производительная сила природы, за исключением весьма немногих мест, щедро награждает труд земледельца»⁶. В другом месте А. Соколов замечает: «Тарковцы в избытке довольствуются пшеницею, ячменем, кукурузой и разными овощами»⁷. И далее продолжает: «Вообще обитатели всего этого пространства по богатству своих средств к существованию поставлены в большую независимость от смежных жителей»⁸.

В горном Дагестане основной отраслью сельского хозяйства являлось скотоводство. Это, конечно, не означает, что в горах земледелие не получило никакого развития. Горское население также было занято земледелием, а в некоторых аулах и даже союзах сельских общин полеводство являлось главным источником существования. Вот что писал, например, в 1864 г. путешественник Н. И. Воронов в своих путевых заметках в гидатлинском обществе: «Среднедагестанский горец смотрит на землю гидатлинцев как на благодатную страну. Действительно, широкая природная поляна, которая залегла между главными аулами гидатлинского общества, вся культивировавшаяся под сады и пашни, в сравнении с голыми скалами и бесплодными ущельями Среднего Дагестана не может рассматриваться иначе»⁹.

О степени обеспеченности гидатлинских аулов продуктами земледелия говорят следующие цифры. Аул Орода в указанный период состоял из 272 домов. При среднем урожае (сам.— 5)

² ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 12, л. 16.

³ Там же, оп. 1, д. 12, л. 17.

⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 27, л. 9.

⁵ Кавказ, 1848, 13 марта.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Сборник сведений о кавказских горцах (далее: ССКГ). Тифлис, 1863, вып. 1, с. 26.

с полей собирается до 12 тыс. саб., т. е. более 40 саб. на двор, или по 12 саб. (360 фунтов) на год. «Такая дневная пропорция может показаться весьма недостаточной, но не для горца, постоянного и при этом добровольного постника, довольствующегося в день несколькими комками толокна»¹⁰. Однако и в таких обществах скотоводство занимало значительное место. Н. И. Воронов сообщает о том же гидатлинском обществе: «Что собственно до Гида, то его баранта немпогочисленная: например, у сел. Орода — 2,5 тыс. голов, или в среднем 8 баранов на двор. Зато Гид славился своими стадами рогатого скота и значительным развитием молочного хозяйства: гидатлинское масло вывозится на продажу и в соседние общества, и в близкие русские укрепления Дагестана. Официально в Гиде числится до 10 тысяч голов рогатого скота — около 5 штук на двор. Таким образом, в гидатлинском обществе приходится на двор 40 саб. зерна, 5 голов рогатого скота и 8 овец»¹¹.

Основной отраслью сельского хозяйства горного Дагестана оставалось скотоводство. «Гораздо роскошнее покажется жизнь горцев Среднего Дагестана, когда посмотрим на нее со стороны их скотоводства... Так, например, общество Тлейсерух вместе с Мукратлем при населении до 4 тыс. душ владеет стадами в 112 тыс. голов, что дает средним числом по 28 баранов на каждую душу населения», — пишет тот же Н. И. Воронов.

Такое же указание мы имеем и о селениях долины р. Самур. По камеральной переписи 1850 г., в Самурском округе насчитывалось 53 селения. И почти о каждом из них в примечаниях говорилось, что «гористое и почти бесплодное по каменистому грунту положение не предоставляет для жителей того количества земли, какое необходимо для хлебопашества»¹². Указывалось также, что население отдает предпочтение скотоводству и особенно овцеводству.

Разделение основных отраслей сельского хозяйства — полеводства и скотоводства — по географическим районам косвенно подтверждается и другим фактором: характером феодальных повинностей. Если во владениях равнинной части Дагестана среди податей и повинностей ведущее место занимали продукты полеводства и работы на господской земле, то в горах, наоборот, феодальная рента взыскивалась в основном продуктами животноводства. Об этом свидетельствуют заключения сословно-поземельных комиссий по Кумыкскому округу, Кайтагу, Табасарани, Кюринскому ханству и шамхальству Тарковскому. А если обратимся к сведениям об Аварском ханстве, то увидим, что здесь подати в пользу хана состояли в основном из продуктов животноводства¹³.

¹⁰ Там же, с. 28.

¹¹ Там же, с. 29.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 130, д. 1, л. 2.

¹³ См.: Там же, ф. 105, оп. 1, д. 12; ф. 150, оп. 1, д. 6; ф. 90, оп. 2, д. 24.

Таким образом, из сказанного можно сделать вывод: в силу природных условий издавна сложилось ярко выраженное хозяйственное районирование Дагестана. На равнинной части Дагестана основной отраслью сельского хозяйства явилось полеводство, а в горной части — животноводство.

Значительное развитие получило также садоводство. В горном и особенно в равнинном Дагестане садоводство занимало значительное место. Автор «Очерка...» отмечает, что описываемые им места «изобилуют фруктовыми деревьями». Особенно выделяет он район Дербента, «окаймленного 860 виноградными садами». А. Соколов отмечает, что почти все деревья Самурской долины и Кюрицкого ханства имеют свои фруктовые сады, состоящие «из черешни, виноградных лоз, груш, айвы, миндаля, граната, персиков, вишневых ягод, грецких орехов, шелковицы, абрикосов и разных огородных овощей». То же самое он пишет о Кайтаге и Табасарани. Из этого можно сделать вывод, что некоторые из беков занимались садоводством в значительных размерах. В частности, у Соколова мы находим описание «Каякентского черешневого сада... в одну длину простирающегося с лишком на 6 верст», который принадлежал Ибрагим-беку Карчагскому^{13а}.

Садоводство занимало значительное место и в экономике Кумыкского округа. Муцал-аульские и Байрам-аульские фрукты были известны далеко за пределами округа. В горном Дагестане повсюду были известны сады Хиндаха, персики и абрикосы Цудахара, Хаджалмахи и Гергебиля, виноградники Гимри.

Такова в самых общих чертах характеристика экономики Дагестана в начале XIX в.

Социальный строй Дагестана

Вопрос о социально-экономическом и политическом строе Дагестана, видимо, еще долго будет привлекать живейшее внимание исследователей. Следует отметить, что до последнего времени бытовало мнение, будто бы в Дагестане вплоть до нашего века господствовала патриархально-родовая организация общества.

Стремление к архаизации социально-экономического строя Дагестана было особенно характерно для дореволюционной историографии. Только после Октябрьской революции был положен конец преднамеренной архаизации общественного строя Дагестана. Но потребовалось немало усилий и времени пока советская историческая наука сумела отказаться от неверной точки зрения дореволюционного кавказоведения. Это и понятно. Прежде чем поповому поставить вопрос, необходимо было накопить и изучить большой, разносторонний материал о социально-экономическом и политическом строе Дагестана.

Огромную роль в этом сыграла большая и кропотливая работа сотрудников Института истории, языка и литературы, которая

^{13а} Кавказ, 1848, 13 марта.

особенно активизировалась с 1950 г. в связи с организацией Дагестанского филиала АН СССР.

В целом ряде работ, о которых говорилось выше, на основе богатого архивного и этнографического материала доказано, что в Дагестане господствовала не родовая, а патриархально-феодалная организация общества¹⁴. Но этим положено лишь начало изучению истории феодализма в Дагестане.

Феодалное общество Дагестана исследуемого периода делилось на два антагонистических класса: феодалов и крестьян. Первый класс составляли военно-служилая знать и духовенство, а второй — крепостные или полукрепостные раяты и уздени, которые по степени зависимости также подразделялись на ряд групп. Наряду с этими основными группами населения существовало также значительное торговое сословие.

Первые сведения о численном и сословном составе дагестанского общества относятся к 60-х годам и приведены в отчете начальника Дагестанской области от 21 августа 1861 г.¹⁵

Сословие	Мужчины	Женщины	%
Потомственные и личные дворяне	1278	1330	0,43
Духовенство	4500	4100	1,43
Торговое сословие в Дербенте, Петровске в штаб-квартирах войск	7592	6930	2,42
Уздени	281524	277712	93,23
Поселяне, живущие на владельческих землях	5721	5421	1,85
Кулы	1900	1987	0,64
Итого	302515	297480	100,0
Всего		599,995	чел.

Следует отметить, что эти данные страдают рядом серьезных недостатков, которые в значительной степени снижают их ценность.

Во-первых, они не учитывают Кумыкского округа, который в то время входил в состав Терской области. Во-вторых, вызывает серьезное возражение численный состав узденей. Известно, что по более достоверным сведениям, опубликованным в 1869 г., число всего дагестанского населения без Кумыкского округа составляло 442 743 чел. Эти сведения близко совпадают с последующими и не вызывали возражений со стороны исследователей. Да и сама кавказская администрация обычно пользовалась именно этими данными, а не первыми, которые и в отчете даны как приблизительные. Далее, в число торгового сословия, по-видимому, включены городские ремесленники, кустари и просто мещане. Более того, совершенно не учтены целая армия сельских кустарей, ремесленников и прослойка торговых людей из крестьян, проживающих

¹⁴ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1954; Хашаев Х. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, и др.; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.

¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71, л. 7.

вне города. Между тем известно, насколько широко было развито в Дагестане кустарное и ремесленное производства, на которых специализировались не только отдельные села, но и целые этнические группы населения.

Несмотря на недостатки, приведенные цифры довольно рельефно иллюстрируют сословный состав дагестанского общества. Видно, что господствующая феодальная верхушка населения составляла незначительное меньшинство (всего 1,86% ко всему числу жителей), зато зависимое крестьянство — подавляющее большинство (97,72%) и являлось основной производительной силой дагестанского общества. Однако это — лишь самая общая характеристика классовой структуры дагестанского общества исследуемого периода. Попытаемся коротко описать социальный строй Дагестана накануне вхождения его в Россию и те изменения, которые произошли в общественных отношениях в результате этого.

Феодальное общество Дагестана распадалось на два антагонистических класса — феодалов и крестьян. Первый составляли ханы, беки, чапки, сала-уздени, а также высшее мусульманское духовенство; второй — рабы, чагары, райты и уздени, которые по степени зависимости также делились на ряд групп. Рассмотрим положение каждой из них.

Хан¹⁶ до присоединения Дагестана к России являлся главой феодального владения. Ему принадлежало право объявлять войну, заключать мир, издавать законы, а также отправлять суд. Он был не только верховным правителем, но и главным собственником земли.

Со времени вхождения Дагестана в состав России царское правительство установило обязательные отношения с дагестанскими правителями, закрепленные двусторонними договорами, в которых четко оговаривались права и обязанности хана. Причем хан мог приступить к исполнению своих функций только после утверждения его царем, присягнув на верноподданство и подписав договор, определявший меру его власти. В этом отношении характерен договор, подписанный Аслан-беком при вступлении в управление Кюрийским ханством 4 января 1812 г.

«1. Аслан-бек и его преемники не должны признавать над собой ничьей власти, кроме власти русского императора и его наследников.

2. Аслан-бек и его преемники не должны вступать ни в какие связи и союзы с соседними владетелями и вольными обществами без разрешения главнокомандующего.

3. Жителям Кюрийского владения представляется пользоваться всеми правами наравне с прочими верноподданными России.

¹⁶ Ханское звание носили владетели: Аварский, Казикумухский, Кюрийский, Дербентский и Мехтулинский; в Тарковском владении глава феодального общества назывался шамхалом; в Каракайтагском — удмием; в Табасаранских владениях — майсумом и кадием; кроме них были владения Аксаевское, Андреевское, Костековское.

4. Аслан-беку представляется право разбирать все дела, касающиеся до внутреннего управления, и производить суд и расправу по его усмотрению.

5. Аслан-бек обязывается вносить ежегодно подати по 3000 червопцев и по 3000 четвертей хлеба (2500 четвертей пшеницы и 500 четвертей ячменя).

6. В залог своей верности Аслан-бек должен выдать в аманаты своего старшего сына Нуцал-бека и 2-х сыновей почетнейших кюринских старшин»¹⁷.

23 января 1812 г. с Аслан-беком были заключены дополнительные условия, по которым он обязался: 1) отдать сел. Курах, кроме жителей, в полное распоряжение русского гарнизона (два батальона пехоты и сотня казаков), оставленного для защиты кюринского владения; 2) всеми мерами стараться привести в покорность России соседние «вольные» общества.

В то же время Аслан-беку были положены чин полковника, инвеститурная грамота на достоинство хана Кюринского, знамя с российским гербом и драгоценная сабля¹⁸.

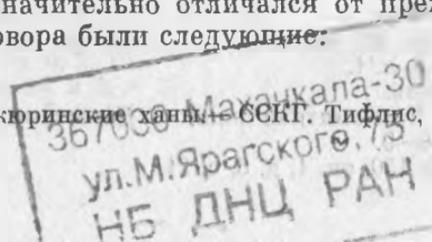
Как видно из договора, принятие Аслан-беком ханского титула и вступление его в управление Кюринским ханством были оговорены рядом условий и прежде всего признанием над собой и наследниками власти русского императора. Во внешнеполитических отношениях он лишался всякой самостоятельности и все его действия подчинялись воле главнокомандующего. Царское правительство наложило запрет даже на самостоятельные сообщения с соседними владениями и сельскими обществами без ведома местной администрации. Зато во внутренних делах за Аслан-беком сохранялась почти полная самостоятельность. Суд и расправа над подвластными совершались им без всякого ограничения, по своему усмотрению. Экономическим выражением признания русского царя являлось взимание в пользу казны денежных и натуральных податей и повинностей, за исправность которых отвечал хан.

Не желая терять свои права и привилегии, ряд владетелей Дагестана пытались было организовать антирусские выступления. Они были разгромлены, а их владения либо переданы в управление царской администрации либо там был посажен местный феодал, верный России, как, например, в Казикумухском ханстве в 1820 г. В первом случае все доходы от родовых имений Каракайтагского уцмья стали поступать в казну; во втором — в пользу нового владетеля Казикумухского — Аслан-хана.

При назначении в начале декабря 1820 г. Аслан-хана Кюринского одновременно и Казикумухским ханом был подписан новый договор, который значительно отличался от прежнего. Главными статьями этого договора были следующие:

¹⁷ Казикумухские и кюринские ханы. — СЕРГ. Тифлис, 1869, вып. 2, с. 19—20.

¹⁸ Там же.

«1. Аслап-хан утверждается во владении ханством Казикумухским и к прежнему достоинству хана Кюринского присоединяется звание хана Казикумухского.

2. Хан обязан охранять свои границы и идти с войсками, куда прикажут.

3. При постройке укреплений и проложении дорог в его владениях обязан помогать зависящими от него средствами.

4. В Кюринском и Казикумухском ханствах содержать постоянно 160 человек конницы, для употребления ее в караулы по усмотрению начальства.

5. Хану представляется право разбирать по закону и обычаям казикумухским все дела, кроме уголовных, которые должны быть разбираемы русским военным судом, для чего преступников отправлять к начальству.

6. Представляется Аслап-хану в Кюринском ханстве постановить набом сына своего или кого заблагорассудит, по отнюдь не соединять обоих ханств вместе, а каждым управлять особо.

7. Количество ежегодной дани положено определять по рассмотрении, сколько жители ханства могут платить без отягощения». Дань эта впоследствии определена была в 3000 руб. серебром¹⁹.

Царское правительство, осуществляя свою политику в присоединенных окраинах через местную знать и в союзе с ней, не оставляло ее без вознаграждения. Поэтому с присоединением Дагестана к России верные правительству феодальные владетели получили возможность значительно укрепить свое положение и усилить власть. Комиссия в своих заключениях о сословно-поземельном строе в Кумыкском округе, Кайтаге, Кюринском ханстве и других владениях отмечала, что «...власть феодалов пад зависимым крестьянством значительно усилилась»²⁰. По отзыву одного из начальствующих лиц в Дагестане, «права шахмала значительно увеличились; народ стал беспрекословно исполнять все требования шахмала, зная, что русские легко могут наказать всякого слушника воли вали²¹ дагестанского»²².

Сословно-поземельные комиссии были вынуждены признать, что, пользуясь покровительством царских властей, феодалы значительно увеличили подати и повинности с крестьян, усилился и процесс захвата крестьянских земель. Ханы продавали эти земли, предоставляли их в потомственное или временное пользование своим многочисленным родственникам, отдавали в откуп и т. д.²³

Источники ханских доходов были самые разнообразные. Основной статьей их оставались наследственные имения. Например,

¹⁹ Там же.

²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, с. 47; ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 16—25; ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 1.

²¹ Вали — правитель.

²² Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1901, с. 8—9.

²³ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 6, с. 21.

Кайтагский «уцмий, кроме доходов с наследственных имений, получал и другие доходы, принадлежащие тому, кто носил это звание. Доходы заключались:

- 1) в пошлине с торговых караванов, проходивших через Кайтаг;
- 2) в доход с пяти ятагов и пастбищной горы Андара-чи;
- 3) в доход с нефтяных колодцев на Неут-Кутане;
- 4) с отдельных уцмиевых соляных озер;
- 5) с жителей магалов Ицари и Шари — баранов, меда, масла и сигачи (грубый холст.— Г. О.);
- 7) доход с мельницы в сел. Башлы и с ореховых деревьев около этого селения и
- 8) штрафов за преступления жителей Башлы»²⁴.

Доходы Кюринского хана достигали 29 504 руб. Кроме того, зависимые крестьяне отбывали в его пользу барщину общей сложностью около 20 тыс. рабочих дней в году²⁵.

Власть ханов и исправное поступление доходов, а также отбывание повинностей обеспечивались вооруженной силой — нукерами, которые исполняли чисто полицейские функции при хане. В «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге» отмечается: «Назначение их (нукеров.— Г. О.), по объяснению беков, было преимущественно для поддержания внутреннего порядка и для приведения в повиновение узденей, не исполнявших требования уцмия»²⁶. Число нукеров зависело от политического веса и богатства хана, так как их содержание обходилось довольно дорого. Так, содержание каждого нукера Кюринскому хану обходилось в 40 руб.²⁷ В Кайтаге уцмий содержал до 300 нукеров²⁸, Кюринский хан — 162 нукера²⁹. Нукеры освобождались от податей и повинностей и целиком состояли на содержании хана, который давал им лошадей, одежду, ипогда и оружие.

Беки. Вслед за ханами по значению шли беки. Были собственно беки и карачи-беки. К первым относились потомки владетельных родов. Происхождение карачи-беков до сих пор остается невыясненным. Сами они считали себя потомками древнего привилегированного сословия, выделившегося из местных племен, и позднее в связи с арабскими завоеваниями потерявшего былое положение.

В известной мере это подтверждается самим названием этой группы беков. „Карачи“ есть слово древнейшее, кумыкское, в переводе оно значит „смотритель“ или „разбиратель“³⁰, — говорит автор статьи «Рассказ кумыка о кумыках». Он же называет их блюстителями всех старинных кумыкских обычаев. Из его «Рас-

²⁴ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 4.

²⁵ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 19.

²⁶ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 5.

²⁷ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 19.

²⁸ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 5.

²⁹ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 19.

³⁰ Кавказ, 1848, 2 окт.

сказа...» мы узнаем, что «в случае важных недоразумений, в решении тяжб судопроизводство обязательно проходило в присутствии „карачи“ и только в этом случае получало окончательное определение». И далее, «„сословные карачи“ находятся в деревнях Северного Дагестана — Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Каране и Ишкарты. Они суть потомки туземных князей, когда-то знаменитых, но влиянием шамхала ныне униженных. Из „карачи“ известны теперь в Дагестане: Уллубий Эрпелинский и Юсуф-бей Каранайский. В Эрпели хранилась книга Исмаил-Куран, где записывались все достопамятные постановления карачинского сословия»³¹.

В «Кратких сведениях о привилегированных сословиях в Северном Дагестане» (1869 г.) о карачи-беках записано: «Судя по многочисленности карачи-беков, род их должен быть действительно весьма древним, но, размножившись и через это раздробив родовые земли на мелкие части, они крайне обеднели, и общественное положение большинства их с древнего времени мало разнится от положения простолюдинов. У них также есть джанки, но им не присваивается титула бека, и они не имеют никаких особых прав и отличий от простолюдинов»³².

За неимением других источников, единственное, что нам остается, — это положиться на указанные сведения.

Комиссия, изучавшая сословно-поземельный вопрос о Кайтаге в середине XIX в., следующим образом характеризует бекское сословие: «Беки составляли высший класс населения в Кайтаге; кайтагские беки происходят из рода уцмия. Беки кайтагские владеют населенными землями, которые находятся в их наследственном владении. Поземельная зависимость поселян выражается в обязанности платить бекам определенную подать с различных земных произведений и в исполнении некоторых натуральных повинностей. Имена беков переходят по наследству. Наследникам женского пола выделяется лишь часть движимого имущества»³³.

По показаниям представителей высшего сословия Кумыкского округа, «в сословии князей и узденей 1-й степени (сала-узденей) как движимое, так и недвижимое имущество в случае неимения прямых наследников мужского пола по обычаю нашему поступает к ближайшим родственникам мужского пола умершего; женский же пол, как-то: мать, сестра, дочь, племянница и другие родственники женского пола умершего, от наследования отстранялись, при этом степень родства и близость наследования в мужском поле определяются шарнатом»³⁴.

Беки были вассалами хана и по феодальному обычаю должны были подчиняться ему. Однако фактически это подчинение носило

³¹ Там же.

³² ЦГА ДАССР, ф. 125, оп. 2, д. 16-а, л. 2.

³³ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 8.

³⁴ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 9, л. 133.

весьма условный характер. Как отмечается в той же «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге», уцмий в отношении к бекам был скорее старший член в семействе, чем повелитель, к которому обращаются другие члены за советом, «который могут принять или отвергнуть по своему благоусмотрению»³⁵.

Это верно в отношении не только Кайтагского уцмий, но и всех других феодальных владетелей Дагестана. Во внутренних делах бек сохранял полную свободу. Власть хана заключалась в праве увещевать или уговаривать бека «отказаться от излишних требований или изменить свое решение, приказать же этого он не мог»³⁶. Собственность бека была неприкосновенна, и феодальный обычай лишал хана всякого права «отбирать наследственные имущества беков»³⁷.

Несколько иными были отношения между ханами и беками во внешнеполитических делах. В «Записке о сословном и поземельном строе в бывшем Кюрииском ханстве» говорится: «По требованию хана беки обязаны были своими нукерами и подвластными выходить на войну»³⁸. Аналогичная мысль проводится и в «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге»: «Беки обязаны были, — читаем мы, — беспрекословно исполнять приказания уцмий, относящиеся до исполнения воинской повинности; являлись на службу его во время войны, на коне или пешие вместе со своими подвластными. За хорошую службу уцмий награждал бека подарками»³⁹.

Однако бывали случаи, когда бек не только не выполнял приказаний хана, но и выступал против него войпой. В том же документе говорится: «Случалось, что... бек оказывал явное неповиновение». Приводится пример, как Хан-Мамед-бек выступил против своего дяди уцмий Амир-Гамзы. В 90-е годы XVIII в. между Фет-Али-ханом кубинским и Амир-Гамзой завязалась междоусобица. Амир-Гамза приказал Хан-Мамед-беку выступить против Фет-Али-хана. Вместо этого, как повествует документ, Хан-Мамед-бек «перешел на сторону Фет-Али-хана, укрепился в сел. Хан-Мамед-кала, привлек на свою сторону жителей сел. Салик, Янгикент и Великент и отошел из-под власти уцмий и оставался в зависимости до смерти Амир-Гамзы. Когда после смерти Амир-Гамзы уцмием сделался Устар-хан, отец Хан-Мамеда, то селения эти опять подчинились уцмий»⁴⁰. Феодальный обычай нередко узаконивал такие явления.

С присоединением Дагестана к России отношения между ханами и беками претерпели большие изменения.

Царское правительство, с одной стороны, смещало неверных и «неблагонадежных» беков, лишая их права на наследственную

³⁵ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 7.

³⁶ Там же, л. 6.

³⁷ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 21.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 5.

⁴⁰ Там же.

собственность, с другой — способствовало значительному укреплению положения этого класса. Комиссия по изучению сословного и поземельного строя в Кумыкском округе отмечала: «Кумыкские князья — собиратели народной земли в свою собственность, пользуясь своей силой до появления русских, потом под покровительством русской власти простерли свое господство и на окрестных жителей некумыкского племени»⁴¹. Комиссия по исследованию сословно-поземельных отношений в Кайтаге также отмечает, что «система управлять народом через посредство высшего класса населения» привела к увеличению «повинностей, имеющих вид правильного сбора», и далее: «отношение нашей власти к бекам, влиянию которых в народе придавалось большое значение, ставившее их в положение чиновников — помещиков, в помощи которых наша власть как бы нуждалась для поддержания порядка, давала им возможность поступать в своих отношениях к поселянам, не стесняясь никакими условиями»⁴².

Внутреннее устройство бекских владений осталось почти без изменений. За беком полностью были сохранены судебные и полицейские функции в отношении его раят⁴³. Все дела, возникавшие между раятами, бек разбирал по адату. Однако, как указывает источник, нередко бек «решал дело совершенно произвольно»⁴⁴.

Тут же следует коротко остановиться на одном весьма примечательном для этого времени явлении, связанном с присоединением Дагестана к России. Выше приводилась выдержка из «Записки о сословном и поземельном строе в Кайтаге», где указывается, что имения беков переходят по наследству, но только по мужской линии. Представители женского пола в этом отношении были ограничены правом наследования только движимого имущества. Но в «Записке о сословном и поземельном строе в Кюринском ханстве» мы читаем: «Беки и жители... показали, что после смерти бека все его наследники, в том числе и женского пола, имеют право на наследование оставшейся после умершего земли». Далее отмечается, что, по показаниям Джафар-бека и Аслан-бека, «при ханах наследники женского пола не имели права на наследство, и это установилось совсем недавно»⁴⁵, т. е. после образования царскими властями Кюринского ханства.

Чем объяснить такое изменение в феодальном обычае, причем только в Кюринском ханстве, так как в других ханствах эти изменения не отмечались? Тем, что Кюринское ханство было образовано царскими властями и бекское сословие здесь сложилось в результате присоединения к России. Отношения между сословия-

⁴¹ Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. с. 287.

⁴² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 46.

⁴³ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 21.

⁴⁴ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 6.

⁴⁵ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 21.

ми и феодальные обычаи в ханстве Кюринском во многом сложились по русскому образцу. И наследование недвижимого имущества представителями женского пола бековского происхождения возникло под влиянием российского права.

Чанки (джанки). Чанки, гласит документ, — это потомки беков, «рожденные от матерей неравного происхождения»⁴⁶.

Смысл слова, по-видимому, объясняется имущественным и правовым положением чанки, которое, как свидетельствуют документы, сильно разнилось от положения беков. Вот что говорят, например, о положении чанков в шамхальстве Тарковском «Краткие сведения о привилегированных сословиях в Северном Дагестане»: «Между ними (чанками.— Г. О.) и потомками шамхальской фамилии первого разряда большая разница. Джанка находится большею частью в роли почетного слуги (шукера) у бека, несмотря на то, что они дети одного отца. При случаях вознаграждения за обиды, при браке и в порядке наследования джанки имеют далеко не равные права и преимущества с единокровными и прочими беками»⁴⁷.

По показаниям князей и сала-узденей Кумыкского округа, «княжеские чанки мужского и женского пола не имеют права на наследство движимого и недвижимого имущества отцов своих, если наследниками при жизни не будет сделано назру⁴⁸ в их пользу; если же будет сделано назру в пользу чанков или дочерей княжен на недвижимое имущество, то ближайшие родственники мужского пола не могут завладеть тем именем»⁴⁹.

В Кара-Кайтаге чанки делились на две группы: а) чанки-беки и б) просто чанки. Первые, так же как в шамхальстве Тарковском и Кумыкском округе, произошли от неравного брака бека. Однако их правовое положение было несколько отличным от положения чанков в других владениях Дагестана. Так, кайтагские чанки-беки получали в наследство «из недвижимого имущества отца: 12 дворов раят, 12 дворов чагар и целиком или часть ятага. По всем остальным правам они несколько не отличались от чистокровных»⁵⁰.

Чанки второй группы, по преданию, вели свое начало от рода уцмия. В исследуемое время они проживали «по преимуществу в узденских селениях Кайтага»⁵¹. Эта группа чанков не имела потомственных земель и зависимых крестьян и пользовалась «общественною землею наравне с прочими жителями»⁵². «Вообще джанки, — говорится о второй группе в „Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге“, — слились совершенно с прочим на-

⁴⁶ Там же, ф. 126, оп. 2, д. 16-а, л. 2.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Назру — завещание, дарение (араб.— Г. О.).

⁴⁹ ЦГА ДАССР. ф. 105, оп. 1, д. 9, л. 133.

⁵⁰ Там же, ф. 80, оп. 2, д. 24, л. 10.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

селеением и ничем не отличаются от него кроме названия „джанки“»⁵³.

Были и такие чанки, которые вели свое происхождение от карачи-беков. О них в «Кратких сведениях и привилегированных условиях в Северном Дагестане» говорится: «Им не присваивается титула бека и они не имеют никаких особых прав и отличий от простолюдинов»⁵⁴.

С присоединением Дагестана к России царское правительство причислило эти последние группы чанков к податному сословию и обложило их податями и повинностями «наравне с другим населением»⁵⁵.

Сала-уздени, или первостепенные уздени. Сала-уздени, или, как их называют русские источники, первостепенные уздени, имелись лишь в Кумыкских владениях и занимали следующую ступень за князьями (беками) в феодальной иерархической лестнице.

О происхождении сала-узденей до сих пор существуют различные точки зрения. Большинство дореволюционных исследователей утверждало, что сословие сала-узденей состояло из первых поселенцев кумыкской плоскости, «владевших поместьями до прихода князей»⁵⁶. Эту точку зрения разделяют и некоторые советские ученые⁵⁷.

По другой версии, появление сала-узденей как представителей высшего сословия связывается с перерастанием условной собственности в наследственную. «Сала-уздени,— пишет, например, Х. О. Хашаев,— вассалы феодалов, пользовавшиеся вначале землями (бенефициями.— Г. О.) своего сеньора-князя. Впоследствии бенефиция эта превратилась в лен-феод, так как, если в прошлом князья могли отобрать землю у сала-узденей, то в начале XIX в. она стала уже наследственной собственностью их, сначала условной (хотя случаев отобрания князьями земель у сала-узденей в XIX в. не обнаружено), а после раздела земель в 1865 г. земли сала-узденей стали безусловной собственностью их»⁵⁸.

Во-первых, сала-уздени сами составляли группу феодалов и были вассалами не просто «феодалов», а только тех, кто стоял выше их на феодальной иерархической лестнице. Во-вторых, земля «стала» наследственной собственностью сала-узденей, конечно, не в 1865 г., а значительно раньше, и юридическое оформление их прав на собственность было проведено рескриптом 1846 г.

⁵³ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 10.

⁵⁴ Там же, ф. 126, оп. 2, д. 16-а, л. 2.

⁵⁵ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 10.

⁵⁶ Кавказ, 1846, 31 сент.

⁵⁷ Скутский Б. В. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в.— Изв. Сев.-Осет. н.-и. ин-та, 1956, т. 18, с. 162.

⁵⁸ Хашаев Х. О. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954, л. 14.

На первый взгляд, указанные точки зрения взаимно исключают одна другую. Но на деле это не так. При тщательном изучении источников выясняется, что они отображают две стороны одного и того же процесса. Попытаемся хотя бы коротко показать это.

Автор статьи «Кумыки, их нравы, обычаи и законы» Д. Шихалиев подразделяет сала-узденей на две группы: собственно сала-уздени и княжеские уздени. Первых он называет «древними хозяевами земли, независимыми дачниками, которые гордились своим известным происхождением, богатством, уступая первенство одним лишь князьям»⁵⁹. Князья всячески стремились привлечь их на свою сторону. С этой целью они дарили сала-узденям земли, делали подарки. Автор этой же статьи утверждает, что среди всех сословий только сала-уздени не зависели от князей и даже не упустили случая, «чтобы ослабить власть князей». Они соперничали с князьями и часто вступали с ними в междоусобицы.

О второй группе в статье сообщается: «Как было сказано выше, в последние смутные времена многие выбегали из Чечни и из гор к кумыкским князьям, которые принимали их под свое покровительство и поселяли на собственных землях... Выходцы эти... составляли класс людей важных, княжеских узденей. Следовать за князем в набеги, на войну, прислуживать ему дома, один день в году выходить на сенокос его — вот в чем состояла вся служба узденя... Князья не оставляли без награды их верной службы; одни дарили их оружием, лошадьми, всем, в чем они нуждались... Князь не имел права наказывать узденей, по мог, рассердившись на одного из них, удалить его от себя и отобрать все данные ему подарки; когда же они опять мирились, обычай требовал, чтобы сверх возвращения всего отнятого князь дарил его лошадью или оружием». Узденей этой группы автор статьи называет второстепенными, или княжескими. В отличие от первых, они были обязаны участвовать в «междоусобных драках, проливая кровь» за князей; «в случае убийства князя мстили за кровь его семье убийцы, если он был равен им; если же он был князь, то его узденям». В свою очередь, феодальный обычай обязывал князя мстить обидчику своего узденя, если обидчиком был князь.

С присоединением Дагестана к России многие из княжеских узденей стали поступать на царскую службу, «получили чины и нажили деньги... покупкою приобретали земли, иногда даже под разными предлогами выманивали у русских начальников окончательное укрепление за собою поместьев, полученных от князей под условием личной службы и всегда, по воле последних, могущих отойти от них. А для русского начальства 10-летняя давность владения была достаточным основанием для отчуждения поместья от настоящего владельца в пользу узденя без дальней-

⁵⁹ Кавказ, 1846, 31 сент.

шего разбирательства их обоюдных прав... Княжеские уздени, переходя в вольные дачники, естественно, отвыкают от службы княжеской и поступают постепенно в сословие первостепенных узденей. Те только из них остаются около князей, которые не успели еще приобрести независимого состояния».

Из приведенной выдержки видно, что часть узденей, некогда составлявшая дружину князя, с укреплением в Кумыкии царизма стала поступать на службу, получать жалованье и приобретать земли. Российское законодательство в этом отношении целиком оказалось на их стороне. По законам достаточно было десятилетней давности пользования, чтобы закрепить земли в потомственное владение. Бывшие княжеские уздени широко использовали эту практику русских властей, чтобы присвоить себе княжеские земли, находящиеся в их условной собственности, приобрести новые и вслед за этим попасть в состав первостепенных узденей, или сала-узденей.

Д. Шихалиев сообщает, что сала-уздени «в настоящее время... стали мешаться с второстепенными, или княжескими, но до утверждения русского владычества резко отличались от них»⁶⁰. Он приводит немало фактов, свидетельствующих о том, что в эту группу привилегированного сословия наряду с сала-узденями вошли также княжеские, или второстепенные, уздени, выбившиеся в дворянское сословие ревностной службой царскому престолу⁶¹.

С присоединением Дагестана к России сословие сала-узденей значительно укрепило свое положение и прочно обосновалось рядом с князьями. Во всех письменных документах они наряду с князьями стали фигурировать как составная часть феодального сословия: «в сословии князей и узденей 1-й ступени (сала-узденей.— Г. О.) и т. д.» Феодальный обычай также признал их равное с князьями положение.

Духовенство. Мусульманское духовенство составляло многочисленную и разветвленную группу привилегированного сословия. Формально считалось, что духовенство не составляет замкнутой группы привилегированной верхушки. Больше того, предполагалось, что каждый из представителей «вольных сословий» может вступить в духовное звание, и единственным условием, которое оговаривало это право, было знание арабской грамоты, корана и его толкования. Однако на деле все было иначе.

По сообщению «Исторического обзора действий русского правительства по устройству мусульманского духовенства за Кавказом», составленного в 50-х годах XIX в., «между суннитами мы находим особенности духовного устройства... К числу таковых особенностей должны отнести привычку сохранения духовных степеней в известных родах, обычай, который доселе в Дагестане так силен, что кадий, происходя из известного рода, не только

⁶⁰ Кавказ, 1846, 31 сент.

⁶¹ Там же, 1848, 9 окт. См. примеч.

может быть совершенною цевеждою в своем законе, но даже может не знать ни читать, ни писать, принимая за себя с ведома всех и каждого, какого-либо грамотного муллу, пишущего за него законные решения»⁶².

До присоединения Дагестана к России мусульманское духовенство в силу своего общественного положения играло большую роль в жизни горцев. По сообщению упомянутого «Обзора...», «духовенство составляло здесь важнейший класс общества и ограничивало некоторым образом самую ханскую власть, потому что, хотя ханы имели постоянно право жизни и смерти, смены и назначения каждого отдельного лица этого сословия, они не могли коснуться прав и преимущества всего сословия вообще, потому что это считалось бы посягательством на священное постановление пророка»⁶³. Такое влиятельное положение духовенства в дагестанском обществе в известной мере обеспечивалось монополией на образование. «Обзор...» называет духовенство «образованнейшим классом мусульманских владений», у которого «владельцы постоянно искали беседы и советов». Это обеспечивало им возможность оказывать влияние на все дела хана⁶⁴.

Как свидетельствует «Обзор...», духовные лица были совершенно освобождены от податей и повинностей. Эти преимущества сохраняли и их дети, перешедшие в «светское состояние». Представителей высших слоев духовенства — ханов — нередко возводили в достоинство беков⁶⁵.

Строго регламентированного духовного управления в Дагестане не существовало. «Обзор...» сообщает, что «в суннитских ханствах Закавказского края большею частью ханы сами управляли духовными лицами... в дагестанских ханствах ханы назначали в каждый магал одного или двух кадиев»⁶⁶.

Духовные лица получали доходы как с лично им принадлежащего имущества, так и за отправление религиозных обрядов, обучение детей и за ведение шариатских дел. Значительную долю их доходов составляли различного рода приношения в пользу мечетей, медресе.

Однако наиболее доходной статьей мусульманского духовенства и мечети являлись вакуфа — земли и самое различное имущество, завещанные прихожанами в пользу мечетей, и зякат, или мечетская десятина. Завещания носили самый разнообразный характер — от полной передачи прав собственности мечети до предоставления в ее пользование части доходов. Все тяготы по ведению вакуфного хозяйства, по обработке земли, сбору урожая, по доставке дров для мечетей, по ремонту домов, мельниц и т. д. и т. п. лежали на крестьянах. Духовенство осуществляло лишь

⁶² ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 482, д. 101, л. 10.

⁶³ Там же, л. 13.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, л. 11.

⁶⁶ Там же, л. 14.

надзор за аккуратным поступлением доходов. Широко практиковалась также сдача вакуфов в аренду.

Следует, однако, отметить, что по своему экономическому и правовому положению духовенство не являлось однородным. Хотя звание муллы и кадия было общим почти для всех служителей религиозного культа и шариата, по своему материальному положению и общественному весу они были далеко не равны. Из упомянутого выше «Обзора...» мы узнаем, что многие муллы вели свое хозяйство и занимались торговлей, что многие из них зависели от воли общества. «Обзор...» резко подразделяет духовенство на различные категории, начиная от «находящихся в услужении хана» и до «высших членов духовенства, которых нередко ханы возводили в достоинство беков»⁶⁷. Это неравенство порождалось сословным характером самого дагестанского общества.

Мы рассмотрели привилегированные сословия. Теперь коротко остановимся на зависимых сословиях.

Кулы и каравашы — рабы и рабыни. В заключении «Комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской области» записано: «Кулы и каравашы (рабы и рабыни) — суть дворовые люди, невольники, по народным обычаям находящиеся в полном и ничем неограниченном распоряжении своих владельцев»⁶⁸.

Как сообщает Н. Дубровин, «кул, или раб — совершенно во власти своего господина, который имеет полную волю казнить его, продать с семьею или отдельно, разлучить мужа с женою, мать от детей»⁶⁹. Даже брак со свободным не мог спасти детей невольницы от рабства. Этого преимущества были удостоены лишь дети, прижитые с представителями высшего сословия⁷⁰. Причем это было единственное преимущество, которое они наследовали от своего знатного родителя.

Таким образом, личность кула являлась полной собственностью владельца. Рабов можно было продавать, покупать, менять, дарить, давать им свободу и даже убивать. Дагестанский адат совершенно не ограничивал прав владельца в этом отношении. Убийство раба или нанесение ему увечья третьим лицом феодальный обычай рассматривал как материальный ущерб, нанесенный владельцу, и требовал компенсации.

У дагестанцев, как и всех других народов, первоначальным источником образования рабства были пленники — ясыры. На это указывают и документы: «класс рабов... образовался большею частью из пленных»⁷¹. Однако война не была единственным способом пополнения числа рабов. Автор статьи «Кумыки, их нравы,

⁶⁷ Там же, л. 14.

⁶⁸ Там же, ф. 126, оп. 2, д. 72-г, л. 1.

⁶⁹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. 1, кн. 1, с. 625.

⁷⁰ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71-а, л. 3.

⁷¹ Там же.

обычай и законы» пишет, что в рабов обращали также «вольных людей, обманом вывезенных из своих деревень и проданных потом какому-нибудь князю или узденю»⁷². Нередко практиковались также хищение детей и продажа их в рабство. У того же автора читаем: «Молодые удалыцы ... рыская по соседям, чтобы выгладеть, из какого табуна легче будет угнать лошадь или буйвола, не пропустят удобного случая украсть мальчику или девочку, и даже взрослого, когда на это есть возможность»⁷³. Иногда в раба превращался неплатежеспособный должник, кровник и т. д. Таким образом, источники пополнения класса рабов были самые различные.

Документы раскрывают также роль раба в хозяйстве господина. В заключении «Комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской области» говорится: «Кулы никакой собственности не имеют, и вообще имущественных прав за ними не признается. Живут при домах своих владельцев, на полном содержании последних». И далее: «Кулы, находясь в домах своих владельцев, не несут каких-либо обычаем установленных повинностей, а обязаны исполнять все, что требует от них владелец»⁷⁴. Подобное указание мы находим и у Н. Дубровина. Рабы, по его утверждению, «жили обыкновенно в самом доме хозяина и занимались домашними и полевыми работами»⁷⁵.

По данным 60-х годов XIX в., число рабов в Дагестане достигало 3887 чел.⁷⁶ В условиях, крайне ограничивающих возможность применения рабского труда, много и ожидать было нельзя. Даже в ранний период, когда рабов, несомненно, было значительно больше, последние интересовали владельца не столько как рабочая сила, сколько как ценный товар. Поэтому рабство в Дагестане не переросло за рамки домашнего, патриархального рабства.

Автор статьи «Кумыки, их права, обычай и законы» утверждает, что «табуны, стада, торг невольниками, явно производившийся тогда в Андрееве, — вот прежние источники их (князей. — Г. О.) доходов. Холопов в прежние времена у князей было гораздо более, чем теперь; они ежегодно увеличивались взятыми в плен или обманом захваченными в горах»⁷⁷. Однако, как сообщает тот же автор, в условиях, когда «землевладение не составляло главного богатства князей», содержание многочисленной дворни было крайне невыгодным и владельцы стремились на различных условиях избавлять холопов от личной службы⁷⁸. Так в феодальных владениях появились азаты, вольноотпущенники и чагары.

⁷² Кавказ, 1846, 14 сент.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-г, л. 1.

⁷⁵ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, с. 626.

⁷⁶ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71, л. 7.

⁷⁷ Кавказ. 1846, 14 сент.

⁷⁸ Там же.

В сельских обществах пагорбного Дагестана уздени также имели рабов. Ис крайняя скудость земли и ограниченные возможности использования рабов в хозяйстве неминуемо вели к продаже или освобождению за выкуп и без выкупа. Поэтому в горах рабство не получило широкого распространения. Здесь в большинстве случаев рабов отпускали на волю, и постепенно они становились членами сельского общества. Однако на потомках освобожденного еще долго оставалось клеймо. До самой Октябрьской революции сословно-кастовое деление аула на «лагов» (рабов) и узденей имело самое широкое распространение. Несмотря на формальную личную свободу, потомки когда-то освобожденных рабов подвергались всевозможной дискриминации.

По описанию Н. Дубровина, «в сел. Корода Гунибского округа, каждую пятницу после службы (речь идет о службе в мечети.— Г. О.) чауши обходят всех потомков рабов. Помни, говорят они при этом каждому, что ты производишь не от узденя. Освобожденный раб и его потомство, как бы богаты ни были, не имели права резать более 3 баранов в год на все семейство, чтобы в этом не сравниться с кровными узденями»⁷⁹.

В с. Чох потомки рабов до четвертого колена включительно были обязаны раз в год угощать всех узденей, живущих на одной улице с ними, и через каждые десять лет при разделе общественных пашей давать с каждого семейства в пользу общества по одному котлу цепой 8—10 руб. Обычно один из этих котлов разбивался на мелкие куски, а остальные продавались и на вырученные деньги устраивалось угощение для членов сельского управления. В сел. Мехельта освобожденные рабы и их потомки раз в год должны были на целую ночь уходить из дому. В их отсутствие приходили группы молодых узденей, которые съедали и выпивали все, что находилось в доме и во дворе⁸⁰.

В горских обществах паблюдались различные формы рабовладения: индивидуальная, тухумная и общественная. Однако рабовладельцами в основном были представители джааматской знати.

К тому же после присоединения Дагестана к России институт рабства был значительно ограничен. Христиан, которые составляли основной источник рабства для мусульманских феодалов, Россия взяла под защиту. Продажа в рабство краденых детей или обманом захваченных крестьян стала преследоваться. Российские власти поощряли отпуск рабов на волю и выкуп. Однако совершенно ликвидировать институт рабства в течение первой половины XIX в. не удалось.

В 1861 г. по предложению областной администрации была предпринята попытка упорядочить сложившуюся бесчеловечную систему «торга невольниками», когда детей отрывали от родителей, жену — от мужа и т. д. и т. п. По новому положению продавать можно было только рабскую семью в целом, был паложен

⁷⁹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, с. 606.

⁸⁰ Там же.

запрет на право отчуждать рабыню, вышедшую за человека из другого сословия, затем запрещена продажа рабов в другие места с другим языком и обычаями. В конце 60-х годов институт рабства был ликвидирован полностью. Несмотря на всю непоследовательность и классовую ограниченность властей, нельзя не признать большого прогрессивного значения этого акта.

Рабы были приписаны к определенному сельскому обществу и должны были заплатить хозяину выкуп за «освобождение», но они не наделялись землей и фактически оказались в плену новой формы закабаления, хотя не узаконенного официально, но в сложившейся обстановке неизбежного.

Чагары. В трудах «Комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской области» говорится: «Чагары, или, иначе, бывшие дворовые люди из рабов и рабынь, отпущенные владельцами со двора для устройства собственного хозяйства на землях бекских и владельческих»⁸¹.

Автор статьи «Рассказ кумыка о кумыках» также отмечал: «Чагары суть те же кулы, но на различных условиях зависимости и от княжеской домашней службы избавленные и причисленные к известной полосе земли с канавою»⁸².

Из приведенных выдержек видно, что чагары — это в основном бывшие рабы, наделенные землей и находящиеся в личной зависимости от владельцев.

Однако имеются источники и другого характера, которые не всегда учитываются исследователями. Например, журнал заседаний «Комитета Кумыкского округа по разбору личных и поземельных прав туземцев», в котором говорится, что 25 июля 1862 г. в Комитете рассматривался вопрос «об аксаевских чагарах, отыскивающих себе вольность, по случаю тому, что они люди вольного происхождения, а не крестьяне аксаевских князей». По этому поводу в журнале записано следующее: «Аксаевские жители, называемые чагары, неоднократно жаловались, что общество их состоит под властью князей, не имеющих на то никакого права потому, что предки просителей в давнее время переселились в деревню Аксай с мест по своей воле, а не силою князей и не приобретены ими покупкою, почему и получили название чагар, означающее на кумыкском языке „вольные“. В то время князья не имели никакого насильного над ними управления, но просили их помогать в некоторых домашних работах добровольно. После же князья стали употреблять их на все работы насильно и продавать в посторонние руки...»⁸³

Жалоба чагар разбиралась Андреевским городским судом. На суде, как далее записано в журнале, «князья объяснили, что предки просителей действительно поселились на их земле с давнего времени, перешедшие с разных мест, но отцы князей и они

⁸¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 74-г, л. 1.

⁸² Кавказ, 1848, 16 окт.

⁸³ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6, л. 17—18.

сами распоряжались ими как своими крестьянами», и суд, конечно, признал право князей на наследственное владение чагарами, право продавать их и отпускать на волю⁸⁴. Это же отражено и в «Записке о сословном и поземельном строе в Каїтаге».

Таким образом, документы ясно свидетельствуют о том, что чагарская категория феодальнозависимого крестьянства складывалась двумя способами. С одной стороны, она формировалась за счет «разноплеменных выходцев, искавших покровительства сильных и влиятельных князей, кои поселили их на своих свободных землях... и таким образом поступивших к ним в добровольную зависимость»⁸⁵. С другой стороны,— за счет кулов, посаженных владельцами на землю.

Несмотря на такое различие в происхождении, обе группы чагар мало чем отличались одна от другой.

Источники второй половины XIX в. отмечают, что «чагарское сословие соответствует бывшему у нас крепостному состоянию»⁸⁶. Чагары действительно были прикреплены к земле и «без позволения своих князей не могли переселяться из одного аула в другой или переходить от одного владельца к другому»⁸⁷. Феодальный обычай давал владельцу право насильно возвращать чагара или взыскать с него 100 руб. Владелец имел также «право продавать чагар, освобождать их от повинностей или отпускать на волю»⁸⁸ за выкуп или без выкупа; причем выкуп взимался только за мужскую душу в размере от 50 до 200 руб.

Однако чагар уже не являлся полной собственностью владельца, как кул. Сохранив за собою право суда и расправы над чагаром, владелец все же «не мог лишать его жизни»⁸⁹. Чагары имели и другие личные права. Их нельзя было брать во двор князя для постоянного жительства и для работ. «Князь лишь мог заставить производить в своем дворе условно-обязательные работы»⁹⁰. Наряду с личными у чагара были также и хозяйственные права — приобретать землю и даже иметь своих холопов. По феодальному обычаю, его «имущество... переходило к князьям только в случае отсутствия наследников мужского пола»⁹¹. С присоединением Дагестана к России и этот обычай был отменен.

В случае переселения из одного селения в другое по воле князя за чагаром сохранялись также права на хозяйственные помещения, дома, мельницы, построенные на земле владельца, и даже на сады. Обязательные отношения чагара к владельцу заключались в отбывании натуральных повинностей.

---

⁸⁴ Там же, л. 18.

⁸⁵ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 49—54.

⁸⁶ Там же, см. примеч.

⁸⁷ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 99-а, л. 3.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

Определить число чагар в исследуемый период не представляется возможным. Источники говорят о постоянном пополнении чагарской группы за счет кулов. «Число их постепенно увеличивалось по мере того, как князья отпускали в их общество своих холопов, почитавшихся излишними в домашнем штате, ибо князья, не любя заниматься полевыми работами, не находили пущным иметь при себе многочисленной дворни»⁹².

В исследуемое время в отдельных феодальных владениях, особенно на равнине, чагарская группа превратилась в наиболее многочисленную после узденей группу феодальнозависимого крестьянства. Автор статьи «Кумыки, их права, обычаи и законы» писал, что «в настоящее время сословие это чрезвычайно размножилось... и вместе с тем составляет большую часть народа кумыкского»⁹³. Аналогичный вывод можно сделать и при изучении итогов работы сословно-поземельной комиссии по Кайтагу⁹⁴.

Раяты. «Записка о сословном и поземельном строе в Кайтаге» утверждает, что раятом «называется каждый человек, платящий подать или отбывающий какие-либо повинности другому лицу»⁹⁵. О происхождении раятов в документе сказано: «Хотя зависимость... раятов произошла от пользования землями, принадлежащими бекам, по неустановившийся общественный строй прежнего времени, дававший большой простор произволу всякого сильного лица над слабым — таким всегда являлся бек в отношении к раяту как по собственному общественному положению, так и по материальным средствам, — изменил эти чисто арендаторские отношения до некоторой степени в личную зависимость»⁹⁶. По этому документу, подати и повинности, которые раят отбывал «другому лицу», произошли первоначально от поземельной зависимости, которая с развитием феодализма переросла в личную.

Однако это далеко не единственный путь возникновения раятской зависимости. Например, в «Записке о сословно-поземельном строе в Северной и Южной Табасаранях», составленной на основании документальных данных, народных преданий и опроса представителей всех сословий, указывается, что «отношения раятов к бекам в Табасарани такие же, как в Кайтаге, но происхождение зависимости раят иное». И далее: «Существующие в настоящее время селения покорены и приведены в покорность майсумом и кадием. В обеих Табасаранях зависимость жителей от беков произошла главным образом от покорения их предков беками»⁹⁷. То же самое говорится и в «Записке о сословном и поземельном строе в бывшем Кюринском ханстве»⁹⁸.

⁹² Кавказ, 1846, 31 сент.

⁹³ Там же.

⁹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 49—54.

⁹⁵ Там же, л. 6.

⁹⁶ Там же, л. 12—13.

⁹⁷ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 3.

⁹⁸ Там же, д. 6.

В ханствах Аварском и Казикумухском раятская группа также формировалась двумя способами: с одной стороны, за счет военнопленных лагов, которых ханы сажали на землю, с другой — путем закабаления разными способами свободных общинников. Например, жители даргинских селений Чирах, Ашты, Купки, Худуц и других были превращены в райатов казикумухского хапа силой оружия. А в таких лакских селениях, как Тулизма, Хулизма, Хосрек, раятская группа, в основном, сложилась за счет лагов, посаженных на землю⁹⁹.

Вопрос о степени зависимости райатов был предметом исследования многих историков-кавказоведов и до революции и в наше время. Дореволюционные историки С. Эсадзе, М. Кучаев и другие отрицали существование крепостной зависимости райатов в даргинских ханствах. И. П. Петрушевский, исследуя вопрос о феодальных отношениях в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в., пришел к выводу, что: «1) в закавказских ханствах прикрепление крестьян к земле, точнее к хараджу и повинностям, следуемым с данной местности, существовало или по меньшей мере феодальной властью делались постоянные попытки добиться такого прикрепления; 2) поддерживая это прикрепление в пределах своих ханств, закавказские ханы в то же время в интересах своих и подвластных им беков поощряли побег райатов и иятов из соседних ханств, сажали их на землю и нередко отказывались выдавать беглецов»¹⁰⁰.

Этот вывод вполне применим и к Дагестану. Однако до последнего времени среди дагестанских историков не было твердо установившейся точки зрения на поставленный вопрос. И потому, что до сего времени не сделан конкретный анализ экономического и правового положения зависимых сословий в Дагестане. Почти все местные источники прямо указывают, что раят был прикреплен к земле. Вот, например, что говорят «Адаты» об отношениях терекмейских райатов к своим бекам:

«3. Переселение терекмейца в другое место зависит от произвола бека.

4. Когда раят переселяется с позволения бека, тогда берет с собою все свое движимое имущество, но недвижимое остается в ведении бека.

5. В случае переселения без разрешения бека все имущество райата переходит в распоряжение бека.

6. Если бек заставляет райата переселяться против воли, то он имеет право продать дом, мельницу, толчею, сад и другие угодья односельцу»¹⁰¹.

«Адаты» утверждают, что «переселение терекмейца в другое место зависит от произвола бека»; однако они учитывают и воз-

⁹⁹ Там же, ф. 126, оп. 1, д. 116.

¹⁰⁰ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, с. 262.

¹⁰¹ ЦГА ДАССР. ф. 150, оп. 1, д. 2, л. 1.

возможность «скрытного переселения», хотя и не предусматривают против этого никаких административных мер.

Таким образом, формально-юридического акта прикрепления раята к земле мы не имеем; возможно, его и не было; однако беки прибегали к санкциям экономического порядка, которые были узаконены «Адатами» и делали невозможным выселение раятов.

Это и понятно. Беки, благополучие которых целиком зависело от раятского труда, не могли не стремиться сделать невозможным или по крайней мере всячески затруднить свободный переход раята к другому владельцу. В «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге» указывается, что у беков «весьма естественно могло явиться ... стремление не допускать или по возможности затруднять свободное переселение раятов... беки старались обставить его такими условиями, при которых свободное переселение фактически делалось невозможным»¹⁰².

То же самое говорится и в «Записке о сословно-поземельном строе в Северной и Южной Табасаранях»: «В Табасарани, как и в Кайтаге, беки, все доходы которых получались от трудов раятов, старались прикрепить последних к земле и обставить выселение их такими тяжкими условиями, что свободное выселение становилось невозможным, и одно бегство избавляло раята от притеснений беков»¹⁰³. И эти «тяжкие условия» заключались в том, что «раят, переселявшийся без разрешения бека, должен был оставить все свое имущество, как движимое, так и недвижимое, в распоряжении бека»¹⁰⁴.

Аналогичное положение описывает нам и «Записка о сословном и поземельном строе в Кюринском ханстве». Сказанное в равной степени относится и к Аварскому, и к Казикумухскому владениям.

Не удивительно, «что русские магнаты, поставленные править отдельной провинцией, возможно энергично содействовали своим авторитетом к созданию крупных земельных собственников»¹⁰⁵ и окончательному закреплению раятов.

По сведениям, собранным Комитетом об устройстве между мусульманским народонаселением высшего сословия, «право переселения поселян (речь идет о раятах.— Г. О.) без согласия беков было воспрещено при русском правительстве»¹⁰⁶; причем «в числе источников, на которых основано это сведение», был рапорт от 27 февраля 1835 г. Дербентского коменданта, в ведении которого находились Кайтаг и Табасаран¹⁰⁷. «По всему этому, зави-

¹⁰² Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 14.

¹⁰³ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 4.

¹⁰⁴ Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 14.

¹⁰⁵ Тульчинский Н. П. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости.— В кн.: Терский сборник. Владикавказ, 1903, с. 8—9.

¹⁰⁶ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 14; ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 4.

¹⁰⁷ Там же.

симость раята от бека... кроме поземельной приняла характер и личной с некоторым оттенком крепостной зависимости, в коем виде и является она в последнее время»¹⁰⁸, т. е. в середине XIX в.

Уздени. Уздени являлись самой многочисленной группой крестьянского сословия. Они составляли более двух третей всего населения Дагестана. Сохраняя общее для всей группы название на всей территории, уздени в действительности подразделялись на ряд подгрупп, различие между которыми зависело не только от принадлежности к той или иной подгруппе, но и от того, в каком феодальном владении находилась данная группа узденей. Это было следствием неравномерности социально-экономического развития Дагестана.

Например, на Кумыкской плоскости все уздени находились в личной и поземельной зависимости от князей и беков и отбывали им оброк (ясак) и барщину (булка)¹⁰⁹.

В отличие от чагар и райтов уздени, которые также делились на ряд групп (просто уздени, догерек-уздени, кара-уздени и азат-уздени), не были крепостными и сохранили право свободного перехода с места на место; их нельзя было ни купить, ни продать.

Однако, как сообщает автор «Рассказа кумыка о кумыках» Д. Шихалиев, «по крепостному обычаю кумыков уздень, жалованный землею и канавою, не может отлучаться от своего князя. Он всегда должен называться и быть на деле его узденем; но если он захочет перейти к другому князю, то должен лишиться своей земли и всех подарков, какие когда-либо от прежнего князя получал»¹¹⁰. То же — в шамхальстве Тарковском и в ханстве Мехтулиском. И здесь переход на новое место был связан с потерей прав на «недвижимую собственность в пользу землевладельца»¹¹¹.

Несколько иным было положение узденей во владениях Нагорного Дагестана, где они пользовались значительной «вольницей». Свободные общинники, уздени являлись основной производительной силой нагорного Дагестана; и мы не знаем документов, которые указывали бы на прямое или косвенное ограничение их в правах передвижения и имущественных правах.

Эта особенность социального строя феодальных владений нагорного Дагестана в значительной мере определялась своеобразием его природных условий. Резко пересеченный горный ландшафт, крайняя скудость пашни вынуждали горца вести настоящую войну с природой за каждый клочок земли. Поэтому «барская запашка» и ее спутница, «барщина», в горах не получили большого развития. Основой власти феодала здесь являлась

¹⁰⁸ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 4.

¹⁰⁹ Кавказ, 1848, 16 окт.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ ССКГ. Тифлис, 1869, вып. 2, с. 13 (см. примеч.).

главным образом собственность на пастбища. Известно, что ведущей отраслью сельского хозяйства нагорного Дагестана было животноводство, развитие которого немыслимо без использования горных пастбищ, а в горских феодальных владениях значительная часть пастбищных угодий находилась в руках ханов и беков. В Казикумухском ханстве, например, почти все горные пастбища принадлежали ханской фамилии и бекам. То же самое можно сказать и об Аварском ханстве. Это явилось главным условием утверждения господства горских феодалов над узденскими обществами.

По данным 1828 г., в Аварском ханстве насчитывалось 279 селений, в которых было 31 005 дворов¹¹². 210 селений с 20 738 дворами находились под «непосредственным управлением хана»¹¹³, остальные «имели правление народное», но были и такие общества, которые не считали себя подданными аварского хана, «но имели издревле обязанность по требованиям хана доставлять войска на собственном их продовольствии»¹¹⁴.

Имеются и более ранние документы, свидетельствующие о том, что аварскому хану платили подати почти все узденские общества¹¹⁵.

Но не все узденские общества одинаково зависели от хана: одни находились в обязательных отношениях, платили подати и повиности, зависимость других заключалась в поставке воинов со своим продовольствием при сохранении полной личной и хозяйственной свободы, третьи никаких обязательств в отношении к хану не имели, но пользовались его горными пастбищами и покровительством. Даже внутри одного общества наблюдалось деление узденей на две-три группы по степени зависимости от хана или бека.

То же самое было и в Казикумухском ханстве. Хотя ханство объединяло почти всю территорию лаков, а также ряд аварских, агульских, лезгинских и даргинских обществ, далеко не все узденские общества были лично зависимы от феодалов. В личной зависимости от ханов и беков находились 20 раятских селений¹¹⁶. Зависимость же большинства узденей носила поземельный характер и была связана с использованием ханских пастбищных угодий.

Наряду с феодальными владениями в Дагестане были известны и союзы «вольных» обществ. Причем и в дореволюционное время, и после революции многие историки склонялись к мысли, что в этих союзах проживали свободные уздени и, исходя из этого, делали вывод, что в отдельных районах Дагестана еще в

¹¹² Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940, т. 3, ч. 1, с. 190—196.

¹¹³ Там же, с. 190—191.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ См.: Учен. зап. Ин-та ист., яз. и лит. Даг. фил. АН СССР, 1956, т. 1, с. 126—130.

¹¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 11-б, л. 12.

XIX в. господствовали патриархально-родовые отношения. В подтверждение этого вывода они обычно ссылались на факты из быта сельских общин, из их внутреннего устройства и управления.

Примером может служить такой мощный союз сельских общин, как Акушинский, или, как называют его источники, Акушиния. Документ, относящийся к XVIII в., сообщает об Акушинии: «Мало в ней мест, к хлебопашеству удобных, а поэтому жители имеют больше скотоводства, особенно овец, а зимой, когда в горах снег глубоко бывает, отгоняют скот свой на пастьбу к берегам Каспийского моря во владения шамхала Тарковского и уцмня Каракайтагского»¹¹⁷. И далее: «Акушинцы и ныне почитаются в зависимости шамхала, однако же сия зависимость происходит наипаче в необходимой надобности в пастбищных местах его владений»¹¹⁸. По этим же сведениям, акушинцы в случае войны должны были выставлять шамхалу определенное число воинов, правда за плату¹¹⁹. Кроме того, документ отмечает, что «внутреннее правление зависит от них самих. Управляются своими старшинами и кадием, собственно самими ими избираемым»¹²⁰.

Этот факт подтверждается и письмом верхов Даргинского общества к Ермолову. Письмо это было написано в ответ на обращение Ермолова в 1826 г., напечатано в Актах Кавказской археографической комиссии и цитируется в переводе с арабского:

«Письмо твое, написанное к нам с твоим похвальным советом, дошло до нас. Мы поняли все, что в нем заключалось, приняли твой совет с искренностью и с общего согласия всего народа. Знай, что мы люди вольные; между нами нет эмира, нет могущественного владельца в наших деревнях; мы только племя, называющееся узденями шамхала Магди. Он во всякое время дает нам совет, желает нам добра и спокойствия, и мы по воле аллаха не нарушим прочной клятвы и твердых обетов. Напротив, пребудем в повиновении великому российскому падишаху. Мы не любим смут и интриг, не желаем войны в городах, не подчинимся никому из посторонних эмиров и останемся постоянно спокойными. Мы сделали строгое внушение и запрещение всем тем, которые позволили бы себе поступать против такой нашей решимости. Будь покоен с нашей стороны. За сим желаем тебе здоровья»¹²¹.

О признании акушинцами сословного превосходства шамхала Тарковского повествуют и другие документы.

Еще пример. В ряде источников и исследований XIX в. проводится мысль, будто бы в узденских частях Кайтага «уздени составляли совершенно свободные и независимые от власти уцмня общества»¹²². Так ли это? Документы, собранные сослов-

¹¹⁷ ЦГВИА, ф. 414, д. 301, л. 11.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ АКАК, т. 6, ч. 2, с. 85.

¹²² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 62.

но-поземельной комиссией по Кайтагу и Табасарани, сообщают: «По призыву уцмий ... уздени обязаны были ополчаться на войну ... обращались к суду уцмий», более того, «гаттым (наследник. — Г. О.) уцмий один раз в год объезжал все узденские селения и производил суд»¹²³. «В пользу уцмий поступали штрафы, взимающиеся за убийство, воровство и увоз женщин»¹²⁴. Однако власть уцмий над узденской частью Кайтага не ограничивалась только этим. Многие магалы и селения (магалы Ицари, Шархит, Катаган и др.) обязаны были платить подати и отбывать повинности в пользу уцмий. Как свидетельствует «Записка о сословном и поземельном строе в Кайтаге», уздени нагорного Кайтага «сами считали уцмий как бы своим естественным предводителем и защитником»¹²⁵.

То же самое можно сказать и о других так называемых «вольных» обществах. Многочисленные документы позволяют сказать, что почти все «вольные» общества на деле находились в той или иной степени зависимости от феодалов. Например, андийцы и общества Тушь и Мусук считались данниками аварского хана и были в зависимости от него¹²⁶. Муллы Карахского общества находились в зависимости от Казикумухского хана и платили ему подати. Салатавские, гумбетовские и койсубулинские общества были в зависимости от кумыкских владетелей, власть которых распространялась и на целый ряд чеченских обществ и т. д.¹²⁷

Феодалы не довольствовались такой номинальной властью над узденями и, используя любой предлог, пытались обманом или силой оружия привести их в полное повиновение. По свидетельству документов, силой оружия были покорены уздени табасаранских владетелей — майсума и кадия¹²⁸.

Иногда узденские общества сами изъявляли желание принять покровительство феодала. Это обычно являлось следствием долголетней межобщинной борьбы, и «испрошенное покровительство ... от притеснений соседних больших обществ»¹²⁹ являлось крайней мерой, к которой вынуждены были прибегать более слабые общества. Характерна в этом отношении история самурских селений Лудгуна и Ялаха. После долгой и упорной борьбы с более сильными соседними общинами за землю и самостоятельность лудгунцы и ялахцы в конце концов вынуждены были просить покровительства у Казикумухского Магомед-хана, отца Сурхай-хана¹³⁰. То же самое имело место и в Кайтаге.

¹²³ Там же, л. 5.

¹²⁴ Там же, л. 64.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 5, л. 3.

¹²⁷ Материалы по истории Дагестана и Чечни, с. 191.

¹²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1.

¹²⁹ Там же, ф. 2, оп. 3, д. 142, л. 49—92.

¹³⁰ Там же.

По «Записке...», происхождение обязательных отношений «жители магала Ицари объясняют тем, что магал их составлял слабое общество, подвергавшееся частым нападениям сюргинцев и кайтагцев, и, не имея средства защищать себя от таких набегов, прибегал к покровительству уцмий»¹³¹.

Однако основой власти феодалов над узденями, как и над другими группами крестьянства, являлась собственность на землю: в равнинном, прибрежном Дагестане — на пахотную, а в горах — на пастбищную. Мы цитировали документ, в котором указывалась зависимость Акушинского союза от шамхала Тарковского; отмечалось, что «сия зависимость происходит наипаче в необходимой надобности в пастбищных местах его владений»¹³². В «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге» также отмечается, что обязательные отношения узденей к уцмью чаще всего складывались в силу того, что уздени пользовались его пастбищами. То же самое наблюдалось и в Аварии¹³³.

Феодалы постоянно посягали на свободу узденей. Эта борьба продолжалась столетиями с переменными успехами. Именно в этой борьбе, по всей вероятности, сложились монолитные союзы сельских общин, или «вольные» общества, в которых уздени видели средство для защиты от притеснений феодалов.

Нередко «союзы» вырастали в силу, способную не только успешно отражать захватнические стремления феодала, но и освобождать из-под его власти многие аулы. Характерны в этом отношении события, разыгравшиеся в конце XVIII в. в Кайтаге. В это время шла кровопролитная междоусобная война шамхала Тарковского, уцмья Кайтагского и Казикумухского хана против Кубинского владетеля Фет-Али-хана. В 1774 г. объединенные силы дагестанских владетелей разбили Фет-Али-хана. Царское правительство, не желая ослабления своего союзника, решило поддержать Фет-Али-хана, и с этой целью послало отряд войск в Дагестан. Под селом Башлы уцмий был разбит. Воспользовавшись ослаблением уцмий, против него восстали 11 селений магала Каба-Дарга. Борьба длилась семь лет. Магалу помог Акушинский союз, и уцмий оказался не в состоянии справиться с объединенными силами акушинцев и восставших. После семилетней борьбы эти 11 селений примкнули к Урахинскому союзу обществ, который входил в состав Акушинского союза.

Можно привести другой пример. Как повествуют документы, до смерти Умахана Аварского «деревни, принадлежащие округам Тушу и Мусуку ... как до введения в сем крае веры магометанской, так и после того»¹³⁴ были зависимы от аварских ханов и платили им подати скотом. Однако когда аварский престол занял Султан-Ахмет-хан, который не был выходцем из рода авар-

¹³¹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 64.

¹³² ЦГВИА, ф. 414, д. 301, л. 11.

¹³³ См. приведенные выше документы.

¹³⁴ Материалы по истории Дагестана и Чечни, с. 191—196.

ских ханов, не пользовался поддержкой феодальной верхушки и всячески заигрывал с ней, эти деревни отложились от ханства и перестали выполнять свои обязательства по отношению к нему¹³⁵. В связи с этим внук Умахана вынужден был в 1828 г. обратиться к царским властям с прошением: «Надеюсь на милость великого нашего государя, что принудит их (общества Тушь и Мусук.— Г. О.) к тому»¹³⁶ (т. е. к уплате податей.— Г. О.).

Эти и подобные им факты свидетельствуют не только о борьбе узденей против феодалов, но и о том, что «свобода и самостоятельность» узденских обществ носили довольно условный характер.

Из всего сказанного, на наш взгляд, можно сделать заключение, что почти все уздени находились в той или иной зависимости — от поземельного и сословного неполноправия до ограничения в правах передвижения путем экономического принуждения.

Подавляющее большинство узденей нагорного Дагестана было лично свободно. Они сохранили автономное самоуправление, право передвижения, занятий, а также хозяйственные права, однако находились в поземельной зависимости от ханов и беков и безусловно признавали их сословные привилегии. В равнинных же владениях права узденя были значительно ограничены. В случае перехода с места на место феодальный обычай лишал его всех прав на недвижимую собственность в пользу землевладельца.

После присоединения Дагестана к России положение узденей резко изменилось.

Законодательное выражение это получило в рескрипте от 6 декабря 1846 г., который объявил всех лично свободных крестьян государственными поселянами, и, хотя формально указанный рескрипт прямо не касался Дагестана, все же, как сообщает управляющий екатеринодарской казенной палатой Акинфиев, «высшая в крае власть» считала, что рескрипт «должен быть распространен и на Дагестан»¹³⁷.

После подавления движения горцев под водительством Шамиля Кавказская администрация последовательно стала называть узденей государственными крестьянами, сидящими на «казенных землях, состоящих в постоянном пользовании поселян»¹³⁸. За ними не признавалось право собственности даже на мюльки. При этом власти исходили из того, что «все земли, состоящие в распоряжении сельских (аульских.— Г. О.) обществ, принадлежали при прежнем владычестве казне и отданы были лишь во временное пользование населению»¹³⁹. Опираясь на эту точку зрения, по указанию Министерства финансов России, «все кре-

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Вестник финансов, промышленности и торговли. СПб., 1900, т. 1, с. 221—223.

¹³⁸ ПСЗ, 1902, т. 20, с. 778.

¹³⁹ Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902, вып. 1, с. 126—136.

стьянское население области по камеральному описанию было отнесено к одному разряду крестьян, живущих на казенной земле»¹⁴⁰. Центральные и местные власти всячески внушали эту мысль и узденям.

Экономическим выражением этой точки зрения было обложение узденей податями и натуральными повинностями, которые мало чем отличались от податей и повинностей, отбываемых государственными крестьянами в пользу казны. Царские власти приняли также меры для ограничения правового положения узденя. В дагестанском ауле была введена круговая порука¹⁴¹. Уздени были лишены права свободного передвижения. По «Положению» о сельских обществах Дагестана, крестьянин мог отлучиться из аула только с разрешения старшины¹⁴². Был обставлен многочисленными условиями переход в другое сословие, переезд на другое место жительства.

* * *

Подводя итоги сказанному, необходимо коротко остановиться на некоторых факторах, оказавших большое влияние на развитие аграрного строя в Дагестане. Прежде всего о факторе географическом. По рельефу Дагестан делится на две, резко отличающихся друг от друга части — равнинную и горную. Равнина узкой полосой протянулась по берегу Каспийского моря с севера на юг и представляет собой богатейший массив для сельскохозяйственного возделывания. Для горной части характерны суровые климатические условия и резко пересеченная каменистая поверхность. Она крайне бедна пахотной землей, зато здесь в изобилии — тучные альпийские луга. На этой почве давно произошла специализация сельскохозяйственного производства: в горных районах главной отраслью хозяйства стало отгонное скотоводство, на равнине — полеводство.

Горцы на протяжении веков тянулись на равнину, пытались освоить и обжить плодородные земли, но частые пашества орд кочевников и разорительные походы ипоземных завоевателей сводили на нет их попытки и периодически разрушали производительные силы края.

Возможность для осуществления вековых устремлений населения гор и развития сельского хозяйства в мирных условиях появилась с присоединением Дагестана к России. Но царское правительство, заботясь исключительно о создании максимально благоприятных условий для помещичье-дворянского землевладения, стало раздавать земли местным феодалам, чиновникам, тем самым ограничивая возможность выхода горцев на равнину и обрекая их на тяжелые последствия старого безземелья.

¹⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 19.

¹⁴¹ Там же, л. 816.

¹⁴² Там же.

В результате, как отмечалось, исторически, сложилась диспропорция в размещении производительных сил и средств производства в сельском хозяйстве Дагестана: на равнине приходилось 67% всей пашни, 74% всех пастбищ и менее одной трети населения, а в горах проживало 70% всего населения и в его распоряжении было лишь 33% всей пашни и 26% всех пастбищ. В то время, как на равнине пустовали обширные массивы плодороднейшей земли, горец был вынужден довольствоваться клочком в 0,25 га посева. В такой обстановке, естественно, в горах всегда ощущался избыток рабочей силы.

Но не только в специализации отдельных частей и исторически сложившейся диспропорции в размещении производительных сил и средств производства проявилось влияние географической среды, наложившей в известной мере отпечаток на характер и степень развития общественных отношений. Под ее заметным влиянием сложились в Дагестане и формы земельной собственности. Так, в горах, где каждый кусочек земли отвоевывался у природы трудом целых поколений, издревле сложилась частная подворно-участковая собственность на пашню и отчасти на сенокосы. Пастбища же находились в пользовании общины. На равнине плодородной земли было более чем достаточно. Но она нуждалась в четко организованной системе орошения, создание которой, как известно, не под силу индивидуальному двору. Необходимость общественных условий для создания ирригационной сети неизбежно породила и общинную собственность на землю.

Многонациональный Дагестан можно назвать классическим примером, подтверждающим положение К. Маркса о том, что один и тот же экономический базис может обнаруживать в своем проявлении бесконечное число вариаций и градаций. На земледельческой равнине, особенно на Кумыкской плоскости, вся земля была захвачена феодалами и крестьянство находилось в личной поземельной зависимости. Как уже отмечалось, в случае перехода на другое место жительства или к другому владельцу феодальный обычай лишал крестьянина права на собственность в пользу бека. Больше того, некоторые группы населения были прикреплены к земле. Все равнинное крестьянство отбывало в пользу своих феодалов оброк (ясак) и барщину (булка).

Иначе обстояло дело в нагорном Дагестане. Вследствие отсутствия сколько-нибудь удобных цельных массивов пахотной земли в горах «барская запашка» и ее спутница, «барщина», не получили почти никакого развития. Потому не нашла здесь особого распространения и личная зависимость крестьянина от феодала. Как уже отмечалось, основной производительной силой нагорного Дагестана являлись уздени, располагавшие юридически личной свободой, пользовавшиеся правом свободного передвижения, имущественными правами и имеющие самостоятельное управление.

Однако не следует делать вывода, будто горское крестьянство было совершенно свободным, а горское общество представляло из

себя «вольное общество», будто здесь господствовал «демократический» общинный строй. В. И. Ленин отмечал, что в феодальном обществе крестьянство находится в разной степени зависимости — от сословного неполноправия до крепостного состояния. Как мы видим, это характерно и для Дагестана. Если в земледельческих районах равнины наблюдались самые отвратительные стороны феодализма — крепостные устои, то в горных районах в силу указанных выше причин лично зависимых крестьян было ничтожное меньшинство. Почти все уздени, как отмечалось, безусловно признавали сословные привилегии феодальной верхушки и находились в поземельной зависимости от нее. Накопленный фактический материал и многочисленные исследования дают нам основание отказаться от механически принятого у дореволюционных авторов термина «вольные общества». Таковых в Дагестане фактически не было.

В горах, где удобной под пашню земли было очень мало, широкое развитие получила феодальная собственность на пастбища. Например, в Лварском и Казикумухском ханствах в значительной мере пастбищные угодья принадлежали феодальной верхушке. И если иметь в виду, что основной отраслью сельского хозяйства нагорного Дагестана являлось животноводство, развитие которого немыслимо без использования летних альпийских пастбищ, то станет очевидным, что основой власти феодалов над горскими узденями была феодальная собственность на пастбищные горы и угодья. Зимой же, когда скот перегонялся на зимние пастбища, горские общества были вынуждены арендовать пастбища у равнинных князей.

Некоторые горские общества находились в обязательных отношениях, платили подати и несли повинности в пользу ханов и беков. Зависимость других заключалась в поставке воинов со своим продовольствием, но при этом они сохраняли полную личную и хозяйственную свободу. Третьи, а их было значительное большинство, никаких обязательств по отношению к хану не имели, но пользовались его горными пастбищами и покровительством. В преобладании узденей, располагавших юридической свободой личности, над всеми другими группами и категориями крестьян и заключалась характерная черта аграрного строя в Дагестане.

Феодалы не довольствовались такой номинальной властью и, используя любой предлог, обманом или силой оружия пытались привести горских общинников в полное повиновение. Борьба длилась веками с переменным успехом. Суровая гористая местность, которая крайне усложняла передвижение, многонациональный состав населения и феодальная раздробленность облегчали сопротивление узденей.

Дальнейшим шагом на этом пути были реформы 60-х годов XIX в. После окончания «Кавказской войны» и «замирения» края царское правительство решило упразднить феодальные владения, представлявшие собой как бы государство в государстве.

В связи с этим от ханской зависимости освободилось до 200 тыс. чел. Однако не во всех владениях освобождение было проведено одинаковым путем. В Ханствах Аварском и отчасти Казикумухском это было, скорее, признание положения, сложившегося в результате так называемой «Кавказской войны», в Южно-Дагестанских феодальных владениях — Кайтагском, Кюрипском, Табасаранском — освобождение коснулось лишь той части крестьян, которые находились в разной степени зависимости от верховного феодального правителя как посетителя государственной власти. Наиболее последовательно реформа была осуществлена в засулакских княжествах, включенных в состав Терской области, а также в Присулакском паибстве и Мехтулинском ханстве Дагестанской области. В этих владениях земля была поделена пополам между владельцами. Так, до реформы в кумыкских княжествах почти вся земля площадью свыше 400 тыс. дес. была собственностью князей и беков. В результате реформы за беками и князьями осталось 186 тыс. дес., а остальная земля поступила в распоряжение крестьян; причем земля за крестьянами была закреплена без выкупа. Первоначально царское правительство сделало попытку установить выкупные платежи, но эта попытка натолкнулась на решительное сопротивление крестьян. Опасаясь новых волнений, местная администрация отказалась от своих первоначальных планов и стала ходатайствовать перед центральными бюрократическими органами о ликвидации выкупных платежей. При этом власти ссылались на то, что воспоминания о недавно минувших днях борьбы еще слишком свежи в памяти дагестанцев и попытки установить платежи могут стать поводом для нового выступления. Центральные правительственные органы согласились с мнением местных властей и удовлетворили их просьбу. Однако царские власти сделали все, чтобы дворянская верхушка извлекла из реформы максимум возможных выгод: дворянам было предоставлено право выбора при разделе земли. Таким образом привилегированная верхушка сохранила за собой наиболее удобно расположенную и плодородную землю.

По-прежнему остались в зависимом положении и бекские районы. Реформа почти совершенно не коснулась их. В начале XX в. феодальнозависимые отношения существовали в 98 селениях Дагестана. В них насчитывалось свыше 13 тыс. дымов, или «70 тысяч душ обоего пола»¹⁴³ — примерно десятая часть всего сельского населения области. Особенно много зависимого населения приходилось на три земледельческих округа — Темир-Хан-Шурипский, Кайтаго-Табасаранский и Кюрипский. Из 13 026 дымов 11 821 приходился именно на эти три округа. В Аварском округе насчитывалось всего 72 зависимых дыма, остальные приходились на Казикумухский и Самурский округа¹⁴⁴.

¹⁴³ Красный архив, 1936, № 6 (79), с. 106—107.

¹⁴⁴ Там же.

Таким образом, реформа не была завершена. 9,4% всего населения области по-прежнему оставалось в феодальной зависимости от беков. Сущность зависимых отношений заключалась в том, что подневольные крестьяне были обязаны отбывать в пользу беков повинности и платить подати натурой, деньгами и личными услугами; причем отношения между беками и раятами, размеры и перечень податей и повинностей в пользу беков никак не были урегулированы. Вот что писал по этому поводу в августе 1910 г. директор канцелярии наместника царя на Кавказе Н. Петерсон: «Можно сказать безошибочно, что раяты были представлены полному, бесконтрольному усмотрению беков и их управляющих и приближенных»¹⁴⁵.

И далее он жаловался на то, что последние при взыскании податей и повинностей не проявляют умеренности, не считаются ни с условиями времени, ни с экономическим положением раят, что в раятских селениях царит произвол. И, наконец, Петерсон откровенно признает, что в конфликтах, возникавших на этой почве, «местные власти всегда поддерживали бекское сословие». Благодаря попустительству со стороны кавказской администрации беки постоянно увеличивали размеры натуральных и денежных повинностей.

Например, в прошении беков — помещиков сел. Мугатыр и Митаги, поданном в 1908 г. на имя наместника, указывалось, что в денежном выражении каждый дым сел. Митаги отбывал им повинностей на сумму 51 руб., а сел. Мугатыр — на сумму 49 руб.¹⁴⁶

Одновременно зависимые раяты должны были уплачивать в обычных размерах земские сборы и подымную подать, а после 1900 г. государственный поземельный налог или оброчную подать в пользу казны¹⁴⁷.

---

¹⁴⁵ Записка в Совет наместника его императорского величества на Кавказе «О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кашкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения в Дагестанской области и Казатальском округе». — Красный архив, 1936, № 6 (79), с. 107.

¹⁴⁶ Там же, с. 118.

¹⁴⁷ Там же.

Глава вторая

Становление мелкотоварного уклада и рост товарного производства Дагестана

Социально-экономическая эволюция дагестанского аула в 60-х годах XIX в. — начале XX в.

Мелкое производство в зависимости от политики правящего класса и развивающихся общественно-экономических отношений в стране неизбежно эволюционирует в определенную сторону, а в эксплуататорском обществе при всех условиях становится легкой добычей либо крупного землевладельца, либо крупного предпринимателя. Так случилось и с дагестанским крестьянством.

В. И. Ленин отмечал, что сущность противоречий экономического строя пореформенной России заключалась в наличии отсталого земледелия, с одной стороны, и высокоразвитого промышленного капитализма, с другой; в господстве помещичьего землевладения и кабальных отработок при неуклонном проникновении и развитии капиталистических отношений. В силу этого освоение Дагестана, как и других окраин царской России, происходило путем укрепления класса помещиков и консервации отсталых патриархально-феодальных отношений, а также экономического освоения края и превращения его в источник сырья для капиталистической промышленности. В одном случае Дагестан служил объектом помещичьей, фискальной и чиновничьей эксплуатации, отражавшей интересы помещиков-полукрепостников, в другом — объектом эксплуатации капиталистической, отражавшей объективные законы социально-экономического развития страны, развитие капитализма вширь. До конца XIX в., особенно до проведения здесь железной дороги, в Дагестане господствовали феодальные методы эксплуатации. Но с тех пор, как железная дорога прошла по территории Дагестана и соединила Закавказье с центральными районами страны, объективные экономические законы развивающегося вширь русского капитализма, помимо воли царизма, все громче стали заявлять о себе, проникая во все новые области экономики края.

Чтобы полнее раскрыть сущность политического курса самодержавия в отношении крестьян, показать его социальную эволюцию в предреволюционные годы, когда в сельское хозяйство области стал проникать капитализм, сделаем небольшой экскурс в прошлое и обратимся к некоторым историческим фактам.

В 1819 г. генерал Ермолов издает приказ, который возвестил, что ныне, кроме «Его императорского величества», никто не имеет права дарить бекам «за услуги» деревни, а также населенные и ненаселенные земли¹.

Власти обосновывали свои выводы утверждением, будто в мусульманских странах поземельной собственности не существует: вся земля там принадлежит носителям государственной власти — шахам, султанам и другим феодалам как представителям бога на земле, которому «единственно, по учению Магомета, принадлежат все земли». Между тем анализ источников приводит к выводу, что для простого механического отождествления не было почвы. Даже в земледельческих районах Средней Азии и Азербайджана, где в силу характера феодализма государственная собственность получила наибольшее развитие и государственная земля составляла абсолютное большинство всех земельных угодий, частное землевладение получило исключительно большое распространение². В Дагестане же, особенно в горах, где клочки удобной земли отвоевывались у природы трудом поколений, государственная собственность практически распространялась лишь на определенные пастбищные угодья. Пашня всегда находилась в личной собственности. В горах она была в собственности крестьян-узденой, на равнине — в собственности беков и князей. Обширные земельные угодья сохранялись также в общинно-родовой собственности³. По материалам исследователей, эта форма собственности преобладала и у кочевых народов Средней Азии и Казахстана⁴. Тем не менее, как уже говорилось, первоначально в Дагестане и Закавказье даже беки были объявлены временными управителями. Только сложившаяся внутренняя и международная обстановка и трудность осуществления намеченных преобразований вынудили царизм снова искать опору среди местных феодалов. Так появился на свет рескрипт 1846 г., признавший все права и привилегии местного дворянства. Но если в поисках социальной опоры царское правительство изменило отношение к местному дворянству — своему естественному союзнику, то в отношении крестьян этого не последовало.

Аграрная политика царского самодержавия по отношению к аристократическим верхам дагестанского общества претерпела неоднократные изменения. Взгляд же на основную массу производителей — крестьян — с самого начала носил вполне определенный и последовательный характер. В лице крестьян царские

¹ АКАК, т. 6, ч. 2, док. № 278.

² История Азербайджана. Баку, 1960, т. 1, 2; Гафуров Б. Г. История таджикского народа. М., 1952, с. 337—339; История Туркменской ССР. Ашхабад, 1955. Т. 1; История Узбекской ССР. Ташкент, 1956. Т. 1.

³ История Дагестана. М., 1968, т. 2, с. 41—42.

⁴ Вопросы истории, 1944, № 10, с. 18—105; Шерстобитов В. П. Социально-экономические отношения в айле, кышлаке и деревне Киргизии до коллективизации сельского хозяйства. — В кн.: История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963, с. 81—97.

власти видели зависимое сословие плательщиков податей; с самого начала они всеми средствами внушали эту точку зрения крестьянам. Зависимые крестьяне были отданы в распоряжение помещика, полицейская и судебная власть полностью сосредоточилась в руках бека.

Поверенные четырех раятских селений Северной Табасарании сообщали в 1870 г., что «дегьекъ (хлебная подать.— Г. О.) в бекских селениях состоял из одной сабы пшеницы и одной — ячменя, но увеличился впоследствии до настоящих размеров, точно так же и повинности увеличивались год от года, прежде они были гораздо легче»⁵.

Другой пример. В протоколах бывшей Дербентской сословно-поземельной комиссии за 1850 г., которая «приобрела сведения от самих беков», значится, что «в 6-ти бекских селениях Северной Табасарании — Рукеле, Куркаке, Вартатиле, Араке, Хучпи и Цуртиле — вся повинность поселян в пользу бека состоит только в трехдневной работе; между тем в настоящее время (т. е. к 1908 г.— Г.О.) мы встречаем в тех же селениях множество разнообразных податей, повинностей и произведений земли, и работами»⁶.

По сообщению члена сословно-поземельной комиссии Южного Дагестана майора Симонова, «в Южном Дагестане беки не только увеличивали постоянно повинности с поселян подвластных им деревень, но совершалось даже вновь порабощение свободных жителей в пользу беков»⁷. Тот же Симонов утверждает, что «право переселения поселян без согласия беков было воспрещено при русском правительстве». Этот вывод Симонова основан на материалах Дербентского коменданта и Совета Главного управления о правах владения населенными имуществами⁸.

Усиление феодального гнета и эксплуатации сопровождалось ростом сопротивления зависимых крестьян. В поисках заступничества сотни и тысячи крестьян, а также представители десятков сельских общин обращались к царской администрации с жалобами. Однако протесты и жалобы на чрезмерное увеличение поборов и повинностей не находили отклика. Больше того, окружные суды, ведавшие этими делами, как правило, принимали сторону бека. Так было с обществом сел. Мугатыр Кайтаго-Табасаранского округа, которое пыталось через суд ограничить произвол местного бека. Так было и с обществами сел. Великент, Татлар, Падар, Салик, Джемикент и ряда других⁹. Потеряв надежду «найти правду» у кавказской администрации, раяты Да-

⁵ Справка к законопроекту о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа от беков и кепкелевладельцев.— Рук. фонд. Ин-та ист., яз. и лит. Даг. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 215, с. 16.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 17.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

гестана переходили к открытой вооруженной борьбе против феодалов.

Всевозможными полумерами царизм пытался ослабить крестьянское движение. Крестьянская реформа в Дагестане коснулась лишь небольшой части уздней, которые находились в зависимости от ханов и были освобождены в связи с ликвидацией феодальных владений. Раяты же по-прежнему оставались в зависимости от беков.

Наместник царя на Кавказе Воронцов-Дашков с тревогой сообщал, что «сохранение зависимых отношений поставило население в обостренные отношения, разделив его на два враждебных лагеря»¹⁰. В конце XIX в. борьба раятов против беков разгорелась с новой силой.

По сообщению того же наместника, антифеодальное движение в 1898 г. «приняло в Дагестане форму настоящих волнений, и в этом году большинство селений Кайтаго-Табасаранского округа прекратило отбывание бекам повинностей»¹¹. Отмечалось, что «в течение последующего десятилетия движение это стало охватывать все больший район»¹². А в ноябре 1905 г. в «конфиденциальном» письме к барону Нольде Воронцов-Дашков сообщал, что в Дагестане, «как упомянуто, почти прекращено фактическое выполнение в отношении беков каких-либо повинностей, и такое положение существует уже более 9 лет; причем, хотя некоторые беки и подавали жалобы по этому поводу администрации, но сами были против принятия репрессивных мер из боязни восстания»¹³. Особую опасность этого движения царизм не без оснований видел в том, что оно развивалось «не без связи с аналогичными явлениями в других частях края»¹⁴.

Революция 1905—1907 гг. показала, насколько «небезопасным»¹⁵ являлось дальнейшее сохранение кабальных отношений. Развитие классовой борьбы вынудило царизм после почти 60-летней беспримерной волокиты 7 июля 1913 г. утвердить закон «О прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам и об учреждении в сих местностях установлений по крестьянским делам».

Естественно, это «прекращение зависимых отношений» было проведено таким образом, чтобы как можно меньше задеть интересы беков. В качестве вознаграждения за отмененные повинности царское правительство выдало бекам 302 309 руб. золотом — сумму, в десять раз превышавшую размеры всех повинностей, отбываемых в течение одного года раятами. Зависимые крестья-

¹⁰ ЦГИА, ф. 1276, оп. 2, д. 86, л. 729.

¹¹ Там же, с. 730.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, ф. 1276, оп. 2, д. 86, с. 730.

¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 9, д. 12.

не обязаны были погасить ее в течение 20 лет путем ежегодных равных взносов в казну¹⁶.

Закон от 7 июля даже не коснулся дворянского землевладения. Крестьяне-раяты по-прежнему оставались в кабальной зависимости от помещика, были экономически закрепощены им.

Как мы имели возможность убедиться, подавляющая часть дагестанского общества состояла из лично свободных узденей. Их удельный вес в исследуемый период достигал примерно 87% всего крестьянского населения области, и они составляли основную массу производителей Дагестана. Эту часть крестьянства многие исследователи называют «свободными общинниками». Не ставя цель доказывать или опровергать правильность этого термина, мы хотим коротко охарактеризовать аграрную политику царизма в отношении этой части крестьянства.

Вопрос о социальной эволюции узденей после вхождения Дагестана в Россию является одним из наиболее интересных в истории Дагестана XIX в. Несмотря на это до настоящего времени мы не уделяем достаточного внимания проблеме экономического и социального положения, условий быта и культуры «поселян, живущих на государственной земле» (так их называют дореволюционные источники). В данном случае делается лишь попытка в самых общих чертах проследить процесс развития поземельно-правовых отношений между государством и дагестанскими узденями.

Начиная с 60-х годов XIX в. в различного рода документах, статистических сборниках, обзорах Дагестанской области и т. д. вплоть до 1917 г. уздени последовательно называются «государственными крестьянами», сидящими на «казенных землях, состоящих в постоянном пользовании поселян»¹⁷.

В основу такой точки зрения легло упомянутое выше предположение будто 1) «все земли, состоящие в распоряжении сельских (аульских.—Г. О.) обществ, принадлежали при прежнем владычестве казне и отданы были лишь во временное пользование населения и 2) что отношения эти сохранились и по водворении русской власти»¹⁸.

Так, при осуществлении реформы для этого готовится почва. В отношении крестьянства этот тезис последовательно брался на вооружение. Несмотря на ликвидацию ханств и «освобождение» большинства населения, вопрос о земле, исключая кумыкские княжества, вошедшие в Терскую область, остался открытым, земля не была закреплена за крестьянами, но и не была открыто объявлена государственной собственностью. Царское правительство, вероятнее всего, решило не будоражить и так далеко неспокойное дагестанское крестьянство, заявить о себе как о собст-

¹⁶ Красный архив. 1936, № 6 (79), с. 105.

¹⁷ ПСЗ, 1907 г., т. XX, оп. 1, с. 778.

¹⁸ Дагестанский сборник. Темур-Хан-Шура, 1902, вып. 1, с. 126—136.

венские земли исподволь, поставив крестьян перед свершившимся фактом.

Уже после событий 1877 г. у 35 селений Андийского округа были конфискованы летние пастбища площадью около 16 тыс. дес. и переданы в ведение Управления государственных имуществ¹⁹.

В 1911 г. в ведение Управления государственными имуществами было передано 3 тыс. дес. земли крестьян Аварского округа. Свои действия власти объясняли только тем, что эти земли-де когда-то принадлежали аварскому хану. Аналогичные случаи имели место в Кюрийском и других округах. Отобранные земли использовались либо для наделения беков и колонистов, для поощрения чиновников царской администрации, либо для пополнения фонда «оброчных статей». Например, в 1874 г. полковнику Тулаеву были пожалованы 652 дес. земли, отобранной у селения Фаргат-Кент²⁰; в 1873 г. майору Адильхану Лидемирову «за усердную и полезную службу» — 248 дес.²¹ В Кайтаго-Табасаранском округе несколько тысяч десятии плодороднейшей земли отданы чиновнику П. И. Лазареву, а в Хасавюртовском — десяти царским чиновникам отведено каждому по 263 дес.²² В Кайтаго-Табасаранском округе накануне революции такого рода владельцам принадлежало более 30% всей частновладельческой земли²³. Вместе с тем из года в год росли и оброчные статьи. Накануне революции их площадь составила 163 980 дес.

Одновременно царское правительство все более и более стало усиливать борьбу со всевозможными земельными сделками, совершаемыми крестьянами. Уже в 1870 г. главноначальствующий Кавказской армией воспретил «отчуждать земли лицам, не принадлежащим туземному населению»²⁴. В 1871 г. запрет был распространен на залог и долгосрочную аренду²⁵. А 12 октября 1900 г. наконец, последовал указ царя, в котором прямо говорилось, что земли сельских обществ Дагестанской области и их недра «принадлежат правительству» и отведены лишь в постоянное пользование государственных крестьян, но не предоставлены им в собственность²⁶. Исходя из этого, отмечалось, что жители не имеют «законных оснований» на сделки с землей²⁷⁻²⁸.

В течение 1860—1867 гг. крестьянство Дагестана было обложено подымной податью, которая, по признанию «Вестника финансов, промышленности и торговли», «по основаниям своего исчисления вполне тождественна со взывавшеюся в прежнее

¹⁹ Обзор Дагестанской области за 1912 г. Темир-Хан-Шура, 1913, с. 23.

²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 3, д. 24.

²¹ Там же.

²² Гаджиева С. Ш. К вопросу о крестьянской реформе у кумыков. — Учен. зап. Даг. жепск. пед. ин-та, 1957, т. 1, с. 49—50.

²³ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 18, л. 79—93.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 848.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, с. 1200.

²⁷⁻²⁸ Там же.

время повсеместно в Империи подушной податью. Между этими податями существует лишь одно отличие: при исчислении подушной подати объектом обложения служило всякое лицо мужского пола, населенное в ревизскую сказку — «ревизская душа», а при исчислении подымной — «дым» (хозяйство, двор.— *Г. О.*), зарегистрированный по «камеральному описанию». Во всем остальном порядок исчисления подымной подати ничем не отличается от подушной подати: «платежной единицей является податное общество... Причитающаяся с общества сумма взывается за круговую порукою всех членов общества и не подлежит изменению впредь до составления нового камерального описания»²⁹⁻³⁰.

Следует отметить, что не только подымная подать, но и все другие подати и повинности, которые несли уздени Дагестана в пользу казны, в основном были такими же, какие в свое время отбывали государственные крестьяне в России. Да и сама администрация не отрицала этого. «Положение крестьян,— читаем мы в официальном документе,— является аналогичным с бывшими государственными крестьянами внутренних губерний»³¹ с той лишь разницей, что его совершенно не коснулся закон от 1 июля 1887 г., по которому в российской деревне земля была закреплена за крестьянами и в связи с этим оброчная подать преобразована в выкупные платежи. Дагестанские уздени, как и государственные крестьяне в России, должны были отбывать в пользу казны натуральные повинности: подворную, дорожную, квартирную (в России постройную), и платить денежные подати: до 1901 г.— подымную подать и земские сборы, после податной реформы 1900 г.— оброчную подать и земские сборы.

Такое экономическое положение узденей налагало на них и определенные правовые ограничения, т. е. предполагало внеэкономическое принуждение, которое обеспечивало бы царской казне исправную феодальную ренту. Как мы видели из приведенного документа, с этой целью в дагестанском ауле ввели круговую поруку. Значительно ограничено было право передвижения узденей. «Положение» о сельских обществах Дагестанской области от 1868 г. предписывало старшине «выдавать жителям, просящим временной отлучки из деревни, записки за своею печатью о том, что на отлучку их препятствия не имеется, для получения по этим запискам письменных видов»³². Даже при временной отлучке на заработки требовалось «увольнение» старшины. Затруднялся также переход на другое место жительства или в другое сословие. Это было возможно только после того, как крестьянин «очистит себя» от повинностей и недоимок и с особого разрешения высшей государственной власти.

Следует отметить, что сословие «государственных крестьян» не было однородно. В его состав наряду с бывшими «свободными узденями» вошли также крестьяне, находившиеся в зависи-

²⁹⁻³⁰ Там же.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 19.

³² Там же, л. 816.

мости от хапов, а в 60-х годах освобожденные в связи с ликвидацией феодальных владений, а также раяты тех беков, которые были лишены владельческих прав «за измену престолу русских государей». Экономическое и правовое положение этих разрядов, включенных в состав категории государственных крестьян, далеко неодинаково. Особенно тяжелым было положение бывших частновладельческих крестьян. Наряду с повинностями и податями, общими для всех «государственных крестьян», за ними сохранялись также те повинности и подати, которые существовали при хане или беке.

Дагестанские уздени, не соглашаясь с административной точкой зрения, рассматривали занимаемую землю как свою собственность: отчуждали ее, передавали по наследству, завещали мечети. Да и среди кавказской администрации не было единого мнения по этому вопросу. Даже Воронцов-Дашков считал «земли Дагестана... принадлежащими населению на праве собственности»³³.

Междуведомственное Совецание, образованное для рассмотрения законопроектов наместника на Кавказе по поземельному устройству населения Кавказского края в 1912 г., также отмечало, что «различные административные ограничения поземельных прав жителей, установленные, правда, как бы в ожидании, что земли, состоящие в их пользовании, будут признаны собственностью казны, как, например, запрещение отчуждения земель нетуземцам, объявление цедр этих земель казенным достоянием и, наконец, обложение сельских обществ государственной оброчной податью», всецело основывались на соображении, «будто в мусульманских странах поземельной собственности не существует, а вся земля там принадлежит государственной власти — шаху, султану и пр. — как представителю бога, которому единственно, по учению Магомета, принадлежат все земли». Совецание сделало вывод: «Однако принадлежность всех земель в мусульманских странах не частным лицам, а государству есть только теократическая фикция, столь же далекая от действительного положения этого вопроса, сколь далека от римской доктрины полной собственности, ограниченной и урезанной в общественных и частных интересах»³⁴.

Однако эти сомнения не изменили положение дел. Царское правительство по-прежнему считало крестьянские земли государственными. Оно заставило кавказскую администрацию отказаться от первоначального стремления насадить в мусульманских районах Кавказа военно-феодалное землевладение. Конкретная действительность опровергла «теократическую фикцию» и в значительной степени вынудила царизм действовать, исходя из фактического положения вещей. Правда, поощряемые сверху, местные власти продолжали навязывать крестьянам мысль, будто земля находится лишь в их временном пользовании и является

³³ Там же, л. 1219.

³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 31, д. 66, л. 1.

собственностью государства. Однако практически, несмотря на указы и инструкции, ограничение прав владельца наблюдалось лишь в том случае, когда для разработки педр появлялась необходимость оформить купчую у нотариуса. В остальных случаях местные власти, по существу, не предпринимали никаких практических мер, чтобы как-то ограничить широкое развитие купли-продажи земли.

На Кавказе, в том числе и в Дагестане, при решении аграрного вопроса царизму пришлось пойти на союз с местным мусульманским дворянством и все свои действия осуществлять, опираясь на него и через него. Этой цели служила и так называемая «военно-народная», или «военно-бекская», система управления, которая передала всю полноту власти на местах дагестанскому дворянству и местным властям в лице царских офицеров.

В то же время царское правительство стало оказывать всяческую помощь и поддержку родовой знати из «черни» — баям, которые, используя свое привилегированное положение внутри рода, а также скупку земли, стали концентрировать землю в своих руках. В результате на смену земельной аристократии пришла патриархальная знать, которая состояла из феодализирующейся верхушки деревни.

Землевладение и землепользование к концу XIX — началу XX в.

Земельная площадь области (в границах 1917 г.), по данным податных инспекторов, равнялась 2749 тыс. дес. Площадь сельскохозяйственных угодий — 1,5 млн. дес. Пашня, сады и сенокосы составляли примерно 18,4% всей этой площади, или 276 тыс. дес.; остальные угодья приходились на пастбища, выгоны, леса и пр.³⁵ Распределение этой земли между четырьмя основными группами владельцев показывает табл. 1³⁶.

Из таблицы видно, что около $\frac{9}{10}$ всех сельскохозяйственных угодий находилось в распоряжении двух антагонистических классов — помещиков и крестьян. Рассмотрим землевладение и землепользование этих двух групп населения.

Помещичье землепользование

Очень важно знать, кого представляли частные владельцы, в чьей собственности находилась частновладельческая земля. Это тем более необходимо, что некоторые авторы, в той или иной степени касавшиеся этой проблемы³⁷, механически отожд-

³⁵ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 2, д. 4, л. 124—129.

³⁶ Там же, ф. 80, оп. 1, д. 24, л. 236—237; ф. 21, оп. 3, д. 9, л. 10—21.

³⁷ См.: Гусейнов Г. Г. Национализация земли в Дагестане. Махачкала 1951; Эмиров Н. П. Дагестан в период первой русской революции 1905—1907 гг. — В кн.: Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1950, т. 1, с. 156—213.

дествляли группу частных владельцев с ханами и беками и не делали даже попытки изучить ее социальную природу. Однако подобная точка зрения совершенно не соответствует действительности и на деле способствует затушевыванию социально-экономических сдвигов, происшедших в Дагестане в конце XIX — начале XX в. под влиянием проникновения российского капитализма. Кроме того, если принять указанную точку зрения, то невозможно понять, какие причины побудили ту или иную группу владельцев держаться определенной позиции в революционном и национально-освободительном движении.

Таблица 1

Группа	Всего земли в группе, дес.	% к итогу
1-я — частные владения	445,011	28,1
2-я — наделные земли	960,868	60,7
3-я — оброчные земли	163,980	10,3
4-я — мечетские земли	13,702	0,9
Итого	1583,561	100,0

Попытка изучить природу частного землевладения была сделана нами еще в 1955 г. в работе «Аграрные отношения в Дагестане накануне Великой Октябрьской социалистической революции»³⁸. Но в то время мы располагали ограниченным кругом документов, и многие вопросы были лишь поставлены; разрешить их тогда не удалось. За прошедшие годы накопился большой фактический материал, и сейчас мы имеем возможность разрабатывать эту проблему более детально.

Особую ценность для определения характера землевладения в начале нашего века имеют данные за 1905 г. о распределении 380 322 дес. земли между различными сословиями владельцев (табл. 2)³⁹.

³⁸ Под таким же названием основные положения этого параграфа были опубликованы автором. См.: Тр. Даг. фил. ИМЛ при ЦК КПСС. Махачкала, 1957, т. 1.

³⁹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 61—203. Следует отметить, что в 1905 г. площадь частновладельческих земель составляла 433 202 дес. Разница между этой цифрой и приводимой нами большая — в 52,880 дес.; это произошло вследствие того, что в материалах по Самурскому округу за частными владельцами указана площадь, равная 62 161 дес., тогда как в действительности у них было 9,281 дес. Поэтому в данные было внесено необходимое исправление. В приведенной таблице указано, что у частных владельцев было 445,011 дес. земли, а здесь 380,322 дес. (разница — в 64,689 дес.). Это объясняется тем, что в 1905 г. по Кайтаго-Табасаранскому округу учетом было охвачено лишь около $\frac{1}{4}$ всей площади частновладельческих земель — 28,317 дес. вместо 104,125 дес. Неточности в сторону увеличения или уменьшения действительной пло-

Таблица подтверждает, что в начале нашего века главными личными собственниками были дворяне. Они сосредоточили в своих руках свыше $\frac{2}{3}$ всей частновладельческой земли. Из 273 тыс. дес. дворянской земли 127 тыс. 151 дес. находилась в пользовании раятов, а остальная земля — в личном распоряже-

Таблица 2

Сословие	Число владений	Земля дес.	% к итогу	В среднем на одного владельца, дес.
Дворяне	534	273 051	71,8	511,5
Крестьяне	389	87 875	23,1	225,9
Купцы и мещане	75	19 396	5,1	258,6
Итого	998	380 322	100,0	381,0

нии самих владельцев. Эти данные свидетельствуют о господстве средневекового землевладения. Это еще более наглядно подтверждают данные о распределении частной земельной собственности по размерам владений (табл. 3)⁴⁰.

Очевидно, что мелкая собственность в частном землевладении не играла, по сути дела, никакой роли. 74,5% всех собственни-

Таблица 3

Группа владельцев	Число владений	% к итогу	Земли, дес.	% к итогу	В среднем на одного владельца
20 дес. и мене	617	62,0	2975,5	2,0	4,6
21—50 дес.	84	7,5	2680,5	2,0	31,9
51—100 »	48	5,0	3472,9	7,7	72,2
101—500 »	128	13,0	32 132,2	13,3	251,1
501—1000 »	57	6,0	36 298,8	15,0	636,8
Свыше 1000 »	64	6,5	165 017,1	70,0	2579,9
Итого	998	100,0	242 577,0	100,0	243,0

ков владели всего 2,0% всей частновладельческой земли, зато 12,5% крупных владельцев, имевших свыше 500 дес. на каждого, сосредоточили в своих руках 85% всей земельной собственности. Особенно большой была концентрация у высшей группы собствен-

ства, правда, не такие большие, допущены и по другим округам. Однако не имея возможности распределить эту разницу в площади между группами владельцев, автор не смог внести необходимых исправлений и в показатели землевладения отдельных сословий. Тем не менее приводимые данные, несмотря на их неполноту и неточность, в общем верно отражают характер распределения земли среди сословий собственников.

⁴⁰ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 61—203. В таблицу не вошли не учтенные в источнике земли, находящиеся в пользовании раятов, а также частновладельческая земля по Аварскому и Самурскому округам.

пиков, имевших свыше тысячи десятин на каждого владельца. 70,0% всей частновладельческой земли находилось у 64 наиболее крупных представителей, составлявших эту группу; причем концентрация земли у высшей группы характерна для землевладельцев из всех сословий. Так, из 145 тыс. дес. земли, находящейся в личном пользовании дворян, свыше 114 тыс. приходилось на долю тех, кто имел свыше 1 тыс. дес. на владельца. На такую же группу владельцев приходилось и 14 835 дес. из 19 396, находящихся во владении купцов и мещан. Примерно так же распределялась земля и среди частных владельцев из крестьян. В результате на двор дворянина приходилось 2931,7 дес., на двор купца и мещанина — 1472,7 дес., а на двор владельца из крестьян — 1887 дес.⁴¹

Это подтверждают и данные по округам. Например, в Кайтаго-Табасаранском округе 158 владельцев (57% собственников) из 240 имели всего 1795 дес. (около 3%), а на долю 41 крупного собственника приходилось 42 905 дес., или 76% всей земельной собственности⁴². То же самое и в Кюринском округе: 60% всей земельной собственности концентрировалось в руках 21 крупного собственника из 304⁴³.

В собственности некоторых владетельских родов, например потомков уцмья Каракайтагского и майсума Табасаранского, находилось по 20—30 тыс. дес. и более.

Эти данные свидетельствуют о том, что и в Дагестане громадное количество частновладельческих земель было сосредоточено в руках привилегированного дворянского сословия.

В первую очередь, это относится к трем земледельческим округам — Темир-Хан-Шуринскому, Кайтаго-Табасаранскому и Кюринскому, где были сохранены также и зависимые отношения. В этих округах было сосредоточено 95% всех частновладельческих земель области, и их удельный вес в общем землевладении достигал 42% (28,1% в целом по Дагестану)⁴⁴. На долю же шести горных округов приходилось всего 5% частновладельческой земли⁴⁵. О причинах такого неравенства в распределении частновладельческой земли между отдельными районами и округами нам уже приходилось говорить выше.

Крестьянское землепользование

Черты средневековья были характерны не только для частного, но и для крестьянского землепользования. В начале XX в. паделльные земли составляли 960 тыс. дес. Это — 1 дес. с небольшим на душу населения. Если же учесть, что 72,5% этой земли составляли пастбища и выгоны, а пашни было всего 15% от

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, ф. 80, оп. 3, д. 18, л. 79—93.

⁴³ Там же, ф. 79, оп. 2, д. 3.

⁴⁴ Там же, ф. 21, оп. 3, д. 27, л. 11—14, 17—18, 22—23.

⁴⁵ Там же.

общей площади, то станет очевидным, что горцу-труженику приходилось довольствоваться нищенским клочком посева — 0,25 дес. Однако крестьянская земля распределялась между отдельными социальными слоями далеко неравномерно.

По выборочным данным сельскохозяйственной переписи 1916—1917 гг., около 10% всех крестьянских хозяйств сосредоточили у себя примерно столько же земли, сколько и остальные 90%. Но, несмотря на это, неравномерность распределения земли между крестьянами была неизмеримо меньшей, чем между частными владельцами. Даже в таком многоземельном округе, как Хасавюртовский, где процесс движения земли развивался довольно интенсивно, число хозяйств с посевом свыше 10 дес. составляло 3,3% всех хозяйств, а с посевом 50 и 100 дес. — считанные единицы хозяйств⁴⁶. Зато между ними существовала масса другого рода различий. Это прежде всего исторически сложившиеся различия между феодальными разрядами крестьян. Статистика и официальные документы того периода называют в Дагестане такие группы: государственные, частновладельческие крестьяне, временнообязанные колонисты и т. д.; причем и внутри этих групп имелись существенные различия. Например, бывшие частновладельческие крестьяне делились на зависимых узденей и райтов. По своему правовому и экономическому положению эти две группы значительно отличались одна от другой. Еще больше разницы было между отдельными группами так называемых государственных крестьян.

Различие их положения в прошлом в исследуемое время проявилось главным образом в характере землевладения.

Из источников видно, что на двор частновладельческих крестьян приходилось 9,6 дес., на двор узденя, или, как его называет царская администрация, государственного крестьянина — 6,7 дес. и на двор колониста — 20,6 дес.⁴⁷

Судя по этим цифрам, частновладельческие крестьяне как будто бы значительно лучше обеспечены землей, чем государственные уздени. Но это только первое впечатление. Возникает оно вследствие того, что владельческие крестьяне в основном проживали в многоземельных земледельческих районах равнинного Дагестана, а три четверти узденей находились в горах, где всегда чувствовался острый земельный голод и каждый клочок земли приходилось отвоевывать у природы неимоверными усилиями поколений. Если же сопоставить землевладение этих двух категорий крестьян по округам, все станет на свое место. Так, в Аварском округе на один двор узденя приходилось 6,8 дес. всей земли, а на двор частновладельческого крестьянина — 1,3 дес., в Казикумухском соответственно — 6,1 и 4,8, в Кюринском —

⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 244, 254, 266—276.

⁴⁷ Журнал съезда податных инспекторов. Баку, 1903; ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 72—85.

8,6 и 5,8, в Кайтаго-Табасаранском — 11,6 и 7,7, в Темир-Хан-Шурином — 16,7 и 12,7⁴⁸.

Если вывести цифры из средних показателей по округам, то получим следующую картину: на двор узденя в среднем приходилось 9,96 дес., на двор частновладельческого крестьянина — 6,46. Разница — чисто средневековая.

Но не только в характеристике землевладения проявлялось различие между группами и категориями крестьян. В меньшей степени это сказывалось в размерах всевозможных платежей, в бремени налогового обложения и т. д.

Средневековый характер носили и сохранившиеся вплоть до революции сословные привилегии и ограничения. Прежде всего это проявилось в том, что царское правительство рассматривало дагестанское крестьянство как податное сословие. Все налоговое бремя, «содержание низшей администрации и проходящих войск, ремонт дорог и обеспечение государственных нужд в транспортных средствах», — все это было возложено на плечи крестьян.

В 1900 г. впервые в результате проведения податной реформы были обложены поземельным налогом помещичьи земли. Но это лишним раз подчеркнуло помещичий характер экономической политики царского правительства. И после реформы величина налога определялась не размерами земельной собственности, а сословной принадлежностью. Сумма только оброчной подати и земского сбора с крестьян в пересчете на десятину всех сельскохозяйственных угодий после податной реформы 1900 г. превышала сумму всех налогов с помещиков почти в шесть раз⁴⁹. При этом крестьяне несли все бремя натуральных повинностей, которые были значительно тяжелее бремени денежных поборов.

По данным 1905 г., 129 тыс. крестьянских дворов имели 960 тыс. дес. земли, а 998 помещиков — до 450 тыс. дес.⁵⁰ На двор крестьянина приходилось примерно 7 дес., а на одного помещика — 450, т. е. более чем в 60 раз.

Эта разница в землевладении была особенно большой на земледельческой равнине, где в собственности помещиков находилось 42% всех земель района, или 95% всей частновладельческой земли. Например, в Темир-Хан-Шурином округе на одного бека приходилось 702 дес., в Кайтаго-Табасаранском — 602. Многие представители дворянской верхушки имели по 20—30 тыс. дес. и более. И это в условиях острого земельного голода, когда на душу населения приходилось всего 0,25 дес. посева!

Эти цифры убедительно говорят о том, что сущность аграрного вопроса в дореволюционном дагестанском ауле, как и в русской деревне, была одна: крестьянское малоземелье и помещи-

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 72—85.

⁴⁹ Обзор Дагестанской области за 1909 г. Темир-Хан-Шура, 1910, с. 64.

⁵⁰ Обзор Дагестанской области за 1905 г. Темир-Хан-Шура, 1906; ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 61—203.

чье многоземелье. Помещичье землевладение наряду с другими остатками средневековья и политики царизма было одной из основных причин отсталости и обнищания аула.

Вакуфные земли

Наряду с казной и помещиками в качестве крупного собственника земли выступала мечеть. В исследуемое время в ее распоряжении находилось свыше 13 тыс. дес.—земля, пожертвованная прихожанами в пользу мечети. Пожертвования в пользу мечети носили самый разнообразный характер — от полной передачи прав собственности до представления в распоряжение мечети части доходов; причем жертвовалось как самое различное имущество, так и определенная часть дохода с него. И все это (будь то земля, мельница или часть дохода) называлось вакуфом. Для того, чтобы судить о видах и размерах доходов, получаемых мечетью с вакуфов, приведем данные по Казикумухскому округу за 1899 г. Ежегодно мечети округа получали 2939 пудов зерна и 4870 пудов печеного хлеба, 1392 барана, 196 пудов мяса, 521 бараньих ляжек, 493 пуда сала, 15 пудов масла и столько же сыра, 717 пудов толочка, 6 пудов соли, 44 пуда халвы и 3 пуда нефти⁵¹.

К сожалению, по другим округам мы не располагаем такого рода данными. Но и их наличие не дало бы даже приблизительной картины действительного положения дел, так как пути и формы извлечения мечетью наибольших доходов царская администрация в лучшем случае лишь называла. Так, например, все тяготы по наблюдению за вакуфным имуществом — ведение хозяйства, обработка земли, сбор урожая, доставка дров для мечети, ремонт мечетских зданий и мельниц — лежали на крестьянах. Крестьяне должны были содержать многотысячную армию служителей мусульманской религии, платить им за отправление религиозных обрядов, обучение детей, за ведение шариатских дел. Чтобы реально представить себе, во что обходилось крестьянину-горцу одно лишь содержание духовных учреждений и служителей мусульманской религии, достаточно отметить следующее: в 1913 г. в Дагестане функционировали 800 мактебов и медресе с 7500 слушателями, на 600 с небольшим тысяч населения приходилось 1700 мечетей и свыше 10 тыс. духовных лиц — мулл, кадиев, дибиров и т. д., а вместе с семьями их численность доходила до 50 тыс. чел.⁵²

Одной из наиболее тяжелых повинностей, которую несли крестьяне в пользу мечети, был закят, или мечетская десятина. Нам неизвестна даже примерная цифра денежного или натурального выражения всех этих многочисленных повинностей и обя-

⁵¹ Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900, с. 46.

⁵² Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915, с. 60—61, прилож. 12.

зательств в дореволюционном Дагестане. Первая попытка определить их была сделана в 1928 г. в связи с ликвидацией мечетского землевладения и передачей вакуфного имущества кресткомам. Тогда комиссия определила сумму всех мечетских доходов в 4 млн. руб. При этом надо иметь в виду, что после Октябрьской революции в результате мероприятий партии и Советского государства эти доходы значительно снизились. Но и без поправки эта сумма выглядит внушительной. В ценах 1913 г. она составляет примерно 2 млн. руб.— это почти в четыре раза больше всех денежных поборов со всего населения области в пользу казны! Надо добавить, что все без исключения доходы мечети получали, как правило, натурой.

Черты средневековья были характерны не только для землевладения, но и для экономической организации хозяйства дореволюционного Дагестана. Как известно, мусульманское дворянство, в том числе и дагестанское, за редким исключением, хозяйством само не занималось. «Вестник финансов, промышленности и торговли» сообщал по этому поводу в 1900 г., что представители местной феодальной верхушки «сами хозяйства большей частью не ведут», а сдают свои земли в аренду из известной части урожая⁵³. «Вестник» объяснял это силой традиций, «укоренившихся еще до русского владычества»⁵⁴.

О том, что беки, как правило, хозяйством сами не занимались, хотя косвенно, но достаточно веско свидетельствуют материалы переписи сельскохозяйственных машин и орудий за 1910 г. Из 104 тыс. орудий по возделыванию почвы, зарегистрированных переписью, на эту группу владельцев приходилось всего 798 орудий, или всего 0,7%⁵⁵.

Дагестанская аристократия истари считала для себя и своего сословия позором любое занятие хозяйством. Поэтому земли, за редким исключением, сдавались в аренду крестьянам, обычно исполу или за отработки. Нужно отметить, что наибольшее развитие получил первый вид аренды. В этом случае арендованная земля обрабатывалась крестьянским инвентарем и весь полученный урожай делился пополам между владельцем и арендатором. Во втором случае за арендованный участок крестьянин должен был выполнить весь условленный комплекс работ на земле владельца, причем выполнить в первую очередь и своими орудиями производства.

В таком случае помещик фактически не делал никаких вложений, направленных на улучшение земледелия, обрабатывал землю чужим инвентарем и эксплуатировал крестьян, используя наследственное право земельного собственника.

⁵³ Вестник финансов, промышленности и торговли. СПб., 1900, т. 1, с. 439.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913.

Возможности для такого рода крепостнической эксплуатации крестьян были заложены еще в реформе. Например, на Кумыкской равнине, как уже отмечалось, при проведении реформы право выбора земли было предоставлено привилегированной верхушке. Естественно, что наиболее близкая к населенным пунктам и оросительным каналам, наиболее плодородная земля осталась за дворянами, а дальняя и неудобная передана крестьянам. Дальнеземелье и чересполосица были бичом дореволюционного аула. И эти неудобные участки крестьянской земли с самого начала стали источником их же закабаления помещиками.

Сошлемся на характерный пример. При передаче земли в Бамматауле бек выбрал участок, расположенный между аулом и той землей, которая должна была отойти в собственность общества. Если крестьянский скот или птица попадали на бекскую землю, ее либо убивали, либо брали штраф в пользу землевладельца. Бек в любой момент по самому пустячному поводу мог закрыть дорогу и лишить крестьянина возможности доступа к своей земле. Поэтому бамматаульцы буквально находились в полном его распоряжении⁵⁶. Таким образом, падельная земля стала источником закабаления бывших зависимых крестьян, источником кабальной крепостнической аренды. Хозяинничать иначе помещик не мог, так как только такого рода хозяинничанье не требовало ни затрат капитала, ни перехода к новым системам обработки земли.

Средневековая организация была особенно характерна для мечетского хозяйства. Как известно, вся мечетская земля находилась в испольной аренде у сельских обществ⁵⁷. Нередко она сдавалась в аренду из одной трети, а иногда и из одной шестой части урожая. Таким образом, кабальные средневековые формы эксплуатации были следствием сохранения феодальной собственности на землю, средневекового землевладения.

Но нельзя думать, что они характерны только для крупного частного или мечетского хозяйства. Полупатриархальные, полуфеодальные формы организации хозяйства были характерны и для крестьянского хозяйства, особенно в горных животноводческих районах Дагестана. Так, по давно сложившемуся обычаю, все члены сельской общины были обязаны, несмотря на имущественное неравенство, принимать равное участие в общественных работах. Например, такие «общественные» мероприятия, как очистка и исправление оросительных каналов, дорог и т. д., были одинаково обязательны и малоземельному бедняку, которому и орошать-то было нечего, и многоземельному кулаку. Бедняк, который имел 0,25 га земли, должен был платить за охрану полей наравне с зажиточным, посеявшим 5—6 дес. и более.

Полупатриархальные, полуфеодальные формы организации хозяйства были особенно живучи в горных районах области, где

⁵⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 87, л. 11—12.

⁵⁷ Там же, ф. 73, оп. 1, д. 9, л. 31—33.

основной отраслью сельского хозяйства являлось отгонное животноводство. Здесь издавна сложилась своя патриархальная система овцеводства, которая в Южном Дагестане называлась серкерством. Система эта строилась на следующих принципах: 10 или 20 хозяйств образовывали «кош» — объединение — и избирали серкера — главу (отсюда серкерство). Он возглавлял всю хозяйственно-экономическую деятельность коша: арендовал пастбища, нанимал пастухов, проводил все платежные, натуральные и денежные операции от имени коша и т. д. Когда-то, по всей вероятности, такие объединения носили кровнородственный характер, но постепенно по мере распада родовой собственности и родовых отношений сохранилась лишь форма организации хозяйства; внутренняя же сущность ее претерпевала коренные изменения. В исследуемое время в связи с проникновением капитализма и концентрацией производства в роли серкера, как правило, стал выступать крупный овцевод. На объединение с ним шли обычно маломощные бедняцкие и середняцкие хозяйства, которые не могли лично участвовать в кочевке. Часть из них на определенных условиях присоединяла своих овец к отаре серкера, а сама уходила на заработки, другие становились чабанами и за право войти в кош выполняли всю черную работу по уходу за отарой. Более того, зачастую мелкие овцеводы за право войти в кош обязаны были обработать и землю серкера. Тем самым и здесь серкер, пользуясь патриархальной системой, обеспечивал себе даровую рабочую силу.

Почти повсеместно сохранилась и общинная форма найма пастухов для содержания крупного рогатого скота. Как известно, крупный рогатый скот почти не участвовал в кочевке. Зимой он находился на стойловом содержании, а весной джаамат (сельское общество) нанимал пастухов для пастьбы крупного рогатого скота членов сельской общины. Распространенной формой содержания крупного рогатого скота была также пастьба по очереди — «ирга». В этом случае стадо пасли сами члены джаамата по очереди и каждый ходил за стадом столько дней, сколько голов его скота входило в стадо. Но смысл этой системы далеко не везде был одинаковым. Во многих аулах, где патриархальщина была наиболее живуча, каждый член джаамата выпасал общественное стадо одинаковое количество дней независимо от того, сколько голов его скота находилось в стаде. В этом случае старая система явно служила повому нарождающемуся классу, обеспечивая ему даровую рабочую силу⁵⁸.

Само малоземелье являлось источником кабальной эксплуатации горского крестьянства и консервации отсталых патриархально-феодальных отношений в хозяйственной жизни и в быту, источником межселенной и межнациональной розни. Примером может служить аул Урахи Даргинского округа. В 6—7 км от аула расположен участок, который принадлежал многоземельному

⁵⁸ Арх. Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 909, л. 138—147.

равнинному аулу Утамыш. Договорившись с утамышскими вер-
хами, наиболее зажиточный урахинец снимал этот участок в
аренду, но сам обрабатывал лишь его небольшую часть. Осталь-
ную он сдавал в субаренду своим более бедным сельчанам мел-
кими участками на кабальных условиях, обычно исполу. Распро-
страненной формой была также оплата в размере высева. Если
учесть, что урожай в Дагестане составлял сам. 3—4, это значит,
что за арендованную землю давали одну треть или четвертую
часть всего урожая.

Однако как бы сильны ни были средневековые полупатриар-
хальные, полуфеодальные формы собственности и организации
хозяйства, куда более крепкими были их позиции в быту. Автори-
тетность или ответственность рода за преступление, кровная
месть, калым, многоженство — вот характерные черты повседне-
вной жизни дагестанского аула того времени. Во многих аулах
отдельные влиятельные роды безоговорочно руководили всей хо-
зяйственной и политической жизнью общества. Особенно тяжелым
было положение женщины-горянки. Она в любой момент могла
стать жертвой капризов мужа и его родственников. В случае от-
сутствия наследника мужского пола после смерти главы семьи,
часть собственности — движимой и недвижимой — переходила к
родственникам мужа. В этом случае семья теряла всякое право
на свою долю и при переделе общественной земли.

Ярким выражением полупатриархальных, полуфеодальных от-
ношений являлось сословно-кастовое деление аула на лагов
(рабов) и узденей (свободных общинников). Потомки бывших
рабов подвергались всевозможной дискриминации. Во многих
аулах потомки бывших рабов не имели права даже на надел при
распределении общинных угодий.

Несмотря на официальную ликвидацию рабства еще в 60-х го-
дах XIX в., накануне революции были факты купли-продажи ра-
бов. Здесь уместно вспомнить известное «дело Айшат». Отец
Айшат Ибрагим был женат на девушке из лагской семьи, которая
когда-то на наследственных правах принадлежала узденю Сей-
пулле. Чтобы выкупить жену и двух дочерей, Ибрагим был вы-
нужден отдать Сейпулле свой сад, баранту, и дом, так как в про-
тивном случае по обычаю, хотя официально давно отмененному,
но твердо державшемуся в аульной практике, Сейпулла мог раз-
бить семью и «забрать свою собственность»⁵⁹. Сама Айшат, одна
из дочерей Ибрагима, признавала, что за свою жизнь была
дважды продана другому владельцу.

Надо отметить, что подобные факты и для дореволюционного
аула уже были анахронизмом, но они свидетельствуют о живу-
чести и стойкости пережитков патриархальщины в быту и в об-
щественной жизни джаамата.

⁵⁹ Арх. Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 146—147.

Развитие товарно-денежных отношений в Дагестане и его вовлечение в капиталистический рынок

Все изложенное выше раскрывает силу полупатриархальных, полуфеодальных отношений в экономике области, особенно в быту. Но не следует делать вывода о безраздельном господстве этих отношений в ауле.

Присоединение Дагестана к России и проведение в крае крестьянской и административной реформы коренным образом изменили условия социально-экономического развития области. Товарно-денежные отношения стали проникать во все уголки Дагестана и втягивать его в общероссийское русло экономического развития. Червь капитализма уже в середине XIX в. прочно обосновался в экономике области и медленно, но неумолимо разрушал натуральное хозяйство горца.

Имея в виду Кавказ, В. И. Ленин писал по этому поводу: «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоящими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»⁶⁰. Примечательно, что этот свой вывод В. И. Ленин делает со ссылкой на Глеба Успенского. И на самом деле, в своих путевых заметках «На Кавказе», написанных весной 1883 г., Г. Успенский с необыкновенной выразительностью изображает проникновение элементов капитализма в экономику Кавказа и образно характеризует их.

В своих записках Г. Успенский писал, в частности, что цивилизация, подразумевая под ней капитализм, произвела на Кавказе «кулачишку, сделанного кое-как, на живую нитку, из мочал и рогож», но уже разнюхивающего куда и каким способом можно запустить свою лапу и покрикивающего: «Чилаэк, бутенброду подай!»⁶¹ И этот окрик, замечает далее Г. Успенский, приводил в трепет живописного и гордого горца, который не робел перед генералами Евдокимовым и Барятинским.

«Можете представить мое удивление, — писал он, — когда в горах... среди оригинальных построек, развалин, старинных замков, башен вдруг я вижу: „Овощная и молочная торговля с продажей чаю и сахара купца Белобрюкова“⁶²». И далее: «Я волей-неволей должен был убедиться, что Нобель и Палашковский начинают на Кавказе новую эру и суть предвестники пришествия Купона», при этом справедливо замечая, что они пока только «коготок этого самого г. Купона обнаружили»⁶³.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594—595.

⁶¹ Успенский Г. И. Собр. соч. М., 1957, т. 8, с. 162—163.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, с. 165.

Процесс экономического развития еще более усилился в связи со строительством и началом работы Владикавказской железной дороги, соединившей Россию с Кавказом. С 1902 по 1914 г. грузооборот на дагестанском участке железной дороги увеличился в два с лишним раза. Во столько же раз увеличился грузооборот и Петровского морского порта.

О проникновении капиталистических отношений говорят также данные об отвлечении населения от земледелия к промышленности. Так, с 1862 по 1913 г. все население Дагестана выросло примерно на 80%, а численность городского — в 7,8 раза. Удельный вес городского населения с 2,1% в 1862 г. увеличился до 5,5% в 1899 г. и до 11% в 1913 г.⁶⁴ За 13 предвоенных лет число городского населения выросло почти во столько же раз, во сколько оно выросло за 37 лет конца XIX в.! Это как раз был период завершения строительства Владикавказской железной дороги и начала разработки недр Дагестана. В это время начинается эксплуатация нефтяных богатств, появляется ряд предприятий по переработке сырья и т. д.

В начале нашего века по темпам промышленного развития Дагестан стоял на первом месте на Кавказе и значительно опережал средние темпы в целом по всей стране. Однако ни в коем случае нельзя преувеличивать значение этого факта и делать из него далеко идущие выводы. Дело в том, что промышленность в Дагестане создавалась буквально на пустом месте и каждое новое, даже небольшое предприятие полукустарного типа вносило заметные коррективы в сравнительные данные о темпах развития. Накануне Октябрьской социалистической революции Дагестан был отсталой, аграрной окраиной царской России. В 1913 г. здесь на душу населения было произведено промышленной продукции в 3,9 раза меньше, чем в среднем по всей России⁶⁵. Удельный вес промышленной продукции в валовой продукции всего народного хозяйства достигал лишь 17,7%⁶⁶. Для 89% населения области основным занятием являлось сельское хозяйство⁶⁷. Число постоянных рабочих на промышленных предприятиях не превышало 4 тыс. чел. (три рабочих на сто душ населения) и лишь 11,2% из них составляли дагестанцы⁶⁸.

Вместе с тем надо решительно отказаться и от тенденции недооценки элементов нового строя в сельском хозяйстве области. Бесспорно, что фабрично-заводское производство — главный показатель степени развития капитализма; главный, но далеко не

⁶⁴ См.: Обзоры Дагестанской области за 1899 и 1913 гг., с. 35.

⁶⁵ См.: ЦУНХУ Госплана СССР. СССР в цифрах. М., 1935, с. 16, 201; 10 лет социалистического строительства в Дагестанской АССР. Махачкала, 1931, с. 7, 39.

⁶⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 146, л. 84; 10 лет социалистического строительства в ДАССР, с. 40.

⁶⁷ Обзор Дагестанской области за 1913 г., с. 4.

⁶⁸ 10 лет социалистического строительства в Дагестанской АССР, с. 41.

единственный. И это особенно важно помнить исследователям таких регионов, как Дагестан.

Окраины не существовали сами по себе, не были отгорожены от окружающего мира китайской стеной. Они находились в составе сравнительно развитой капиталистической страны и буквально на каждом шагу сталкивались с носителями закономерностей буржуазного строя, с элементами капитализма. Поэтому было бы нелепо полагать, что эти элементы не свили себе гнездо в экономике таких районов. Сперва они утверждались в такой наиболее конъюнктурной сфере экономической жизни общества, как товарообмен, а затем методически проникали и в другие более консервативные ее стороны. В этой связи стоит обратить внимание на то, что сельское хозяйство, особенно равнинного Дагестана быстро приспособлялось к нуждам растущей российской промышленности и таким образом втягивалось в сферу мирового капиталистического рынка. Речь идет о мареноводстве. Марена была известна в Дагестане издавна. Однако промышленное развитие ее начинается со времени вхождения Дагестана в состав России.

Известно, что все попытки настойчивых предпринимателей до этого кончились провалом. В «Обзрении российских владений за Кавказом» рассказывается следующее: «Признательность дербентцев сохранила имя Келбалай-Гусейна, которому обязаны введением этой промышленности (марены.— Г. О.). Он первый вывез семена из Персии и посеял их в Дербенте, но, не имев успеха от первой попытки, он отправился с ними в другой раз в Персию же; второй опыт был также неудачным. Наконец, добытые им семена из деревни Башлы в Северном Дагестане увенчали его труды. Келбалай-Гусейн, испытывая посев марены несколько раз без успеха, был предметом насмешек между соотечественниками и умер в величайшей бедности, не дождавшись плодов от своих стараний»⁶⁹. И далее «Обзрение» сообщает: «После него многие принялись за эту промышленность, однако же прочное основание ее положено в 1807 г. Ныне (т. е. в 30-е годы.— Г. О.) дербентцы имеют уже маренники за 6 верст от города; деревенские жители и даже табасаранцы также следуют примеру дербентцев. После всего этого неудивительно, что туземцы, говоря о посевах марены, выражаются „сеять золото“». В весьма короткое время посевы марены чрезвычайно распространились. «В Дербенте занятие обработыванием марены можно решительно назвать общим»,— сообщает «Обзрение»⁷⁰.

Спустя ровно 12 лет газета «Кавказ» сообщала о районе г. Дербента: «Плантации марены почти вытеснили все роды посевов, все лучшие места заняты ею. Везде в окрестностях города, где только хотя малейшая есть возможность посеять это прибыльное растение, там повсюду возвышаются гряды, или, говоря по-тамошнему, маренники. Все лоцины по отлогостям гор, даже

⁶⁹ Обзрение российских владений за Кавказом. СПб., 1836, т. 4, с. 173.

⁷⁰ Там же.

крутые их скалы, куда хотя одна струя воды в избытке может проходить, заняты под гряды этого красивого корня»⁷¹.

И к середине XIX в., согласно отчету Дербентского военного губернатора за 1855 г., «главнейшую отрасль промышленности губернии составляет разведение марены»⁷². Так, к 60-м годам XX в. марена решительно заняла ведущее место в экономике южной части приморского Дагестана. В упомянутом выше «Обозрении» в 1836 г. сообщалось: «Хотя по числу рук и хорошей почве хлебосеяние должно бы составлять главнейшее занятие земледелов, однако же оно там незначительно, так как собственного хлеба не достает на годичное потребление». И далее: «Единственная причина столь ограниченного хлебосеяния, что дербентцы находят гораздо выгоднейшим обрабатывать марену»⁷³. В 1848 г. А. Соколов справедливо отмечал по этому поводу: «Если бы не усилившаяся навигация с Астраханью и подвоз хлеба в зерне и мукою из Кубинского уезда и из окрестных деревень, то Дербент при своих деньгах, вырученных от продажи марены, уподобился бы Крезу, который и при золоте своем будто бы голодал»⁷⁴.

Марена получила самое широкое распространение не только в Дербенте, но и в Кара-Кайтаге, Кюрипском хапстве, шамхальстве Тарковском, у засулакских кумыков. В ряде мест Дагестана возделывание марены в исследуемое время превращается в основное занятие населения.

«Обозрение российских владений за Кавказом» отмечало, что в возделывании марены дербентцам подражают с успехом табасаранцы, кайтагцы и даже обитатели богатой Кубинской провинции»⁷⁵.

Начальник Терской области в своем отзыве начальнику главного штаба Кавказской армии также писал, что жители Кумыкского округа «в последнее время обратили внимание на разведение виноградных садов и марены»⁷⁶. Аналогичные примеры можно продолжить.

Возделывание марены в приморском и южном Дагестане приобрело настолько широкое распространение и мареноводство заняло настолько видное место в экономике феодальных владений указанного района, что ханы и беки установили специальные подати и повинности с марены, которые в последующий период приобрели повсеместный характер.

С 35 тыс. пудов в 1832 г.⁷⁷ сбор марены к 60-м годам вырос до 297 552 пудов⁷⁸ по всему Дагестану. Не менее 30 тыс.

⁷¹ Кавказ, 1848, 13 марта.

⁷² ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 27, л. 7.

⁷³ Обзорение российских владений за Кавказом, т. 4, с. 170—171.

⁷⁴ Кавказ, 1848, 13 марта.

⁷⁵ Обзорение российских владений за Кавказом, т. 1, с. 56.

⁷⁶ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 16.

⁷⁷ Обзорение российских владений за Кавказом, т. 4, с. 174.

⁷⁸ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 42, с. 129.

пудов марены собиралось и в Кумыкском округе⁷⁹. Таким образом, возделывание марены в Дагестане за 30 лет выросло почти в десять раз.

Какие причины обусловили такое быстрое развитие мареноводства? Чем объяснить, что в течение короткого промежутка времени марена превратилась в основную статью дагестанского экспорта?

На эти вопросы совершенно верный ответ мы находим в «Обзрении российских владений за Кавказом». В нем говорится: «Торговля с Россией питает единственную их промышленность — разведение марены»⁸⁰. Конечно, мареноводство не было единственной отраслью промышленности Северо-Восточного Кавказа, но бесспорно, что ее быстрое развитие — результат установления тесных экономических отношений с Россией и втягивания Дагестана в мировое товарное обращение.

Известно, что до этого «на русских фабриках потреблялись главным образом голландские крап и марена... В 1836 году в Россию их было привезено 83 тыс. пудов, а в 1840 году — уже 166 тыс. пудов... Но ... с начала 40-х годов при дальнейшем росте русской текстильной промышленности импорт марены и крапа уменьшается». Объясняется это тем, что дагестанская марена была значительно лучшего качества, чем голландская. Только этим обстоятельством и можно объяснить тот факт, что в 1843 г. импорт марены и крапа составил лишь 104 596 пудов, т. е. сократился более чем на одну треть⁸¹. В это же время вывоз марены из Дагестана неуклонно возрастал.

Так, из Дербента в 1835 г. вывозили 41 397 пудов марены, в 1847 г. — 141 135 и в 1852 г. — 141 135, а в 1865 г. — 299 507 пудов⁸². Цифры говорят о том, что с 1847 г. по 1865 г. вывоз марены из Дербента увеличился более чем в два раза.

Говоря о бурном росте мареноводства, нельзя также не отметить, что это было наиболее доходной отраслью сельского хозяйства. Средний урожай марены с десятины достигал 329 пудов⁸³.

«Главными местами сбыта марены» «Обозрение» называет Астрахань, Казань, Нижний Новгород, Москву; «покупают также и в закавказских городах, но мало, оттого, что во многих местах собирают дикую и употребляют для крашения»⁸⁴.

В 1865 г., по сведениям Южно-Дагестанской таможенной заставы, только Кюринский и Кайтаго-Табасаранский округа через Дербент поставили российской текстильной промышленности

⁷⁹ Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888, с. 166.

⁸⁰ Обозрение российских владений за Кавказом, т. 4, с. 169.

⁸¹ Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.: Л., 1949, с. 113—114.

⁸² ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 27, л. 38.

⁸³ Обозрение российских владений за Кавказом, т. 4, с. 173.

⁸⁴ Там же, с. 174.

299 тыс. пудов марены и 4700 пудов крапа. Считая в среднем по 6 руб. на пуд, это 1825 тыс. руб. в исчислении в деньгах того периода. С тех пор и по 1872 г. марена ежегодно приносила этим округам по 2 млн. руб. и боле дохода только от экспорта ее в центральные районы России. Марена стала вытеснять все остальные культуры.

В 1863 г. в Дербенте была открыта крупная краповая фабрика, оснащенная голландскими машинами и оборудованием; она должна была перерабатывать марену и готовить красители для российской текстильной промышленности.

Маренные плантации обрабатывались главным образом путем найма рабочей силы; они поглощали тысячи выходцев из горных округов области. Только в районе Дербента в качестве наемной рабочей силы ежегодно эксплуатировалось свыше 6 тыс. горцев⁸⁵. В самих районах возделывания марены земледельческое население также стало распадаться на группы. Появилась группа крупных предпринимателей, которая путем аренды и покупки захватила всю землю, и группа обездоленной бедноты, вынужденной кормиться продажей рабочих рук.

Однако с изобретением искусственного химического красителя в 1869 г. мареноводство пришло в упадок. Фабрика по переработке корней марены закрылась. Говоря о победе химии в своих путевых заметках, действительный статский советник В. Кривенко писал: «Смертный час мареноводства пробил... владельцы больших плантаций разорились безвозвратно... Прежде пуд марены стоил 8—15 руб., а теперь ее берут неохотно за 30 копеек»⁸⁶. Марена, оставшаяся в земле только в южном Дагестане и Кубинском уезде, оценивалась в 16 млн. руб.⁸⁷

Если сравнить последующий период с эпохой маренной лихорадки, то можно подумать о спаде экономической жизни, об ослаблении связей с общероссийским рынком. В общем-то, в 70—80-е годы XIX в. оно так и было. Дагестану до самой революции уже не суждено было играть такой большой роли в российской экономике, какую он играл в период расцвета мареноводства.

В эти годы представители российской буржуазии, потерявшие интерес к марене, больше выжидают и присматриваются, как бы выгоднее устроить свои капиталы, а местные предприниматели не могут оправиться после маренного кризиса. Не последнюю роль играет в этом также отсутствие удобных путей сообщения и особенно железнодорожной связи с центральными районами страны.

После окончания строительства Владикавказской железной дороги картина резко меняется. В начале XX в. бурно развиваются рыночные связи сельскохозяйственного производства. Причем растет товарность «традиционных» отраслей сельского хозяйст-

⁸⁵ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 27.

⁸⁶ Кривенко В. С. По Дагестану. Путевые заметки. 1896, с. 144—145.

⁸⁷ Обзор производительных сил Кавказского Наместничества за 1879 г. Тифлис, 1880, с. 492.

ва — горы из года в год увеличивают поставку на общероссийский рынок животноводческой продукции, а равнина — полеводческой. Вот данные, подтверждающие это. По пяти округам: Аварскому, Гунибскому, Казикумухскому, Кюринскому и Темир-Хан-Шурипскому товарная продукция животноводства увеличилась с 602,549 руб. в 1902 г. до 2 143,979 руб. в 1914 г. — рост более, чем в 3,5 раза⁸⁸. Особенно быстро росла товарность животноводства в горных округах. За то же время, например, в Гунибском округе она увеличилась с 69 тыс. руб. до 849 тыс., т. е. более чем в 12 раз, в то время как в равнинном Темир-Хан-Шурипском — с 227 тыс. руб. до 600 тыс. — всего в 2,6 раза⁸⁹. Причем надо отметить, что этот рост происходил главным образом за счет продукции овцеводства. По тем же данным за этот же период удельный вес продукции овцеводства в товарной продукции животноводства вырос на 15—20%. А по некоторым округам — и того более. Например, Гунибский округ в 1899 г. вывез за пределы области 9031 овец и 5765 пудов шерсти, а в 1914 г. — 51 тыс. овец и 14584 пудов шерсти⁹⁰. То же самое и по Казикумухскому округу — в 1902 г. на внешний рынок округ поставил около 6 тыс. овец и 880 пудов шерсти, а в 1914 г. 17 575 овец и 9105 пудов шерсти⁹¹. По единому заключению «Обзоров» и отчетов пачальников округов, мясо вывозилось главным образом в промышленные районы Закавказья и Северного Кавказа, а шерсть — в Москву и Иваново-Вознесенск, т. е. в текстильные центры; и в обоих случаях животновод имел дело со скупщиком или его агентом⁹².

За это же время намного выросла товарная продукция и полеводства. Но, к сожалению, мы не можем цифрами подтвердить это. Дело в том, что, считая Дагестан потребляющим районом, местная администрация не вела почти никакого учета товарной продукции зернового хозяйства даже по равнине и занималась лишь определением того, сколько хлеба нужно завезти или уже завезено в отчетном году для покрытия хлебного дефицита. Но, тем не менее, данные о росте посевных площадей, усилении освоения равнинных районов края, без сомнения, раскрывают картину развития торгового земледелия. Из материалов видно, что в этом отношении наиболее высоко развитым был Хасавюртовский округ, входящий тогда в Тверскую область. В 1913 г. округ поставил на рынок сельскохозяйственной продукции на 4 506 800 руб., в том числе 1 млн. пудов муки, 2,5 млн. пудов сена, 40 тыс. пудов шерсти и т. д. и т. п.⁹³

⁸⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 4, 23, 24, 53, 55, 56, 61, 65, 66, 68, 71, 84, 85, 88, 90, 100, 104, 105.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Обзор Дагестанской области за 1913 г.; ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 85.

⁹³ Экономическое состояние Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время. Рукописный материал, составленный плановой комиссией

Одновременно в начале XX в. почти во всех сколько-нибудь значительных промышленных центрах можно было встретить и дагестанца-скупщика промтоваров; мануфактура завозилась в Дагестан из Москвы, Лодзи, Белостока; бакалейные товары — из Ростова, Армавира, Одессы, Москвы, Баку, Астрахани; скобяные — из Ростова, Одессы, Тулы, закупались на Нижегородской ярмарке; галантерейные — из Москвы и Варшавы; обувь и кожа — из Москвы, Варшавы, Петербурга, Кимр, Нижегородской губернии, Таганрога, Одессы; строительные — из Новороссийска, Донбасса, Астрахани, Царицына. Купца из Дагестана можно было встретить и в Ярославле. Даже простое перечисление пунктов закупки товаров говорит о широких и разветвленных торговых связях Дагестана с другими районами страны. Только в Хасавюртовский округ в 1913 г. было завезено промтоваров почти на 2 млн. руб. 60% этих товаров составляли мануфактура, бакалея и сельхозинвентарь⁹⁴.

Все эти данные говорят о довольно широком проникновении в экономику Дагестана товарно-денежных отношений.

Формирование буржуазного землевладения и разложение крестьянства

Капиталистические отношения стали подтачивать и средневековую систему землевладения. При анализе данных 1905 г. о землепользовании мы видим, что 28,2% всей частновладельческой земли перешло к крестьянам (23,1%) и купцам (5,2%). П. В. Гидулянов пишет: «Для приобретения земли... в настоящее время нет надобности принадлежать к бекскому сословию: достаточно одних денег — почему даже сам раят может сделаться господином своих бывших собратьев»⁹⁵. Об этом же говорят и многочисленные документы, хранящиеся в фондах губернатора и Дагестанского областного суда⁹⁶, а также другие документы.

Проникновение капитализма подрывало средневековую систему землевладения, превращало землю в предмет свободного товарного обращения. Уменьшалось дворянское, росло бессословное землевладение. Особенно интенсивным был этот процесс в районах, где широкое развитие получило торговое земледелие, например в Хасавюртовском округе. В результате реформы в 1865 г. в собственность дворян этого округа было закреплено 186 313 дес. Спустя 35 лет, в 1900 г., за кумыкскими беками числилось лишь 77 173 дес., или 41,4% земельной площади, зак-

Дагнаркомзема в 1925 г., с. 16; См.: Рук. фонд Ин-та ист., яз. и лит. Даг. фил. АН СССР, ф. 2, оп. 1, д. 489, л. 16.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Гидулянов П. В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане.— См.: Этнографическое обозрение, 1901, № 1, с. 98.

⁹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139-б, 168; оп. 5, д. 21, 28, 61, 81; ф. 71, оп. 2, д. 191; ф. 80, оп. 4, д. 3.

репленной за ними, а 109 138 дес. (58,6%) земли перешло к новым владельцам, в основном из крестьян⁹⁷.

В дальнейшем этот процесс развивался еще более бурными темпами. К 1917 г. больше половины (64,6%) дворянских земель перешло к новым владельцам, беки сохранили лишь 35,6% своей земельной собственности⁹⁸. Об этом же говорят данные и по другим округам. Например, в Кайтаго-Табасаранском округе за десять предреволюционных лет удельный вес дворянского землевладения, в частности земельной собственности, сократился на 11,4%⁹⁹.

Однако сокращение дворянской земельной собственности происходило не только за счет продажи земли. Нередко обремененные долгами беки вынуждены были закладывать свои имения в земельных бапках. Вот данные о задолженности дворянского землевладения области¹⁰⁰ (табл. 4):

Таблица 4

	На 1/1 1904 г.	На 1/1 1907 г.	На 1/1 1911 г.
Количество заложенных имуществ	3	3	17
Земли, принятой в залог, дес.	7 334	7334	41691
Оценка заложенной земли, тыс. руб.	564600	564600	3683667
Сумма выданных ссуд	277700	297700	2177000
Остаток долга	277266	295713	2165993

Как видно из таблицы, за семь лет число заложенных имений и площадь заложенной земли выросли почти в шесть раз. О том же говорят данные и по Хасавюртовскому округу, приведенные А. С. Собривским¹⁰¹ (табл. 5).

Таблица 5

Годы	Количество заложенных имуществ	Земли, принятые в залог, дес.	Оценка заложенной земли, руб.
1894	31	78 771	790 881
1900	57	101 617	1 831 341
1903	67	108 650	2 329 290

⁹⁷ Тульчинский Н. П. Поземельная собственность и общинное землевладение на Румыкской плоскости.— В кн.: Терский сборник. Владикавказ, 1903, вып. 6, с. 83.

⁹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 61—203.

⁹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 18, л. 79—93; ф. 21; оп. 4, д. 101, л. 61—203.

¹⁰⁰ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств, год первый — пятый. СПб., 1907—1912, раздел «Задолженность частного землевладения», с. 6, 402, 558.

¹⁰¹ Собривский А. С. «Задолженность частного землевладения городских недвижимых имуществ на Северном Кавказе». Ставрополь, 1906, с. 25.

Здесь приведены официальные данные о задолженности частных владельцев земельному банку и другим учреждениям. А. С. Собриевский отмечал в своей книге: «Большое количество частновладельческих земель... заложено и иным путем, а именно в частных руках, т. е. у частных лиц и в учреждениях, не обязанных публичной отчетностью»¹⁰². И на самом деле, многочисленные архивные материалы подтверждают мысль, что долг под залог имения был широко распространенным явлением. В Дагестанском областном народном суде слушалось немало дел о неплатежеспособных должниках из беков, имения которых по суду переходили к новым владельцам¹⁰³.

Все это указывает на вытеснение средневековой поземельной собственности дворянства. Наряду с дворянами в качестве личных владельцев выступают богатые крестьяне, купцы, мещане, акционерные общества. В районах развития торгового земледелия, в частности в Хасавюртовском, утвердилась буржуазная частная собственность на землю.

Изучая подобный процесс в европейской России конца XIX в., В. И. Ленин писал: «развитие частной поземельной собственности в России состоит в переходе от сословности к бессословности. К концу XIX в. феодальная или крепостническая земельная собственность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной поземельной собственности, но развитие идет явственно к созданию буржуазной частной собственности на землю. Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п. Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег. Земля все больше и больше втягивается в торговый оборот...»¹⁰⁴ Эти ленинские слова в определенной степени характеризуют и дагестанскую действительность того времени.

Одновременно с ростом бессословного землевладения под влиянием проникновения российского капитализма и роста торгового земледелия в сельском хозяйстве Дагестана наблюдался процесс становления помещиков нового типа, которые не чурались и торгово-предпринимательской деятельности.

Первоначально это были в основном царские сановники, пожалованные земельными угодьями, и капиталисты, которые приобрели огромные участки и вели хозяйство на капиталистической основе. Например, граф Воронцов-Дашков имел в Дагестане поместье в 2300 дес. земли, в которое за 20 лет вложил до 1 млн. руб.¹⁰⁵, организовал крупное виноградно-винодельческое хозяйство, известное далеко за пределами Кавказа.

¹⁰² Там же, с. 63.

¹⁰³ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 1, д. 13, л. 14.

¹⁰⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 61.

¹⁰⁵ См.: ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 6, л. 3; Плановое хозяйство Дагестана, 1929, № 2—3, с. 141.

Среди крупных земельных магнатов мы встречаем Аргутинско-го-Долгорукого, Лазарева, Данилевского, Кожевниковых, Кривенко, Пылцова, Кочергина и др.¹⁰⁶ С помощью управляющих имениями и наемных рабочих они вели высокотоварное хозяйство, дававшее огромные прибыли.

Разумеется, пример — явление заразительное, а явные выгоды, которые получали новые помещики, не могли не заинтересовать и местную знать. Хотя она и предпочитала праздный образ жизни, но и в ее среде стали появляться такие, которые обзаводились новой техникой, нанимали управляющих и занимались торговым земледелием. В их имениях работали сотни поденных рабочих¹⁰⁷.

Рост городов и городского населения, появление промышленных предприятий и фабрично-заводского пролетариата, развитие торгового земледелия и животноводства убедительно говорят о вторжении буржуазных отношений в повседневную жизнь, в быт забитого и цезежественного аула. Но эти явления скорее связаны с развитием всероссийского рынка, чем с внутренними потребностями края, и по ним трудно судить, особенно в начальный период, о степени проникновения новых отношений, о месте, которое заняли эти отношения в экономике и в быту края. Необходимо изучить процесс разложения крестьянства на сельскохозяйственных предпринимателей и рабочих, процесс, который является основой образования внутреннего рынка и развития капиталистического производства.

Подробное изучение этого процесса — задача специального монографического исследования. В данном случае рассматриваются лишь его основные черты и делается попытка определить его место и значение. Для достижения этой цели исследователь располагает таким богатейшим материалом, как посемейные списки 1886 г. и первичная документация сельскохозяйственной переписи 1917 г. Следует, однако, особо подчеркнуть, что эти очень ценные материалы до сих пор не обработаны и не обобщены. Сотрудники Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы еще в начале 50-х годов начали их разработку, однако по различным причинам работа не была доведена до конца.

Первые попытки разработать материалы переписи 1917 г. были сделаны Н. Березинским. В результате в 1923 г. во Владикавказе вышел сборник «Хасавюртовский округ в сельскохозяйственном отношении», а в 1924 г. в Махачкале вышел второй его труд «Кюрипский округ в сельскохозяйственном отношении». Однако программа и методика, на основе которых были осуществлены эти две разработки, практически ничего не дают для того, чтобы судить о социальных процессах в дагестанском дореволюционном ауле.

¹⁰⁶ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

¹⁰⁷ Там же.

В этом плане первая попытка принадлежит, пожалуй, Г. Г. Гусейнову. Им были разработаны данные посемейных списков по 4860 хозяйствам Аварского, Казикумухского, Кайтаго-Табасаранского и Темир-Хан-Шуринского округов, взятым на выбор¹⁰⁸.

Однако разработки Г. Г. Гусейнова также страдают рядом недостатков. Во-первых, при характеристике социальных групп крестьянства Г. Г. Гусейнов классифицирует их только по размерам земельной площади или поголовья скота. Между тем вряд ли будет правильным говорить о расслоении крестьян и давать характеристику социальным группам без учета всей суммы средств производства. К тому же по характеру сельскохозяйственного производства Дагестан делится на ряд зон. В горах, где ведущей отраслью сельского хозяйства было животноводство, крупные овцеводческие хозяйства нередко имели лишь небольшие участки земли; поэтому, по Г. Г. Гусейнову, они неизбежно попадали в разряд безземельных или малоземельных, а на равнине, наоборот, крупные хозяйства, владевшие значительными земельными площадями, не имели овец, и, естественно, оказались в графе безовечных, или плохо обеспеченных скотом, т. е. в бедняцко-средняцкой группе. Во-вторых, вызывает возражение и то обстоятельство, что Г. Г. Гусейнов относит к кулацкой группе хозяйство, имеющее 50 овец. Учитывая отгонный характер овцеводства и тяготы, связанные с перегоном овец с летних на зимние пастбища и обратно, которые тяжелым бременем ложились на крестьянское хозяйство, по нашему убеждению, такие крестьянские хозяйства в лучшем случае можно было отнести к средней группе, но ни в коем случае не к высшей.

И последнее. Вызывает сомнение репрезентативность данных, извлеченных Г. Г. Гусейновым из материалов переписи 1917 г. Им изучены карточки лишь 4860 хозяйств, между тем перепись охватила свыше 120 тыс. дворов. Но не это главное. Далеко не всегда автор учитывает многообразие производственных зон и специфику их хозяйственного направления.

В дальнейшем И. Р. Нахшунов¹⁰⁹, А. Г. Мелешко¹¹⁰ и автор данной работы¹¹¹ приложили немало усилий, чтобы продолжить начатую Г. Г. Гусейновым работу, преодолеть отмеченные недостатки и трудности и восполнить имеющийся в изучении этой серьезнейшей проблемы пробел.

Серьезным и очень ценным дополнением к этим двум переписям служат материалы первой переписи населения 1897 г.,

¹⁰⁸ Гусейнов Г. Г. Национализация земли в Дагестане.

¹⁰⁹ Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.

¹¹⁰ Мелешко А. Г. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября.— Учен. зап. Ин-та. ист., яз. и лит. Даг. фил. АН СССР, 1958, т. 4, с. 61.

¹¹¹ Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.: 1965.

военно-копских переписей 1896, 1903 и 1912 гг., а также переписи сельскохозяйственных машин и орудий в Европейской и Азиатской России, осуществленной в 1910 г.

При анализе итогов сельскохозяйственной переписи 1917 г. надо обязательно учесть следующее обстоятельство. Перепись осуществлялась на исходе третьего года первой мировой войны, которая, как известно, нанесла сельскому хозяйству Дагестана, как и сельскому хозяйству всей страны, тяжелый урон. Экономика царской России трещала по всем швам. Тяжелый кризис охватил почти все стороны хозяйственной жизни. По сравнению с 1913 г. к этому времени посевные площади Дагестана сократились на 20,8%, поголовье лошадей — на 20,7%, крупного рогатого скота — на 5%, овец и коз — на 34,9%. Валовое производство сельского хозяйства в целом уменьшилось почти на одну треть¹¹². Особенно сильно отразились годы войны на усовершенствовании сельскохозяйственной техники. Завоз новых орудий к 1917 г. почти прекратился, а старые постепенно выходили из строя. В итоге в 1917 г. усовершенствованные орудия составляли всего 51,2% от уровня 1910 г.¹¹³ Например, плугов однолемешных и многолемешных в 1910 г. было 29 200, а в 1917 г. всего 12 374, т. е. в два с лишним раза меньше¹¹⁴.

Обратимся к данным переписи по двум округам — Хасавюртовскому и Гунибскому. Первый округ равнинный, с ярко выраженным земледельческим направлением, второй — горный, животноводческий. В первом случае для характеристики экономических групп исходным моментом послужила земля, находящаяся в пользовании каждой группы, во втором — скот. Одновременно при составлении итоговых таблиц нами сделана попытка при выделении каждой социальной группировки дать и всю совокупность средств производства, которой она обладала и которая была зафиксирована переписью. По общему мнению, это наиболее верный способ для получения самого приближенного к действительности представления о процессе социального расслоения в Дагестане, о месте и роли каждой экономической группы в экономической жизни области.

Обратимся к итогам разработки переписи по Хасавюртовскому округу. Империалистическая война больше всего сказалась на Хасавюртовском округе. Военная разруха и общий спад экономики страны нарушили торговые связи, оторвали округ от традиционных центров снабжения и сбыта и подорвали сельскохозяйственное производство. В 1917 г. посевные площади составляли лишь 37,2% к 1914 г.¹¹⁵ Почти наполовину сократилось поголовье

¹¹² ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 146, л. 84—86. (Цифры по Дагестану даны в границах 1927 г.)

¹¹³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 216, д. 416/2, л. 131.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Отчет о деятельности Комиссариата земледелия за время с 1 мая 1920 г. по 1 октября 1925 г., л. 30; Рук. фонд Ин-та. ист., яз. и лит. Даг. фил. АН СССР, ф. 2, оп. 1, д. 534.

лошадей и овец¹¹⁶. Это не могло не отразиться и на показателях процесса классового расслоения — высшие группы уменьшились, выросли низшие группы. Тем не менее материалы переписи позволяют получить достаточно верное представление о процессе классового расслоения в округе накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Вот итоги разработки этих материалов¹¹⁷ (табл. 6).

Налицо ярко выраженный процесс классовой дифференциации аула. Батрацко-бедняцкая группа составляла 76,7% всех хозяйств. Удельный вес этой группы в Хасавюртовском округе на 6—7% выше, чем в Гунибском. Резко выделяются своей мощностью и две последние зажиточные группы. Составляя всего 8,3% всех хозяйств, они сосредоточили у себя свыше половины всего сельскохозяйственного производства округа — им принадлежит 53,2% всей земли, 55,9% всех овец и 30% всего крупного рогатого скота. Роль средних слоев населения и их удельный вес в сельскохозяйственном производстве в округе накануне революции были очень незначительными. Они составляли 15% всего населения и держали у себя 19,3% всей земли, 20% крупного рогатого скота и 12,2% овец и коз. В Гунибском округе их удельный вес среди населения и в производстве был более внушительным. В том же 1917 г. группа «самостоятельных» составляла здесь 25—26% всех хозяйств, и на их долю приходилось более трети всего крестьянского производства. Резко различаются между собой и две последние наиболее мощные группы. В Гунибском округе эта группа составляла всего 0,9% всех хозяйств и не играла сколько-нибудь серьезной роли в земледелии и в разведении крупного рогатого скота и лишь в овцеводстве выдвинулась на первое место: ей принадлежало 29,1% всех овец (гораздо больше, чем любой другой группе, взятой отдельно). В Хасавюртовском округе удельный вес этой группы значительно выше. Составляя 3,3% населения, она держала у себя 42,8% всей земли и 38,8% всех овец.

Раньше мы писали, что на Кумыкской равнине, главным образом в Хасавюртовском округе, до реформы почти вся земля принадлежала дворянам. В результате крестьянской реформы в 1864 г. она была разделена между дворянами и крестьянами, и та часть, которая перешла в собственность крестьян, закреплена за ними на правах общинной собственности с периодическими уравнительными переделами. Однако более половины всей земельной площади оказалось в руках небольшой крестьянской верхушки. Чрезвычайно важно выяснить, каким образом это случилось. Вот что говорят по этому поводу материалы переписи (табл. 7)¹¹⁸.

¹¹⁶ Там же, с. 43, 46, 48.

¹¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 254, 244, 266—276; См.: Мелешко А. Г. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября, прилож. 4 (таблица составлена нами.— Г. О.).

¹¹⁸ Там же (таблица составлена нами.— Г. О.).

Таблица 6

Распределение земли и скота среди крестьянских хозяйств

Группы хозяйств	Всего хозяйств	%	У них земли	%
Беспосевные	1438	28,1	1768,85	4,5
С посевом до 3 дес.	2486	48,6	8951,00	23,0
С посевом от 3 до 5 дес.	766	14,5	7515,38	19,3
С посевом от 5 до 10 дес.	254	5,5	4060,75	10,4
Свыше 10 дес.	163	3,3	16635,12	42,8
Всего	5107	100,0	38931,10	100,0

Очевидно, что аульская верхушка вела хозяйство в основном на купчей и арендованной земле. Чем мощнее группа, тем ничтожнее роль наделной земли в общем землепользовании. Вообще наделная земля распределялась более и менее пропорционально, и в этом проявлялась общинная уравнительность. Из таблицы видно, что хозяйственное различие складывалось главным образом за счет купчей и арендованной земли, которая составляла 60,6% всего крестьянского землепользования. 68,7% этой земли (62,0% купчей и 74,2% арендованной) приходилось на хозяйства пятой, высшей группы. Этой группе принадлежало 6695 дес. (62%) из 10 850,25 дес. купчей и 9499 дес. (74,2%) из 12 842,5 дес. арендованной земли.

К сожалению, перепись не дает нам сведений о движении крестьянской земли. Но, если учесть, что наделная земля находилась в собственности общины, то такой высокий удельный вес высших групп в землевладении объясняется, видимо, переходом в собственность крестьянской верхушки дворянской земли. Об этом же свидетельствует и встречный процесс роста бессословного землевладения, о котором мы говорили выше. В Хасавюртовском округе накануне революции за дворянами оставалось 66 тыс. дес. земли из 186 тыс., полученной по реформе 1864 г.; 120 тыс. дес., или 64,4% всей дворянской земли, перешло к новым владельцам, главным образом из крестьян¹¹⁹.

При этом, конечно, не следует забывать, что сельская буржуазия всевозможными путями захватывала и крестьянскую землю. Это происходило главным образом на почве неравномерного распределения рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Как показывают материалы переписи, на каждое хозяйство первой группы приходилось всего 0,6 головы рабочего скота¹²⁰. Это значит, что почти половина (42,8%) хозяйств этой группы

¹¹⁹ Экономическое состояние Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время, № 11.

¹²⁰ Рабочий скот дан в переводе на лошадь. Лошадь=1, вол и буйвол=0,75.

В том числе посевов	%	Приход всей земли на двор	Крупный рогатый скот	%	Овцы и козы	%
—	—	1,2	3,116	13,1	4,524	8,5
3442,0	34,9	3,6	11,111	46,9	12,602	23,4
2609,65	26,5	5,1	4,761	20,0	6,542	12,2
1564,15	15,8	7,8	2,373	10,1	9,273	17,1
2236,50	22,8	104,0	2,304	9,9	20,939	38,8
9852,3	100,0	7,6	23,665	100,0	53,880	100,0

вообще не имели рабочего скота, а остальные имели не более одной головы. Во второй группе обеспеченность скотом немногим лучше: здесь на каждое хозяйство приходится 1,3 головы рабочего скота, но и этого совершенно недостаточно для самостоятельной обработки до 3 дес. пашни, имеющейся у этой группы. Тут без рабочего скота или супруги не обойтись. Обычно же в этой группе практиковалась сдача в аренду более мощным хозяйствам. В третьей на каждое хозяйство приходилось около 2 голов рабочего скота, и она имела возможность обработать свой посев собственным скотом. В этом отношении особенно надежно положение четвертой группы. Она в среднем на хозяйство имела по 3 головы рабочего скота. Это совсем немного для обработки 7,8 дес. пашни. По данным переписи, излишек рабочего скота отмечается лишь в пятой группе. Но если исходить из размеров землевладения этой группы, то и здесь излишек имеет лишь одну видимость: 5,3 головы рабочей скотины на хозяйство, при среднем размере всей земли в 104,0 дес. и 14 дес. пашни, совсем немного. Эти цифры определенно говорят о том, что в Хасавюртовском округе сдача в наем рабочей скотины объективно не могла получить сколько-нибудь широкого развития.

Диспропорция в землевладении и во владении рабочим скотом ликвидировалась главным образом путем сдачи в аренду земли. Именно это и подтверждает приведенная таблица, и поэтому в

Таблица 7

Группы хозяйств	Всего хозяйств, %	У них земли, %	Надельной, %	Купчей, %	Арендной, %	Всей земли на двор, дес.
Без посева	28,1	4,5	71,0	24,2	4,8	1,2
Имеющих до 3 дес. посева	48,6	23,0	80,2	7,5	12,3	3,6
» от 3 до 5 дес. »	15,0	19,3	62,7	21,6	15,7	5,1
» от 5 до 10 дес. »	5,0	10,4	37,5	37,7	24,8	7,8
» свыше 10 дес. »	3,3	42,8	2,5	40,3	57,2	104,0

высшей, пятой группе арендованная земля составляла 74,2% всей земельной площади, находящейся в ее пользовании. Конечно, это не означает, что высшие группы вовсе не прибегали к сдаче земли в аренду. Путем скупки и аренды, «оптом» собрав у себя землю, богачи затем на кабальных условиях, мелкими участками, «в розницу» сдавали ее своим нуждающимся соседям. Однако сдавали землю в аренду всего 8,0% хозяйств высшей группы, и сданная площадь составляла примерно одну десятую часть всей земли, которой пользовалась группа. Более того, размеры участков, сдаваемых в аренду верхними группами, говорят о том, что и в этих случаях далеко не всегда сдача в аренду земли носила средневековый характер. Например, в четвертой группе средний размер сдаваемого участка составлял 34 дес., а в пятой — 131 дес. Очевидно, что мелкий производитель не мог арендовать такие большие участки. Следовательно, и в данном случае речь идет о предпринимательской аренде. Все это говорит о том, что высшая группа предпочитала сама вести свое хозяйство и состояла из крупных предпринимателей, занимающихся высокотоварным земледелием.

О том же свидетельствуют и данные о распределении между группами сельскохозяйственной техники. Безынвентарные в округе составляли 42,9% всех хозяйств, 98,5% из них приходилось на первые три группы. В первой группе не имели сельскохозяйственного инвентаря 83,6% всех хозяйств, во второй — 36,6%. 94,1% всех безынвентарных приходилось именно на эти две низшие группы. Зато двум верхним группам принадлежали 30,2% однолемешных плугов, 81% — многолемешных плугов, все сеялки, 77,6% всех жнеек, 10 молотилок из 24, 70 веялок из 89, 129 косилок из 327 и т. д. Особенно много усовершенствованного инвентаря было у высшей, пятой группы хозяйств. Ей принадлежало около 60% всех многолемешных плугов, 4 сеялки из 5, имеющих в собственности обследованных хозяйств, 57 жнеек из 103, 46 веялок из 89 и т. д.¹²¹ Налицо в высшей степени неравномерное распределение сельскохозяйственной техники.

Таким образом, свыше половины всех хозяйств округа была либо вовсе не обеспечена средствами для ведения сельскохозяйственного производства, либо обеспечена совершенно недостаточно, зато небольшая крестьянская верхушка держала у себя более трети всего рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. При таком положении можно ли говорить об общинной или любой другой уравнительности? Конечно, нет. Беднота вынуждена была сдавать богатым уравнительно полученную ею при общинном переделе землю. Бессиливем «какой угодно уравнительности перед развивающимся капитализмом» называл В. И. Ленин подобные явления в России¹²².

¹²¹ Мелешко А. Г. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября, с. 46.

¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 91.

О капиталистическом характере крестьянской аренды в округе говорят также многочисленные документы. Вот что сообщал, например, чиновник Переселенческого управления И. В. Нестеренко, специально занимавшийся вопросом о характере аренды в Хасавюртовском округе, 25 июля 1912 г. Кавказскому отделению крестьянского поземельного банка: «За три последних года в районе слободы Хасавюрта и линии железной дороги почти совершенно прекратилась издольная сдача земель в аренду и перешла в денежную. Издольный съем встречается среди туземцев случайно...»¹²³

Документы Департамента государственного казначейства также единодушно отмечают, что в начале XX в. в Хасавюртовском округе господствовала денежная аренда на год под урожай хлеба. Аренда одной десятины на таких условиях колебалась от 2 до 5 руб. Зимой же земля сдавалась под выпас скота. В этом случае арендная цена составляла 50 коп. за десятину¹²⁴.

Под влиянием все большего и большего развития капиталистических отношений стала перестраивать свое хозяйство и часть привилегированной верхушки. Из сообщений того же Департамента явствует о распространении среди кумыкских князей «аренды за деньги под урожай одного года»¹²⁵.

«Такое явление, как сдача крестьянами надельной земли,— говорил В. И. Ленин,— еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства на счет этой разоряющейся массы»¹²⁶.

То же самое можно сказать и относительно купчей земли, с той лишь разницей, что аренда носила еще на себе печать средневековья. В этом случае кабальная аренда, как мы говорили выше, служила способом прикрепления обнищавших общинников к помещичьему хозяйству. «Покупка же земли в частную собственность надельными крестьянами,— как говорил В. И. Ленин,— представляет из себя чисто буржуазное явление»¹²⁷.

Еще одна чрезвычайно важная деталь. Из первой таблицы следует, что в таком наиболее развитом земледельческом округе, как Хасавюртовский, исключительно высокой степени концентрации достигло и овцеводство. У двух верхних групп, составляющих 8,3% населения, было сосредоточено 55,9% всех овец (38,8% у высшей, пятой группы и 17,1% — у четвертой). Степень концентрации намного выше, чем в таком чисто животноводческом округе, как Гунибский, где, как мы уже отмечали, высшей группе принадлежало 29,1% овец, а всего в руках двух зажиточных групп находилось 53,2% поголовья. Одной из главных причин неравномерного распределения овец среди экономических групп населения Гунибского округа мы считали отгонную систему содержания

¹²³ ЦГИА СССР, ф. 592; оп. 33, д. 2093, л. 4—5.

¹²⁴ Там же, д. 2104, л. 5.

¹²⁵ Там же, д. 2105, л. 5.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 90—91.

¹²⁷ Там же, с. 93.

скота, неизбежно ведущую к разорению мелкого овцеводческого хозяйства. В Хасавюртовском же округе овец круглый год содержали у себя, внутри округа. Поэтому причины такой высокой степени концентрации овец здесь были другие. Если в Гунибском округе бедняк вынужден был «расстаться» с овцой из-за разорительных для него издержек во время перегона с летних на зимние пастбища и обратно, то в Хасавюртовском округе это происходило потому, что у него не было участка земли для выпаса своих овец. Не мог он соперничать и в аренде пастбищ. Крупные горские и местные овцеводы, как правило, «оптом» арендовали пастбища на весь сезон, а мелкий собственник даже и думать не мог о конкуренции с ними.

Однако не это главная причина такой высокой степени концентрации поголовья овец в Хасавюртовском округе. Она заключалась в разорении мелкого и развитии крупного высокотоварного капиталистического производства. Хасавюртовский округ уже не знал ни патриархально-феодальной системы организации овцеводческого хозяйства, ни полупатриархальных полуфеодальных методов эксплуатации крестьян. Крупный собственник выпасал своих овец с помощью наемных пастухов.

Из всего сказанного следует вывод: накануне Великой Октябрьской социалистической революции в Хасавюртовском округе капиталистические отношения, безусловно, стали доминирующими. Однако ни в коем случае нельзя этот вывод механически переносить на все равнинные районы области. Во-первых, Хасавюртовский округ издавна чувствовал на себе сильное влияние России и в своем развитии значительно опередил остальные районы Дагестана. Во-вторых, здесь, как уже отмечалось, с наибольшей последовательностью была осуществлена крестьянская реформа. Если в остальных районах Дагестана реформа освободила от феодальной зависимости в основном лишь ту часть крестьян, которая находилась в зависимости от ханов как носителей государственной власти, и совсем не коснулась отношений между беками и раями, то здесь зависимые отношения были ликвидированы, а крестьян наделили землей без выкупа. В-третьих, железнодорожное полотно прошло по территории округа до Петровска задолго до того, была продолжена дальше до Баку, и еще больше укрепила экономические связи с промышленным севером. Эти обстоятельства значительно углубили разницу в уровне социально-экономического развития Кумыкской плоскости и остальных районов области. Исключительно большую роль в этом сыграло также и то обстоятельство, что в Хасавюртовском округе были обширные просторы плодородной, но не освоенной земли. Как только железная дорога соединила округ с севером, сюда хлынул поток колонистов. Уже в 1914 г. переселенцы составляли 25,3% населения округа¹²⁸. Через них стали проникать новей-

¹²⁸ Экономическое состояние Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время, л. 11.

шие орудия производства, формы организации хозяйства, стала повышаться культура земледелия. Достаточно сказать, что в Хасавюртовском округе во время переписи сельскохозяйственных машин и орудий в 1910 г. не была зарегистрирована ни одна соха или косуля¹²⁹. Усовершенствованная техника вытеснила примитивные первобытные орудия труда.

По-иному сложились судьбы других равнинных районов Дагестана. Реформа не была здесь доведена до конца и вплоть до 1913 г. официально сохранились феодально-зависимые отношения. Железная дорога на территории области из-за сопротивления бюрократических верхов была сдана в эксплуатацию лишь в самые последние годы конца XIX в. Да и свободных земель в этой части Прикаспийской низменности было не так уж много. Поэтому даже после того, как стала действовать железная дорога, сюда не сразу пришли переселенцы, как было в Хасавюртовском округе. Эти обстоятельства не могли не затормозить проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство. Плоскостные районы Дагестана в социально-экономическом развитии несколько опережали горные районы, но еще значительно отставали от Хасавюртовского округа. Это подтверждают и материалы переписи.

Для иллюстрации возьмем итоги переписи 1917 г. по Южнотабасаранскому наибству Кюринского округа¹³⁰ (табл. 8).

Табл. 8 отражает положение, что в Южнотабасаранском наибстве две трети всего сельскохозяйственного производства находилось в руках мелкого крестьянства. Составляя примерно 80% всех крестьянских хозяйств, мелкие производители у себя имели 70% всей пашни, 78,7% всего крупного рогатого скота и 52,5% всех овец и коз. Вместе с тем таблица показывает и процесс концентрации производства у сравнительно небольшой группы зажиточных хозяйств. Две верхние группы, составляющие 8,1% всех хозяйств, сосредоточили у себя 30% всей пашни, 18,9% всего крупного рогатого скота и 46,8% всех овец. В этом отношении особенно выделяется последняя, пятая группа, которая намного превосходит все остальные по обеспеченности землей и скотом.

Однако в Южнотабасаранском наибстве степень концентрации производства в руках небольшой крестьянской верхушки, а также рост крупного хозяйства, основанного на эксплуатации чужого труда, значительно ниже, чем в Хасавюртовском округе. О причинах этого было сказано выше.

Обратимся теперь к материалам переписи по горным животноводческим округам.

¹²⁹ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913.

¹³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 168, 169, 172, 173, 175—178, 180, 181, 183, 184; См.: Мелешко Г. А. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX — начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. М. 1957, прилож. 3.

Таблица 8

Распределение земли и скота среди крестьянских хозяйств

Группы хозяйств	Всего дворов	%	У них пашни	%
Без земли	362	10,2	—	—
Имеющих до 3 дес. пашни	2310	66,0	3097,50	41,9
» от 3 до 5 »	556	15,7	2079,50	28,1
» от 5 до 10 »	238	6,6	1281,10	17,4
» свыше 10 »	51	1,4	922,65	12,6
Итого	3517	100,0	7380,75	100,0

Вот данные по Гунибскому округу¹³¹ (табл. 9).

Из табл. 9 видно, что первая группа лишена не только скота, но и пашни: более $\frac{2}{3}$ хозяйств этой группы не имели и посева. Это наиболее обездоленная группа крестьян, лишённая всяких средств к существованию. Немного лучше было и положение второй группы. Эти две группы крестьян составляли наиболее обездоленную часть населения. И хотя на их долю приходилось 21,3% всей пашни, они были вынуждены либо сдавать землю в аренду более крепким хозяйствам, либо на кабальных условиях нанимать волов и сельхозинвентарь. Удельный вес третьей группы и принадлежащего ей скота и земли примерно совпадает. Однако и она неспособна самостоятельно вести хозяйство, так как имеет лишь одну голову рабочего скота. Эта группа хозяйств может обрабатывать землю на кабальных условиях, нанимая рабочий скот, либо с помощью супруги.

Таким образом, в хозяйстве первых трех групп населения не могло быть и речи даже о простом воспроизводстве. Это батрацко-бедняцкие слои крестьянства, составлявшие 69,0% всего населения округа.

Возможность для самостоятельного хозяйствования появляется лишь в четвертой группе. Хозяйство этой группы имеет две головы рабочей скотины, чтобы обработать свой небольшой участок пашни, несколько десятков овец и корову, иногда даже не одну, чтобы удовлетворить самые насущные нужды семьи. Однако это минимальные условия для самостоятельного существования. Любая случайность — засуха, неурожай, падеж скота — в любой момент может выбросить представителя этой группы в низшие слои крестьян.

Более надежно положение пятой группы. Составляя всего 6,5% всех крестьянских хозяйств, она сосредотачивала у себя столько же крупного рогатого скота, сколько две первые группы, составлявшие почти треть населения округа, 24,1% всего пого-

¹³¹ Там же, см. прилож. 5 (таблица составлена нами.— Г. О.).

	У них крупного рогатого скота	%	На двор голов	У них овец и коз	%	Приходится на двор
—	300	2,4	0,8	262	0,7	0,7
1,34	7013	56,1	3,0	9852	26,8	4,2
3,74	2826	22,6	5,0	9116	25,7	16,4
5,38	1661	13,3	7,0	7552	21,2	31,6
18,09	733	5,6	14,4	9090	25,6	178,4
2,09	12533	100,0	3,5	35372	100,0	10,1

ловья овец и 11,9% всей земли. Эта группа имела все условия для ведения самостоятельного хозяйства. Но ее возможности этим не исчерпывались. По материалам переписи, наиболее богатые представители этой группы (а их хозяйств было более половины) выступают в роли эксплуататоров батрацко-бедняцких слоев. Незначительные размеры землепользования — всего 0,8 дес. пашни в среднем на двор — неминуемо вели к тому, что весь излишек скота использовался для кабальных сделок с неимущими. Число поголовья овец у этой группы хозяйств также превышало ее трудовые ресурсы. Часть наиболее крупных овцеводов, безусловно, прибегала к эксплуатации чужого труда.

Таблица 9

Распределение земли и скота среди крестьянских хозяйств Гунибского округа

№ п/п	Группы хозяйств	Всего дворов	%	У них крупного рогатого скота	%	У них овец и коз	%	У них всей земли	%	Приходится пашни на двор
1	Бесскотные	1744	13,5	—	—	—	—	1674,3	20,9	0,27
2	Без рабочего скота, имеющие до 10 овец	2476	19,2	4322	14,5	757	0,6			
3	С 1 гол. рабочего скота и не более 25 овец	4694	36,3	10902	36,4	34406	26,0	1837,0	35,4	0,4
4	С 2 гол. рабочего скота и от 25 до 99 овец	3056	23,6	9903	33,1	26593	20,2	2387,3	29,7	0,5
5	С 3 гол. рабочего скота и от 100 до 199 овец	840	6,5	4119	13,5	31876	24,1	962,3	11,9	0,8
6	С 4 и более гол. рабочего скота и 200 и более овец	111	0,9	745	2,5	38454	29,1	166,6	2,1	1,1
	Итого	12921	100,0	29994	100,0	132086	100,0	8027,5	100,0	0,6

Самая мощная в экономическом отношении и самая незначительная по численности — шестая группа (всего 0,9%; по сумме средств производства она, несомненно, целиком состояла из эксплуататоров).

Приведенная таблица подтверждает, что вследствие остро малоземелья в горах издавна существовала аграрная перенаселенность. Неимущих здесь всегда было очень много. По данным переписи, в 1917 г. они составляли 32,7% всего населения. Если к ним прибавить еще 36,3% маломощных хозяйств, не способных к простому воспроизводству, то число обездоленных возрастает до 69,0%.

Как видим, основным социально-экономическим укладом в горном Дагестане накануне революции, по данным переписи, являлся мелкокрестьянский. На его долю приходится и подавляющая часть всего населения и свыше $\frac{2}{3}$ всего сельскохозяйственного производства.

Это подтверждается и тем, что наряду с большим числом неимущих в Гунибском округе в средних слоях наблюдалось примерно равное распределение средств производства. Например, из таблицы видно, что удельный вес средних групп крестьянства и принадлежащего им скота и земли совпадает. Особенно в распределении крупного рогатого скота и земли между группами хозяйств явно прослеживается уравнительность.

Вместе с тем таблица носит ярко выраженный отпечаток процесса разложения крестьянских хозяйств. Две верхние группы, составляя всего 7,4% всех хозяйств, сосредоточили у себя до трети всего крестьянского производства. Конечно, можно усомниться в том, что это — результат классового расслоения крестьянства, и видеть в этих цифрах картину обыкновенного имущественного неравенства, сложившегося до проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство. И такая точка зрения, безусловно, правомочна, особенно если обратить внимание на удельный вес двух групп и принадлежащего им крупного рогатого скота и земли. 6,5% хозяйств пятой группы имеют 13,5% крупного рогатого скота и 11,9% земли, а 0,9% хозяйств шестой группы — 2,5% крупного рогатого скота и 2,1% земли. Это в среднем пять голов крупного рогатого скота и десятина с небольшим на двор. Очевидно, что о предпринимательском земледелии не приходится и говорить. Но В. И. Ленин отмечал, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса разложения крестьянства, поэтому нельзя так резко противопоставлять друг другу эти два понятия.

Картина меняется, когда мы обращаемся к цифрам о поголовье овец: 7,4% хозяйств концентрируют у себя 53,2% всего овцепоголовья. Особенно велика роль последней, шестой, группы, которая не достигает и 1% ко всем обследованным хозяйствам округа, но держит у себя 29,1% поголовья овец. Налицо необычно высокая степень концентрации одной из ведущих отраслей сельского хозяйства в руках малочисленной крестьянской верхушки. Это

подтверждают также данные переписи 1917 г. по Аварскому округу: 1,1% хозяйств в этом округе сосредоточили у себя 25% всего поголовья овец, в то время как 73,3% хозяйств были безовечными¹³².

Определенную роль в этом, безусловно, сыграли естественные условия. В горах, как мы неоднократно отмечали, удобной под пашню земли очень мало. В то же Гунибском округе на 16,5 тыс. хозяйств приходилось всего около 7 тыс. дес. пашни — это 0,4 дес. в среднем на двор. Но и она состояла из крохотных террасных участков на склонах гор, по течению бурных рек, на выступах скал и т. д. Поэтому возможности для создания в горах цельных массивов пахотной земли с применением для ее обработки передовой сельскохозяйственной техники и наемной рабочей силы были максимально ограничены. Здесь крупное хозяйство земледельческого направления являлось большой редкостью. Хотя в распределении земли налицо большая неравномерность, размеры посева все же позволяют говорить только о потребительском земледелии. Это очень рельефно прослеживается в рассмотренной нами таблице о распределении крупного рогатого скота, овец и земли в Гунибском округе. Даже самая высшая, шестая, группа хозяйств, как видно из таблицы, имеет в среднем на двор всего 1,1 дес. посева и держит у себя всего 2,1% пашни. По сравнению с низшими, неимущими группами это много, но совершенно недостаточное для ведения предпринимательского земледелия.

При таких обстоятельствах животноводство было наиболее выгодной сферой для приложения усилий предпринимателя, тем более, что исстари сложившаяся система отгонного скотоводства представляла выгоду только для крупного хозяйства. Как известно, эта система сложилась из-за нехватки в горах зимних пастбищ. Здесь в обилии были летние пастбища, однако суровые климатические условия мешали обеспечить поголовье скота кормами на зиму. Поэтому скот приходилось перегонять на равнину, часто за 200—300 км и более. Местами отгона в то время были Грузия, Азербайджан и Терская область. Арендные цены на пастбища в местах отгона, по признанию местной администрации, были очень высокими. Мелкие и средние хозяйства не могли выдержать огромных дополнительных затрат, связанных с перегонем скота и арендой пастбищ, разорялись и неизбежно попадали в кабалу к своим богатым землякам.

С развитием рыночных отношений и превращением овцеводства в основную статью торгового животноводства степень концентрации повышается еще больше. В результате происходят изменения и в составе стада. Ведущее место, особенно в крупных хозяйствах, постепенно переходит к овцеводству. По итогам переписи 1917 г., удельный вес овцеводства в хозяйстве тем выше, чем крупнее хозяйство. Так, в низшей группе, судя по таблице, приведенной выше, на голову крупного рогатого скота приходилось

¹³² ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 29—48.

0,18 овцы, а в верхней пятой — 52. Поэтому и все товарное стадо овец находилось в руках крупных собственников.

Изменения в составе стада и концентрация наиболее товарной отрасли животноводства в связи с усилением рыночных отношений в этот период наблюдается и в других национальных республиках, в частности в Средней Азии, на Северном Кавказе и т. д. По свидетельству известного экономиста, знатока советской национальной деревни П. Погорельского, отмеченный процесс происходил, например, и в Киргизии, где в конце XIX — начале XX в. в составе стада начали преобладать овцы. И удельный вес овцеводства тем выше, чем крупнее хозяйство. В наиболее крупных хозяйствах овцы составляли 90% поголовья скота. П. Погорельский объясняет это тем, что овца стала основным видом товарного скота, на котором специализировалось байское предпринимательское хозяйство¹³³.

Все это является показателем быстрого приспособления хозяйства высшей группы к новым отношениям. Об этом же говорят и данные о росте рыночных связей овцеводческого хозяйства. Причем характерно, что после проведения Владикавказской железной дороги и установления регулярных экономических связей товарное овцеводство стало развиваться особенно интенсивно. Любопытно проследить развитие этого процесса в том же Гунибском округе.

В 1889 г., например, из округа за пределы области было вывезено животноводческой продукции на сумму 69,614 руб. 56,502 руб., или более 80% этой суммы, было получено только за реализацию 9031 овцы и 5765 пудов овечьей шерсти. В 1906 г. уже было продано 9668 овец и 6949 пудов шерсти, в 1911 г. — 11,710 овец и 8585 пудов шерсти, а в 1915 г. — 27,304 овцы и 16,414 пудов шерсти, т. е. более чем в три раза¹³⁴. За это же время намного увеличилась товарная продукция всего животноводства в целом. Но главной статьей вывоза по-прежнему оставалась продукция овцеводства, особенно овечья шерсть, причем постоянно увеличивался удельный вес производства на рынок. По тем же данным, в конце XIX — начале XX в. поголовье овец в абсолютных цифрах и в пересчете на 100 душ населения имело тенденцию к сокращению (о причинах такого явления будет сказано ниже). Зато товарная продукция и ее удельный вес в валовом производстве выросли в несколько раз. В конце XIX в. выход товарной шерсти составлял менее половины ко всему настригу, а в 1915 г. в Гунибском округе было настрижено 21,708 пудов и вывезено за пределы области 16,414 пудов, т. е. примерно 75% всего настрига¹³⁵.

Несомненно, что такой бурный рост товарного овцеводства за такое сравнительно короткое время обусловлен дальнейшим

¹³³ См.: Революционный Восток, 1935, № 6, с. 38—39.

¹³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 4, 65, 100, 105.

¹³⁵ Там же.

усилением процесса концентрации поголовья овец, который, в свою очередь, в этот период был связан с проникновением капитализма и резкой активизацией процесса разложения мелкого производства и «ухода овцы» из малоимущего хозяйства в богатое.

Однако из этого не следует делать вывода, будто в горах в овцеводстве утвердилось крупное капиталистическое производство. Господство патриархальной системы организации хозяйства, о которой мы говорили выше, неизбежно сопровождалось также господством и патриархальных форм эксплуатации. Например, в том же Гунибском округе 951 зажиточный двор, или 7,4% всех дворов, держал у себя 53,2% всего поголовья овец и коз. Для выпаса этого поголовья нужны были минимум 350 наемных чабанов (считая по 200—300 овец на чабана). Однако к найму постоянной рабочей силы прибегали лишь 58 наиболее крупных собственников, т. е. около 7% всех зажиточных. У них работало и 109 рабочих из 119, насчитывающихся в целом по округу¹³⁶. Эти данные еще раз свидетельствуют о том, что капиталистические отношения проникли в самые отдаленные районы Дагестана. Но они же говорят и о том, что здесь еще господствовала патриархальщина. Для подавляющего большинства зажиточных дворов (93%) основной формой организации хозяйства по-прежнему оставалось серкерство, о котором говорилось выше.

Рост крупного животноводческого хозяйства и концентрация овец в руках небольшой группы аульской верхушки не могли не сказаться и на земельном строе горского общества. Прежде всего это повело к уменьшению общинной пашни и увеличению общинных пастбищ. Раньше, когда концентрация скота была не столь сильно развита, более удобные для обработки общинные земельные фонды обычно использовались под пашню. Теперь крупные барановоды стали выступать против подобной практики и с этой целью использовать такую архаичную форму организации сельской общины, как джамаат. Используя свое экономическое могущество, а также труд многочисленных родственников, крупные овцеводы добились своего: многие пастбищные горы, которые использовались обществом под пашню, под видом того, что для общественного скота не хватает места для выпаса, по решению джамаата, были объявлены необрабатываемыми и превращены в пастбища. Этот пример лишней раз подчеркивает, что старые, патриархальные формы являлись тормозом общественного развития и становились орудием закабаления бедноты.

И в нагорных районах условия хозяйствования были далеко не одинаковыми. Так, в рассмотренном нами Гунибском округе, как и во всем нагорном Дагестане, главной отраслью сельского хозяйства являлось животноводство. Основным направлением скотоводческого хозяйства здесь было овцеводство, так как в округе было вполне достаточно летних пастбищ. В соседнем

¹³⁶ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 50—82.

Аварском округе летних пастбищ не хватало, поэтому здесь скот, в основном овец, летом содержали в Гунибском или Андийском округах, а зимой — в Терской области. Начальник округа в отчете за 1911 г. пишет: «Скотоводство... за неимением хороших пастбищ и скудности растительности в горах не достигает желаемых результатов. Трав даже при хорошем урожае собирается настолько мало, что едва хватает на зиму для крупного рогатого скота, мелкий же скот на пастбу обыкновенно перегоняется на лето в горы в Гунибский округ, а зимой — в Темир-Хун-Шурирский округ и Терскую область»¹³⁷.

Таким образом, жителям Аварского округа приходилось нести двойные тяготы при аренде пастбищ и содержании овец во время перегона. В таком же положении находились Казикумухский и Даргинский округа. Поэтому в этих округах овцеводство было развито сравнительно слабо. Так, в 1913 г. на 100 душ населения в Андийском округе приходилось 391, в Гунибском — 364 овцы, а в Аварском — 281, в Даргинском — 169 овец, в Казикумухском — 225. Была разница и в распределении имеющегося поголовья и среди различных экономических групп крестьянства. Вот, например, данные переписи 1917 г. по Аварскому округу¹³⁸. В округе было 7359 хозяйств. Из них не имели овец 5392, или 73,3% всех хозяйств. 1452 мелких хозяйства (19,7%) имели на двор не более 30 овец и держали у себя 23% всего поголовья. 51,8% всех овец находились в руках 5,9% средних хозяйств, имеющих от 31 до 100 овец в среднем на двор. Остальное поголовье приходилось на 87 крупных барановодов.

Данные иллюстрируют большую разницу между высшими и низшими группами крестьян. Однако овцепоголовье пока что находилось в руках мелких и средних собственников, хотя по логике вещей в Аварском округе степень концентрации овец должна была быть значительно выше, чем в Гунибском. В Аварском округе овцеводство было связано с двойными расходами, так как круглый год овец держали за пределами округа. Поэтому они не давали таких доходов, как, например, в Гунибском округе. Хотя товарное стадо в значительной степени находилось у небольшой верхушки, но по сравнению с Гунибским округом процесс концентрации не получил здесь такого глубокого развития.

Несколько иная картина предстает перед нами при рассмотрении материалов о распределении пашни. В Аварском округе на душу населения приходилось гораздо больше пашни, чем в Гунибском. Довольно развитым было здесь садоводство. Поэтому значительно глубже и неравномерность групп крестьян по владению пашней — 25,7% всей пашни оказывается у крестьянской верхушки, составляющей всего 3,2% всех хозяйств округа. В остальной картина та же: очень мало — всего 2,7% — безземельных и 74,4% всей пахотнспособной земли сосредоточено у мелких

¹³⁷ Там же, ф. 21, оп. 3, д. 53, л. 10.

¹³⁸ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 29—48.

производителей, составлявших 94,1% населения, причем размеры посева у этой группы населения не превышают 3 дес. То же самое и с распределением рабочего скота. 20% рабочего скота принадлежит тем же многоземельным 3,5% хозяйств. Остальные 80% приходятся на долю мелких производителей.

И, наконец, в Аварском округе по сравнению с Гунибским иначе выглядела и картина распределения крупного рогатого скота между различными группами населения. По материалам переписи, 1368 хозяйств из 7359 (18,0%) вовсе не имели крупного рогатого скота; зато 35 крупных собственников, составлявших 0,9% всех хозяйств, держали у себя 45,9% всего поголовья — это 190,8 головы крупного рогатого скота в среднем на одно хозяйство этой группы. Остальное стадо принадлежало мелким и средним собственникам. Уступка мелкому производству в овцеводстве компенсирована полностью. Крупный рогатый скот обычно мало участвовал в кочевке. Разве только в начале лета после зимней голодовки его угоняли на нагул в горы на летние пастбища. Поэтому разведение крупного рогатого скота в округе не требовало дополнительных расходов, как овцеводство, и это сразу же сказывалось на распределении стада между различными группами населения.

В Аварском округе крупный рогатый скот играл значительно большую роль, чем в Гунибском и в товарной продукции животноводства. Если в Гунибском на долю овцеводства приходилось 76—80% всей товарной продукции животноводства, то в Аварском это соотношение было ниже на 20—30%, т. е. почти половина товарной массы приходилась на продукцию крупного рогатого скота¹³⁹.

И в этой наиболее товарной отрасли скотоводства округа наблюдалась и наибольшая степень концентрации. Однако в условиях Дагестана степень концентрации скота далеко не всегда соответствует объему вывозимой за пределы области продукции или степени развития той или иной отрасли животноводства. Например, Андийский округ по уровню развития овцеводства уступал лишь одному Самурскому. Но по объему вывозимой шерсти он стоял на одном из последних мест. Так, в 1907 г. округ вывез всего 80 пудов шерсти¹⁴⁰. Это объяснялось тем, что там было очень широко распространено выделывание бурок. Андийцы не только не вывозили шерсть, а, наоборот, сами нуждались в ее ввозе. То же самое можно сказать и об Аварском округе, где широкое распространение получило производство войлока; Даргинском, где шерсть шла на выделку сумахов и кавказского сукна; Самурском и Кюринском округах, исстари специализировавшихся на ковроткачестве.

Подытоживая сказанное, надо заметить, что и в Аварском и в Гунибском округах основной производительной силой оставалось

¹³⁹ Там же, ф. 21, оп. 3, д. 23, 53, 55, 66, 90, 100, 105.

¹⁴⁰ Обзор Дагестанской области за 1907 г. Темир-Хан-Шура, 1909, с. 18.

мелкое патриархальное крестьянское хозяйство. Однако крупные хозяйства, не занимая сколько-нибудь значительного места количественно, и здесь играли уже видную роль в сельскохозяйственном производстве, особенно в его наиболее товарных отраслях.

На примере этих двух округов мы убедились, что направление и специализация сельского хозяйства нагорного Дагестана и в какой-то мере даже степень развития экономических отношений были в определенном смысле подвержены влиянию естественных условий. Их роль тем выше, чем примитивнее способ и техника ведения сельского хозяйства. Вместе с тем невозможно отрицать, что развитие животноводства в целом и крупного товарного стада в особенности больше всего связано с проникновением товарно-денежных отношений, с ростом рыночных связей.

Гораздо рельефнее мы можем проследить это на примере Самурского округа, который в избытке имел летние альпийские пастбища. Ему не было равных в Дагестане и по обеспеченности скотом. На душу населения здесь приходилось почти в два раза больше скота, чем в среднем по области. Причем 92% поголовья составляли овцы и козы. И в этой главной отрасли животноводства (овцеводстве) наблюдалась наибольшая степень концентрации. По существу, в Самурском округе мелкий производитель как таковой был вытеснен из овцеводства. На его долю приходилось лишь 5,1% всего овцепоголовья. Остальное стадо было сосредоточено у крупных собственников, составляющих 10,6% всего населения; причем 61,5% всего стада находилось у 2,5% наиболее крупных собственников, имевших свыше 300 на двор овец. Любопытно, что эта группа в Аварском округе составляла всего 0,1% населения и держала у себя лишь 12,2% овец и коз¹⁴¹.

Как видим, степень концентрации овец в Самурском округе было гораздо выше, чем в Аварском и Гунибском округах. Об этом же свидетельствуют и другие данные. В Самурском округе не только овцепоголовье, но и крупный рогатый скот уже перешел в руки эксплуататорской верхушки: 0,6% хозяйств держали у себя больше половины (53,2%) всего стада¹⁴². То же самое и с землей. 5,1% хозяйств, составлявших верхнюю группу, сосредотачивали у себя 91,9% всей земли, главным образом пастбищной. Из общего «ансамбля» выпадает лишь таблица о распределении рабочего скота. Здесь главная роль пока что остается за мелким собственником — в его распоряжении находилось свыше 70% всего рабочего скота.

Таким образом, при прочих примерно равных условиях в Самурском округе имущественное неравенство было куда более глубоким, чем в Гунибском и Аварском округах, а в основной отрасли хозяйства — овцеводстве — установилось безраздельное господство крупных собственников. Процесс социального расслоения и концентрация производства в Самурском округе обусловлен

¹⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 188—216.

¹⁴² Там же.

теми же причинами, что и в Аварском и Гунибском, но темпы его развития надо отнести главным образом за счет действующего извне исторического влияния. Одним из факторов этого влияния является бурное развитие бакинского нефтедобывающего района. Самурский округ расположен на границе с Азербайджаном; отсюда до Баку — рукой подать. Между ними издавна существовали теснейшие экономические связи. Рабочего-лезгина в Баку знали, по крайней мере, с тех пор, как только добыча нефти стала представлять какой-то промышленный интерес. Уже в 1892 г. из Самурского округа на заработки ушло 6395 чел., большинство — на бакинские нефтяные промыслы¹⁴³. По мере роста нефтедобывающей промышленности Азербайджана туда стали направляться представители и других народностей Дагестана. В 1915 г. их было 12,3% от числа всех бакинских рабочих¹⁴⁴. Значительная часть их состояла из выходцев из Самурского округа. В 1913 г. из Самурского округа на заработки ушло в среднем по 330 чел. на каждую тысячу населения. Это чуть ли не $\frac{2}{3}$ всего трудоспособного населения округа, или 24,9% всех отходников области. Таким образом, бакинский нефтедобывающий район служил как бы катализатором процесса раскрестьянивания в Самурском округе, да и в Дагестане в целом.

Несколько иная картина наблюдалась в горных округах внутреннего Дагестана — таких, как Аварский, Гунибский и Даргинский. Они были наиболее оторванными от внешнего мира, а при тех путях и средствах передвижения это обстоятельство оказывало огромное влияние на весь ход экономического и политического развития. Архивные данные, в том числе и те, которые мы приводили для иллюстрации развития товарного хозяйства в Гунибском округе, доказывают, что регулярные рыночные отношения охватили эти округа сравнительно позже. По существу, появление крупного товарного хозяйства как систематически действующего экономического фактора в горных округах внутреннего Дагестана относится к началу XX в. Например, в наиболее развитом округе этого района — Гунибском — в 1892 г. число хозяйств было почти на треть больше, чем в Самурском, а скота и земли значительно меньше. Несмотря на это, из Гунибского округа на заработки уходило 1746 чел. — почти в четыре раза меньше, чем из Самурского¹⁴⁵. Это говорит о слабости экономических связей, о безусловном господстве мелкого хозяйства, наделенного мизерным участком земли и кое-какой скотиной. Такая оторванность от внешнего мира приковывала к очагу, обрекала на полуголодное существование.

В дальнейшем по мере того, как новые отношения все более властно начинали себя проявлять, все большими становились

¹⁴³ Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893, с. 43.

¹⁴⁴ Пажитнов К. А. Очерки по истории Бакинской нефтедобывающей промышленности. М.; Л., 1940, с. 145.

¹⁴⁵ Обзор Дагестанской области за 1892 г., с. 43.

рыночные связи, стало расти и передвижение населения. В 1913 г. из Гунибского округа уже уходило на заработки свыше 15 тыс. чел., т. е. почти в девять раз больше, чем в 1892 г.¹⁴⁶ Однако отходничество в округах внутреннего горного Дагестана не достигло уровня Самурского округа.

Таким образом, по итогам переписи 1917., в Самурском округе мелкий собственник был вытеснен из основной отрасли производства; произошла концентрация средств производства в руках небольшой аульной верхушки. Однако этот процесс не привел к ликвидации патриархально-феодальных отношений и патриархально-феодальных методов эксплуатации. Согласно той же переписи 1917 г., в Самурском округе было 535 хозяйств с поголовьем 200 и более овец в каждом. А наемных рабочих держали лишь 99 из них, или 18,5%¹⁴⁷.

Некоторые наиболее крупные предприниматели имели по семь—десять работников. Это говорит о начавшемся процессе обуржуазивания этих хозяйств. Однако 81,5% наиболее крупных овцеводов по-прежнему вели хозяйство посредством организации коша. До присоединения к России и проникновения товарно-денежных отношений эта группа состояла в основном из феодализирующейся знати. Впоследствии с ростом рыночных связей она стала терять патриархальную замкнутость и приспосабливаться к рыночным отношениям, однако не могла еще хозяйничать иначе, как с помощью патриархально-феодальных методов эксплуатации, которые не требовали дополнительных затрат капитала и перехода к новой системе овцеводства, не нарушали экономических связей и в то же время обеспечивали даровую рабочую силу и политическое господство.

То же самое и в земледелии. Многие представители горской верхушки скупили тысячи десятин земли на равнине и в предгорьях¹⁴⁸. Такая концентрация создавала предпосылки для возникновения крупного высокотоварного капиталистического хозяйства в земледелии. Однако за редким исключением горские собственники по старинке мелкими участками сдавали эту землю местным крестьянам.

Подводя итоги анализу социального развития горского аула, можно констатировать, что несмотря на резкое усиление товарного обмена и проникновение товарно-денежных отношений, производственные отношения оставались патриархально-феодальными. В экономике ведущее место занимало мелкое патриархальное крестьянское хозяйство, которое главным образом «работало на себя» и поэтому было натуральным. Вместе с тем явственно обозначился процесс возникновения двух противоположных групп населения — деревенской буржуазии и деревенского пролетариата. Но этот процесс был настолько завуалирован, настолько опу-

¹⁴⁶ Там же, с. 2.

¹⁴⁷ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 190—216.

¹⁴⁸ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана.

гап патриархально-феодальными отношениями, что сделать какие-либо количественные разграничения внутри горского аула не представляется возможности.

Материалы переписи 1917 г. позволяют прийти к выводу, что не только между двумя географическими зонами — горными и равнинными, но и внутри них в развитии процесса классового расщепления имелись существенные различия.

В горных округах, несмотря на начавшийся процесс классового разложения крестьянства, основной производительной силой оставалось мелкое патриархальное крестьянское хозяйство и господствовал патриархально-феодальный уклад. Здесь на его долю приходилось примерно $\frac{2}{3}$ всего сельскохозяйственного производства. В Самурском и особенно в Хасавюртовском округах накануне революции в основном были распространены крупные хозяйства, которые охватывали значительно больше половины всего крестьянского производства.

Неравномерность процесса классового расщепления определила и разницу в удельном весе одних и тех же экономических групп в различных районах. Например, высшая группа в Гунибском, Аварском округах и Южно-табасаранском наибстве, по материалам переписи, составляла примерно 2% всех хозяйств, а в Самурском и Хасавюртовском — 5—8%. Средних хозяйств, наоборот, было больше в первой группе районов, чем во второй.

Хотя в цифрах разница довольно значительная, гораздо больше было отличий между ними в социальной природе. Если в Хасавюртовском округе капиталистические отношения в сельском хозяйстве восторжествовали и социальные группы выступали в «чистом» виде, то в других округах, особенно горных, буржуазные отношения хотя и сделали значительные успехи, но все еще развивались под оболочкой патриархально-феодального уклада. В первую очередь, это касается крупного производства. В Хасавюртовском округе на базе классовой дифференциации и раскрестьянивания поляризация социальных групп и концентрация всех видов средств производства достигли высокой степени. Горные округа и многие районы равнины были еще далеки от этого. Под влиянием российского капитализма здесь, безусловно, шел процесс интенсивного разорения мелкого производителя. Однако мелкое патриархальное крестьянство продолжало сохранять ведущее положение в экономике. Крупное хозяйство заняло доминирующее положение лишь в одной наиболее товарной отрасли горского хозяйства — в овцеводстве. Однако и в этой отрасли преобладала патриархально-феодальная система — серкерство. Так что горская верхушка представляла собой патриархально-феодальную знать, которая активно вступила в рыночные отношения.

Вместе с тем для этих двух районов характерны и общие черты: многочисленность обездоленных групп и сравнительная малочисленность верхних экономически мощных групп. Констатируя этот факт, надо помнить о последствиях военной разрухи. Нам уже приходилось отмечать, что в результате первой

империалистической войны сельское хозяйство Дагестана пришло в упадок: в 1917 г. по сравнению с 1913 г. площадь посевных сократилась до 79,2%, а численность скота — почти на 30% ¹⁴⁹. Вследствие разрухи на транспорте и предельного сужения рынка особенно сильно пострадали наиболее товарные отрасли сельского хозяйства. Например, поголовье овец уменьшилось на 34,9%, т. е. более чем на треть ¹⁵⁰, а в таких производящих районах, как Хасавюртовский, сельское хозяйство пришло в полное расстройство, а сельскохозяйственное производство уменьшилось более чем наполовину ¹⁵¹.

Конечно, разруха прежде всего отразилась на крестьянских низах; однако общий упадок экономики и нарушение рыночных связей, безусловно, сказались и на аульских верхах.

Поэтому надо полагать, что до первой мировой войны соотношение, удельный вес социальных групп был несколько иным: меньше было представителей низших и больше представителей высших, эксплуататорских групп. К сожалению, у нас нет материалов о расслоении крестьян за эти годы, но мы располагаем материалом, который в какой-то мере может служить основой для суждения и о более раннем периоде. Это данные переписи 1917 г. о распределении рабочего скота. Дело в том, что численность крупного рогатого скота, в том числе и рабочего, за четыре военных года не претерпела особых изменений. Нам уже приходилось отмечать, что по отношению к 1913 г. количество крупного рогатого скота на территории Дагестана (в его нынешних границах) сократилось всего на 5%, а если взять Дагестан в границах 1917 г., то нужно отметить, что общая численность лошадей и крупного рогатого скота по сравнению с 1913 г. даже несколько увеличилась. Поэтому годы войны не должны были так сильно отразиться на движении социальных групп по владению рабочим скотом. Изменения происходили, конечно, ежедневно и еже часно, но вряд ли они в корне нарушили картину, характерную для раннего периода. Более правомерно сомнение: насколько верно отобразят действительность данные о социальных группировках по владению рабочим скотом — ведь в неземледельческих районах рабочий скот имел далеко не основное значение в формировании экономической мощи хозяйства.

Что же касается равнины, то известно, что она играет решающую роль в полеводстве, а рабочий скот для полеводства имеет основное значение. Как правило, размеры посева находятся в прямой зависимости от численности рабочего скота у двора. Иллюстрацией к этому могут служить данные переписи по аулу Бейсей Ачикулакского округа ¹⁵².

¹⁴⁹ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 146, л. 84—86.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Отчет о деятельности комиссариата земледелия с 1 мая 1920 г. по 1 ноября 1925 г., л. 30.— Рук. фонд Ин-та ист., яз. и лит. Даг. фил. АН СССР, ф. 2, оп. 1, д. 534.

¹⁵² Плановое хозяйство Дагестана, 1929, № 2—3, с. 118.

Чем больше рабочее поголовье, тем больше посевов (табл. 10). По существу, сельскохозяйственное производство сосредоточено в руках 14,2% зажиточных хозяйств. Из этого следует, что рабочий скот является наиболее достоверным показателем хозяйственной мощи той или иной экономической группы и степени классового расслоения равнинного аула.

Обратимся теперь к данным о распределении рабочего скота между экономическими группировками на территории всего Даге-

Таблица 10

Группы хозяйств	Число хозяйств, %	Вся пашня у группы, %	Приходится посева на двор, га
Без рабочего скота	25,0	1,4	0,5
Имеющие до двух голов	41,1	10,8	4,1
» до трех голов	19,7	33,1	16,6
» четырех голов и более	14,2	54,7	29,2
Итого	100,0	100,0	9,2

стана в его нынешних границах. Материалы эти выборочные и извлечены из сельскохозяйственной переписи 1917 г. комиссией обкома КПСС по изучению социального строя в дагестанском ауле в переходный период. Согласно этим материалам, в 1917 г. не имели рабочего скота 34,4% всех хозяйств, с одной головой рабочего скота было 11,7%, с двумя — 34,6%, тремя и четырьмя головами рабочего скота владели 12,5% всех хозяйств, а более четырех — 6,8%¹⁵³. Эти данные дают несколько иное представление о классовой структуре дагестанского дореволюционного аула, об удельном весе той или иной социальной группы среди других экономических групп населения, нежели те, что приводились выше. Первые две группы крестьян, составлявшие 46,1% всех хозяйств, — это маломощные бедняцкие хозяйства. К ним можно отнести и часть хозяйств третьей группы, особенно проживавших на равнине. Если в горах и частично в предгорье хозяин, имевший двух быков, вполне самостоятельно мог обрабатывать свой участок, то в ряде равнинных районов техника и условия земледелия в то время были таковы, что для обработки земли в ярмо приходилось впрягать две пары рабочих волов. Следовательно, к нижней батрацко-бедняцкой группе можно отнести еще минимум 9,7% всех хозяйств этих районов. Вместе с ними маломощные хозяйства составят примерно 55,8% всего населения области. Если объединить оставшихся в третьей группе 24,9% хозяйств с хозяйствами четвертой группы, то самостоятельные по владению рабочим скотом составят примерно 37,4% всех хозяйств, а крупные зажиточные — 6,8%.

¹⁵³ Арх. Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 155.

Эти же материалы о распределении рабочего скота дают возможность уточнить и соотношение социальных групп в различных зонах. Особенно важно то, что они позволяют более точно установить удельный вес высшей эксплуататорской группы на равнине и в горах. Так, на равнине дворов, имевших от четырех до восьми голов рабочего скота, в 1917 г. было 11,4%, а свыше восьми голов — 6,4%. Таким образом, если в среднем по Дагестану свыше четырех голов рабочего скота имели 6,8% дворов, то на равнине их число было почти в три раза больше и составляло 17,8% всех хозяйств. Совсем иное положение наблюдалось в гор-

Таблица 11

Группа хозяйств	Хозяйств в группе, %		Группа хозяйств	Хозяйств в группе, %	
	1886 г.	1917 г.		1886 г.	1917 г.
Без крупного рогатого скота	11,0	29,0	Имеющие 7—12 голов	9,0	3,0
Имеющие до 6 голов	79,0	67,0	» свыше 12 »	1,0	0,4

ных и предгорных районах. Здесь свыше четырех голов рабочего скота имели 4,5% всех дворов, т. е. в четыре раза меньше, чем на равнине.

Нам уже приходилось отмечать, что накануне Великой Октябрьской социалистической революции в распределении орудий и средств производства между различными социальными группировками населения существовала огромная разница. Выборочные данные переписи 1917 г. указывают на то, что на территории тогдашнего Дагестана 8,7% всех крестьянских хозяйств совершенно не были обеспечены землей, а 3,2% мощных многоземельных хозяйств держали у себя 21,7% всех посевов; 78,3% всех хозяйств были безлошадными, а 2,4% дворов сосредотачивали 30,7% всех лошадей; в то время как на каждые 100 хозяйств 34 с лишним не имели рабочего скота, в собственности 6,8% дворов находилось свыше $\frac{1}{3}$ всех рабочих волов; наконец, в то время как до 80% хозяйств были безовечными, 2,9% дворов держали 58,7% всего овцепоголовья.

За счет каких групп, каких слоев населения происходила такая концентрация средств производства на одном полюсе и постоянное увеличение обездоленных на другом? Ответ на этот вопрос явится одновременно и определением основного направления самого процесса.

Для сравнения мы располагаем выборочными данными двух переписей — 1886 и 1917 гг. — о владении крупным рогатым скотом и овцами по одним и тем же аулам и округам. Вот итоги перегруппировки крестьянских хозяйств за этот период по владению крупным рогатым скотом (табл. 11).

Таким образом, увеличилась одна низшая группа, причем за счет уменьшения всех верхних групп. То же самое прослеживается и по распределению овец. Число безовечных за 30 предреволюционных лет увеличилось на 11%, остальные группы уменьшились. Особенно сильно уменьшилась верхняя имущая группа, имевшая в среднем на двор свыше 100 овец. В 1886 г. она составляла 3,0% хозяйств, а в 1917 г. — 0,8%. Это же подтверждают и материалы двух переписей по Кюринскому и Хасавюртовскому округам, разработанные А. Г. Мелешко¹⁵⁴. Приведем

Таблица 12

Группа хозяйств	Годы	В среднем на одно хозяйство группы			
		пашня	крупный рогатый скот	лошади	овцы и козы
Беднота	1886	1,2	2,5	0,1	4,5
1-я и 2-я группы вместе	1917	1,15	2,7	0,1	13,5
Средняя группа	1886	5,0	5,8	0,5	23,0
3-я и 4-я группы вместе	1917	4,2	5,5	0,6	19,8
Зажиточные и кулаки	1886	15,3	13,5	3,4	118,0
5-я группа	1917	16,0	13,6	4,7	164,0

наиболее полную таблицу по уже знакомому нам Южнотабасаранскому наибству Кюринского округа¹⁵⁵ (табл. 12).

Процент беспосевных в наибстве с 8,6 в 1886 г. увеличился до 10,0% в 1917 г., а малопосевных — с 47,0 до 66,0%. Еще более разительные перемены произошли в Хасавюртовском округе. Число безземельных хозяйств с 9,8% в 1886 г. выросло здесь до 19,7% к 1917 г.¹⁵⁶

Исходя из этих данных по Кюринскому и Хасавюртовскому округам, А. Г. Мелешко пришла к заключению, что «в течение всего исследуемого времени», т. е. 30 лет, прошедших после переписи 1886 г., в Дагестане шел процесс обнищания крестьянских масс. Она пишет: «Процесс расслоения шел здесь в сторону увеличения низших групп за счет резкого сокращения высшей и средней группы. Это был процесс обнищания всего крестьянства»¹⁵⁷. Однако надо отметить, что этот вывод А. Г. Мелешко никак не соответствует ни приведенным ею же

¹⁵⁴ Мелешко А. Г. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле..., с. 38, 51, 55.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Данные за 1886 г. взяты из Рук. фонда Ин-та ист., яз. и лит. Даг. фил. АН СССР, д. 1994; за 1917 г. — из ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 24, 254, 265—276.

¹⁵⁷ Мелешко А. Г. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле..., с. 38.

данным, ни тем более объективному экономическому процессу, протекавшему в течение 30 с лишним предреволюционных лет. Во-первых, она почему-то совершенно не учла того, что перепись 1917 г. проводилась в самый разгар разрухи военного времени, в результате которой, как мы уже отмечали, сельскохозяйственное производство в Дагестане сократилось более чем на треть и, во-вторых, количественное уменьшение той или иной группы выдано ею за абсолютное обнищание всего крестьянства в целом. Между тем нам уже приходилось отмечать, что несмотря на общее обеднение крестьян и значительное уменьшение верхних групп в результате войны, отношения между крайними группами вовсе не изменились. Больше того, данные самой А. Г. Мелешко по Южнотабасаранскому участку свидетельствуют, что у высшей, пятой, группы наблюдалось даже приращение богатств по сравнению с 1886 г., несмотря на ее количественное уменьшение.

Это особенно заметно в наиболее товарной отрасли сельского хозяйства — овцеводстве. Как видно из табл. 12, в 1886 г. высшая группа имела в среднем на хозяйство 118 овец, а в 1917 г. — 164 овцы. Аналогичное положение наблюдалось и в других районах: высшая группа в годы первой империалистической войны, уменьшаясь количественно, значительно увеличила средний уровень экономической мощи своего хозяйства, особенно в овцеводстве. Однако это не означает, что процесс повсеместно развивался только в эту сторону. При анализе материалов переписи 1917 г. мы встречаемся не только с концентрацией производства и ростом низших групп, но и с количественным ростом верхней группы. Об этом говорят, например, сравнительные данные переписей 1886 и 1917 гг. по Верхне-Дженгутаевскому наибству Темир-Хан-Шурина округа. Так, в 1886 г. безовечных в наибстве было 82,9% всех хозяйств, а в 1917 г. — уже 92,4%; хозяйств, имевших свыше 100 овец в 1886 г. — 1,6%, а в 1917 г. — 2,0%. Особенно сильно возрос за этот период удельный вес высшей группы во владении овцепоголовьем. Если в 1886 г. в ее собственности находилось 32,4% всей отары, то в 1917 г. эта цифра выросла до 56,0%¹⁵⁸.

И все это в условиях жестокой военной разрухи, когда сельскохозяйственное производство упало на треть, а поголовье овец сократилось на 34,9% по сравнению с 1913 г. Следовательно, речь может идти не об обнищании всего крестьянства в целом, а об обнищании трудящейся массы крестьян, с одной стороны, и о дальнейшей концентрации производства — с другой. К такому заключению мы пришли в результате сравнения материалов переписей 1886 и 1917 гг.

Но 1917 год далеко не характерен для всего периода развития после переписи 1886 г. Материалы этого года в основном верно отражают лишь отношения, складывавшиеся между крайними

¹⁵⁸ Мелешко А. Г. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана..., с. 209.

группами в результате расслоения крестьян; но они, как мы убедились, не могут дать сколько-нибудь достоверного представления о развитии самого процесса классового деления и его характерных черт на том или ином этапе. Для этого итоги переписи 1886 г. необходимо сравнить с материалами довоенного времени, в данном случае военно-конских переписей 1896, 1903 и 1912 гг.—единственным имеющимся источником, позволяющим достигнуть поставленную цель.

Нужно отметить, что лошадь в качестве рабочего скота в Дагестане использовалась редко. Она не имела и большого товар-

Таблица 13

Группы хозяйств	Годы	Всего хозяйств	%	У них лошадей	%
Безлошадные	1886	7487	75,0	—	—
	1912	7823	68,9	—	—
С одной лошастью	1886	1787	17,7	1787	43,3
	1912	1125	9,8	1126	117
С двумя лошадьми	1886	458	4,6	944	22,9
	1912	1130	9,9	2260	22,7
С тремя »	1886	114	1,1	342	8,3
	1912	495	4,4	1485	14,5
С четырьмя и более »	1886	126	1,4	1056	25,4
	1912	791	7,0	5102	51,1
Итого	1886	9972	100,0	4129	100,0
	1912	11465	100,0	9973	100,0

ного значения. Исключением в этом отношении были Хасавюртовский и частично Темир-Хан-Шуринский округа. Поэтому ограничимся сравнением данных за 1886 и 1912 гг. по этим земледельческим округам. Тем более, что свой вывод о всеобщем общипании крестьян А. Г. Мелешко обосновывает также на материалах переписей 1886 и 1917 гг. по Хасавюртовскому округу. Данные по Хасавюртовскому округу¹⁵⁹ представлены в табл. 13.

Таблица показывает общее движение вверх. И это понятно. С 1886 по 1912 г. сельское хозяйство Хасавюртовского округа сделало скачок вперед, валовое сельскохозяйственное производство увеличилось в 3,5 раза. Проведение железной дороги и бурный рост рыночных связей неминуемо привели к повышению и общего среднего уровня жизни. Судя по таблице, больше всего уменьшились нижние группы, больше всего выросли верхние. Однако далеко не это главное в процессе, происходившем в то время в Хасавюртовском округе. Главное в том, что шел процесс

¹⁵⁹ Данные за 1886 г. извлечены из Рук. фонда Ин-та ист., яз. и лит. Даг. Фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 299; Военно-конская перепись 1912 г. Пг., 1914, с. 18, 160 (таблица составлена нами.— Г. О.).

концентрации производства в руках меньшинства за счет мелкого и среднего производителя. По данным 1886 г., вторая и третья группы, представлявшие в основном мелкие хозяйства, держали у себя 66,2% лошадей. По своему удельному весу особенно выделялась группа однолошадных. На их долю приходилось 43,3% всех лошадей округа. Это еще раз говорит о том, что в Хасавюртовском округе в 1886 г. господствовало мелкое патриархальное крестьянское хозяйство.

К 1912 г. картина резко изменилась. Хотя безлошадных стало меньше, роль мелких коневладельцев сильно уменьшилась. За однолошадными осталось лишь 11,7% всех лошадей. Зато резко выделилась высшая пятая группа. С 1,4% в 1886 г. количественно она выросла до 7% в 1912 г., с 25,4% в 1886 г. ее удельный вес во владении лошадьми повысился до 51,1% в 1912 г.

Эти изменения выражены не только в относительных цифрах, но и в абсолютных. Так, в 1886 г. однолошадных было 1787 хозяйств, а в 1912 г. — 1126. Соответственно уменьшилось у них и число лошадей. Высшая группа увеличилась более, чем в шесть раз, а лошадей у них с 1056 до 5102. Это еще раз свидетельствует о том, что накануне революции в округе восторжествовало крупное хозяйство эксплуататорского типа.

Хотя и не такие коренные, но достаточно выразительные изменения произошли и в Темир-Хан-Шуринском округе. Здесь главным образом выросли крайние группы: удельный вес безлошадных с 78,0% в 1886 г. вырос до 84,0% в 1912 г., увеличались также четвертая (1,8 вместо 1,5%) и пятая (1,3 вместо 0,9% в 1886 г.) группы. Но особенно большие перемены произошли в распределении лошадей между различными группами крестьян. По данным 1886 г., однолошадным принадлежало 45,5% всех табунов округа, а в 1912 г. за ними осталось лишь 25,9% лошадей. Зато у высшей пятой группы число лошадей выросло больше, чем наполовину. В 1886 г. у них было 16,4% лошадей, а в 1912 г. — уже 26,6%¹⁶⁰.

Для полноты представления рассмотрим итоги перегруппировки крестьянских хозяйств по владению лошадьми в 1886, 1896 и 1912 гг. по Темир-Хан-Шуринскому округу (табл. 14)¹⁶¹.

Очевидно, что вывод А. Г. Мелешко о том, что будто бы с 1886 г. в Дагестане происходил процесс обеднения, обнищания всего крестьянства в целом, не выдерживает критики. Шел процесс поляризации групп за счет мелкого производителя, причем в конце XIX и начале XX в. он был непосредственно связан с развитием рыночных связей и товарного хозяйства. Ошибочный вывод А. Г. Мелешко объясняется тем, что она судит о сложном, насыщенном и длительном периоде по отрывочно взятым стати-

¹⁶⁰ Военно-конская перепись 1912 г. Пг., 1914, с. 16, 150—152.

¹⁶¹ Военно-конская перепись 1896 г. СПб., 1898; Военно-конская перепись 1903—1904 гг. СПб., 1906 (таблица составлена нами.— Г. О.).

стическим данным двух переписей, между которыми прошло 30 лет. Между тем из факта уменьшения показателей экономической мощи хозяйств, в том числе и высшей группы, за какой-то период ни в коем случае нельзя судить о процессе в целом, как сделала А. Г. Мелешко, тем более не представляя себе колебаний, подъемов и спадов внутри такого большого периода. В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» писал: «иначе как скачками, зигзагами, то быстро шагая

Таблица 14

Группы хозяйств	Годы	Всего хозяйств	%	У них лошадей	%
Безлошадные	1886	8187	78,0	—	—
	1896	12596	81,8	—	—
	1912	13418	84,0	—	—
С одной лошадию	1886	1594	15,2	1594	43,5
	1896	1406	9,2	1406	26,0
	1912	1290	8,0	1290	25,9
С двумя лошадьми	1886	455	4,4	910	26,0
	1896	811	5,3	1622	29,5
	1912	733	4,9	1546	31,1
С тремя »	1886	141	1,5	423	12,1
	1896	310	2,1	930	17,0
	1912	272	1,8	816	16,4
С четырьмя и более »	1886	86	0,9	566	16,4
	1896	246	1,6	1516	27,5
	1912	214	1,3	1326	26,6
Итого	1886	10463	100,0	3493	100,0
	1896	15369	100,0	5474	100,0
	1912	15967	100,0	4978	100,0

вперед, то временно падая ниже прежнего уровня, не может развиваться капитализм»¹⁶².

Сравнение показателей за 1886, 1896 и 1912 гг., представленное в табл. 14, дает возможность проследить эти скачки и зигзаги, подъемы и спады. Они тем более неизбежны и сильны в таком районе, как Дагестан, где позиции патриархальщины были еще достаточно сильны. В то же время очевиден последовательный характер основной закономерности — несмотря ни на что, процесс явственно идет по пути разложения крестьян, мелкий производитель разоряется, происходит концентрация производства в руках крупных собственников. Правда, эти собственники представляли в основном феодально-клерикальные верхи аула, но среди них видную роль играли уже и капиталистические элементы.

В связи с этим необходимо коснуться еще одного вопроса, тесно связанного с начавшейся реорганизацией крестьянского хозяй-

¹⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 117.

ства. Речь идет о развитии животноводства в исследуемое время. В тот период с животноводством Дагестана происходила странная, на первый взгляд, метаморфоза. С одной стороны, приобщение к более передовому способу производства, расширение рыночных связей, выход на всероссийскую и через нее даже на мировую экономическую арену, с другой — систематическое уменьшение поголовья скота, причем не только в расчете на душу населения, но и в абсолютных цифрах. И это в условиях ежегодного постоянного роста цен и размеров вывозимой продукции животноводства. На этой почве некоторые исследователи даже стали склоняться к мысли о регрессе в развитии производительных сил области в конце XIX — начале XX в. ¹⁶³.

Известно, что в период Кавказской войны в течение почти 30 лет горный Дагестан находился в экономической блокаде. Будучи изолированным от традиционных поставщиков хлеба и зимних пастбищ для скота, горцы были вынуждены в значительной мере забросить овцеводство и заняться земледелием. Под пашню использовался каждый мало-мальски удобный участок земли. В это время поголовье овец резко сокращается, больше внимания уделяется разведению крупного рогатого скота. После окончания «Кавказской войны» экономические связи гор с равниной вновь стали входить в колею нормального развития. Правда, маренная лихорадка отодвинула горца-скотовода на второй план в глазах крупных собственников земли, которые предпочли сдавать землю скорее под марену, нежели чем под выпас скота. Но уже в начале 70-х годов маренный кризис вновь очистил место для арендатора-овцевода.

В этот период неуверенности и спада в деятельности земледельцев, скотовод имел широкое поле деятельности. Овцеводство быстро набирало темпы. К 1886 г. оно достигло высшей точки развития. Однако в дальнейшем возможности для использования исключительно плодородных, но заброшенных в годы маренного кризиса обширных земельных пространств стали уменьшаться с каждым годом. Начала оживляться земледельческая культура, восстанавливаться заброшенная в свое время ирригационная система. Включение Порт-Петровска и Дербента в систему регулярного пароходного сообщения по Каспийскому морю вновь стало возрождать прерванные на время, экономические связи с севером. Но следует подчеркнуть, что главную роль в бурном развитии земледельческой культуры на равнине в конце XIX в., особенно в ее северной части сыграло проведение железной дороги. С этого времени равнинные районы играют роль житницы не только для внутреннего Дагестана. Сотни тысяч пудов зерна вывозились также далеко за пределы области и Кавказа вообще. Только в одном Хасавюртовском округе за 25 предреволюционных лет производство зерна увеличилось в 3,3 раза ¹⁶⁴, а вывоз хлеба —

¹⁶³ Мелешко А. Г. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле..., с. 61.

¹⁶⁴ См.: Отчеты начальника Терской области за 1891—1915 гг.

в четыре с лишним раза¹⁶⁵. Как мы уже отмечали, в 1913 г. округ поставлял на рынок около 1,5 млн. пудов зерна. В целом по Дагестану посевов в пересчете на 100 душ населения с 20,04 га в 1886 г. увеличилось до 45,6 га в 1913 г., рост — в 2,2 раза¹⁶⁶.

Распашка земельных угодий и рост земледелия отвлекли большое количество трудовых ресурсов от животноводства, ограничили кормовую базу экстенсивного скотоводства, особенно овцеводства, которое круглый год находилось на подножном корму, что не могло не сказаться на размерах животноводства. Однако не эти причины сыграли главную роль в уменьшении поголовья скота в этот период. Они, безусловно, оказали на этот процесс определенное влияние, но главной причиной было другое и прежде всего преобладание мелкого крестьянского хозяйства, не способного к расширенному воспроизводству и наиболее чувствительного к влиянию естественных условий. Это с исключительной точностью подтверждают данные о динамике численности поголовья скота в конце XIX — начале XX в. по округам. В тех округах, где, как отмечено, основной производительной силой было мелкое крестьянское хозяйство, явно намечается тенденция к систематическому уменьшению поголовья скота. Здесь сказывается крайняя неустойчивость мелкого крестьянского хозяйства. Этому в значительной степени способствовали неблагоприятные условия зимовки и эпизоотии, которые в начале нашего века повторялись регулярно, чуть ли не каждые два-три года, а также развитие и укрепление рыночных связей, которые также увеличивали неустойчивость мелкого хозяйства.

К этой же группе районов можно отнести Даргинский, Казикумухский и отчасти Кайтаго-Табасаранский и Кюрицкий округа. А в таких округах, как Самурский и Темир-Хан-Шурицкий, не говоря уже о Хасавюртовском, где перевес был на стороне крупного хозяйства, явно прослеживается рост поголовья скота и в абсолютных цифрах и в переводе на душу населения¹⁶⁷.

Это — одна причина сокращения общего поголовья скота в до-революционном Дагестане. Другая, видимо, заключается в том, что процесс разрушения мелкого производства в овцеводстве шел значительно интенсивнее, нежели процесс роста и укрепления крупного товарного хозяйства. Если в отсталом, опутанном пережитками патриархальщины, дореволюционном ауле становление и развитие крупного капиталистического хозяйства на каждом шагу тормозилось всевозможными искусственными и естественными препонами и преградами, то малоимущему бедняку было

¹⁶⁵ См.: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам. Хлебные грузы. Статистика отправок за 1895—1914 гг.

¹⁶⁶ Характеристика овцеводства дореволюционного периода, военного коммунизма и первых лет нэпа, 1919 г.— Рук. фонд Ин-та ист., яз. и лит. Даг. фил. АН СССР, ф. 2, оп. 1, д. 396, л. 4.

¹⁶⁷ Обзоры Дагестанской области за 1892—1913 гг.

куда легче сняться с насиженного места и двинуться туда, где можно было заработать себе на жизнь. И в данном случае решающее значение имело то, что Дагестан располагался в непосредственной близости от крупных центров нефтяной промышленности — Грозного и Баку, от бурно развивающейся Терской области. Они поглощали десятки тысяч рабочих-дагестанцев и тем самым значительно ускоряли процесс разрушения мелкого производства, чем это было возможно вследствие внутреннего развития края.

С одной стороны, в разных районах и разными темпами интенсивно повышался удельный вес крупных скотоводов во владении поголовьем скота и общее количество скота в их распоряжении, с другой — уменьшалось число мелких и средних хозяйств, падал их удельный вес в скотоводстве, быстро сокращалось поголовье их скота.

Отношения найма и продажи рабочей силы

До сих пор речь шла о распределении основных средств производства — земли и скота — между различными группами населения, о распаде мелкого крестьянского хозяйства и концентрации производства в руках аульной верхушки. Рассмотрим вопрос о превращении крестьянина в нанимающегося, в вольнонаемного рабочего.

Наемный труд — один из важнейших показателей, характеризующих расслоение крестьянства. В. И. Ленин считал применение вольнонаемного труда главным проявлением земледельческого капитализма. Изучение этого вопроса имеет важнейшее значение для определения степени проникновения капиталистических отношений в сельскохозяйственное производство области.

К сожалению, материалов для освещения эволюции, размеров и характера вольнонаемного труда в Дагестане того времени очень мало. В распоряжении исследователя имеется лишь более или менее полный источник — итоги переписи 1897 г.¹⁶⁸ Дополнением к нему могут быть также фрагментарные данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. Зато мы располагаем обильными ежегодными сведениями о развитии в области отходничества с конца XIX в. и до самого кануна Октябрьской революции. Опираясь на эти материалы, попытаемся разрешить стоящую перед нами проблему.

Прежде всего о хозяйствах, систематически прибегавших к найму рабочей силы. Согласно переписи 1897 г., число хозяйств, имеющих постоянных рабочих, в сельской местности области достигало 3692, или 3,2% всех дворов. По округам это число колебалось от 1,2% в Аварском, 1,4% — в Гунибском, до 5,8% — в Кайтаго-Табасаранском и 6,9% в Темир-Хан-Шуринском¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область. СПб., 1905.

¹⁶⁹ Там же, с. 7.

В целом во всех горных округах число дворов с постоянными работниками составляло 1,3% всего населения, а на равнине — 6,3% ¹⁷⁰ (без Хасавюртовского округа).

Цифры совсем незначительные. Но в этом нет ничего удивительного. Известно, что буржуазия во всяком обществе составляет ничтожное меньшинство населения, и дворов с наемными рабочими всегда мало. Это особенно характерно для таких районов, как Дагестан, где капитализм только стал утверждаться.

Здесь важно выяснить другое: случайное ли явление наем рабочей силы или это проявление закономерности складывающегося хозяйства нового типа? Имеющиеся материалы убеждают нас в том,

Таблица 15

Группы хозяйств	Трудоспособные члены в среднем на хозяйство	Процент хозяйств, нанимающих рабочих	У них всего рабочих
Не имевшие посева	2,2	1,1	10,0
Имевшие до 3 дес. посева	2,4	1,2	17,1
» от 3 до 5 дес. »	2,8	2,7	10,8
» от 5 до 10 дес. »	3,2	11,0	17,7
» свыше 10 дес. »	3,8	25,0	44,4

что наем рабочей силы для высших зажиточных групп крестьян стал системой, необходимым условием ведения производства. Для иллюстрации возьмем данные переписи 1917 г. по Хасавюртовскому округу (табл. 15) ¹⁷¹. При этом надо иметь в виду, что перепись брала на учет лишь те дворы, которые имели постоянных наемных рабочих.

Как видно из табл. 15, чем мощнее группа, тем выше ее семейный состав, тем больше у нее наемных рабочих. Но это характерно не только для Хасавюртовского округа. То же самое мы наблюдаем и в Южнотабасаранском наибстве ¹⁷². Хозяйств с наемными рабочими в наибстве было 1,3% всех дворов. Если же обратиться к данным по экономическим группам, то и здесь верхние группы резко выделялись и по семейному составу и по численности наемного персонала. В наибстве первая группа беспосевных вовсе не имела наемных рабочих. Из второй группы к найму прибегало всего 0,2% хозяйств, из третьей — 0,7%, из четвертой — 2,2%, а из верхней пятой — 40,0% всех хозяйств группы. Эта наиболее богатая группа хозяев эксплуатировала и 63,1% всей учтенной постоянной рабочей силы в наибстве.

При рассмотрении отношений, складывающихся между низшими и высшими группами, мало чем отличалось положение и

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Мелешко А. Г. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана..., прилож. 3.

¹⁷² Там же.

в горных животноводческих округах. Например, в Гунибском округе, согласно данным переписи 1917 г., постоянных наемных работников имели всего 0,5% всех дворов.

Хозяйства трех низших малоимущих групп вовсе не держали работников. Из четвертой группы к найму прибегали всего 0,3% всех хозяйств, из пятой — 2,6%, а из шестой — 32,4% всех дворов, причем у этой группы работали 73,1% всех постоянных наемных рабочих округа, взятых на учет переписью 1917 г.

Данные показывают концентрацию основной наемной рабочей силы в высших группах крестьянства. Какова бы ни была степень развития найма и продажи рабочей силы в различных районах Дагестана, общим для них всех является то, что на каждое хозяйство высшей группы приходилось в среднем примерно три батрака. Это говорит о том, что в начале XX в. использование наемного труда стало непременным условием существования зажиточного крестьянства и постоянного расширения их хозяйства.

Теперь о группе, систематически прибегавшей к продаже своей рабочей силы. И в этом случае статистика того времени дает нам сведения только о тех лицах, для которых работа по найму стала единственным способом добывания средств к существованию, т. е. о постоянных наемных рабочих. Согласно той же переписи 1897 г. в области таких насчитывалось 10 956 чел. Вместе с семьями их число доходило до 33 783 чел. или 5,9% всего населения области¹⁷³. Следует отметить, что и в данном случае цифры очень незначительные, они, конечно же, не охватывают группу малоимущих, которая в целом по Дагестану составляла 65—70% всего населения. Но здесь мы сталкиваемся с парадоксами царской статистики: достаточно было крестьянскому хозяйству иметь крохотный участок земли и графа «основное занятие» — при переписи заполнялась словом «земледелие». Все остальное становилось сторонним дополнительным заработком, даже если бы «заработок» этот составлял 90% семейного бюджета. Между тем основную массу сельскохозяйственных рабочих в дореволюционном Дагестане, как, впрочем, и по всей стране, составляли именно чернорабочие, поденщики и батраки, наделенные кусочком земли. Статистика того времени всех без исключения называет отхожими рабочими, причем не разделяя земледельческих и неземледельческих.

Отходничество в Дагестане привлекало к себе внимание исследователей еще в 60—70-е годы прошлого столетия. А. В. Комаров писал в 1868 г., что из Казикумухского округа, например, «почти все взрослые мужчины отправляются искать себе работу в разные места... Казикумухца можно встретить зимою везде, от Оренбурга до Тавриза»¹⁷⁴. Еще тогда совершенно верно указы-

¹⁷³ Первая всеобщая перепись..., с. 6.

¹⁷⁴ Комаров А. В. Адамы и судопроизводство по ним.— ССКГ. Тифлис, 1868, вып. 1, с. 42.

валось, что к отходничеству их побуждал недостаток удобных для хлебопашества земель. Наскоро убрав поля и кое-как обеспечив семью пропитанием на зиму, многие горцы спешили на заработки, чтобы весной вновь вернуться для обработки полей и поддержки семьи, жившей последними крохами. Уже в те годы из Казикумухского округа «увольнялось на заработки 6—7 тысяч человек ежегодно»¹⁷⁵. Аграрная перенаселенность и крайняя ограниченность средств к существованию — вот, пожалуй, главная причина зарождения и развития отходничества. В то время часть крестьян уходила обычно на два-три месяца в период весенней путины на рыбные промыслы, в Кизлярские сады или летом, в период уборки хлебов, — на Кумыкскую равнину.

Приобщение Дагестана к общероссийскому рынку и проникновение капиталистических отношений придали этому процессу новую окраску, новый социально-экономический смысл. Если раньше рабочий уходил в поисках дополнительных средств, то в процессе развития классового расслоения и концентрации производства в конце XIX — начале XX в. «сторонний заработок» стал превращаться в основную статью бюджета низших групп. Повторим: проведение железной дороги, развитие нефтяной промышленности в Баку и Грозном, бурный рост торгового земледелия на равнине, особенно в Терской области создали исключительно благоприятные для этого условия. В результате с 1892—1896 по 1912—1916 гг., т. е. за 20 лет, число отхожих рабочих выросло более чем в два раза¹⁷⁶. С двух-трех месяцев до семи-девяти выросло и время отлучки. В 1913 г. из области уходило на «заработки» 93 317 чел., примерно половина всего трудоспособного населения области¹⁷⁷.

Распределение числа отхожих рабочих по округам показано в табл. 16¹⁷⁸.

В целом из Дагестана на каждую тысячу человек населения уходило на заработки значительно больше людей, чем по 38 губерниям России¹⁷⁹. Чем это объяснить? Ведь по социально-экономическому развитию Дагестан значительно отставал от России. В данном случае мы сталкиваемся с последствиями аграрной перенаселенности внутри региона, избытком рабочих рук при наличии и постоянном росте источников для добывания средств к существованию за его пределами.

На долю шести горных округов, где удобной земли было чрезвычайно мало, а отгонное животноводство выгодно только крупным хозяйствам, приходилось 81,1% всех отходников. В зерновых, земледельческих районах отходничество не получило такого широкого развития. Например, из Кайтаго-Табасаранского и Темир-

¹⁷⁵ Там же, см. примеч.

¹⁷⁶ См.: Обзоры Дагестанской области за соответствующие годы.

¹⁷⁷ Обзор Дагестанской области за 1913 г.

¹⁷⁸ См.: Там же; Журнал съезда податных инспекторов. Баку, 1903.

¹⁷⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 575.

Хан-Шурина округа на заработки уходило почти в три раза меньше крестьян, чем в среднем из области. Вместе с тем, согласно таблице, процесс передвижения населения в этот период уже не обязательно находится в прямой зависимости от средних экономических показателей в расчете на хозяйство или на душу населения. Например, в Самурском округе средняя обеспеченность каждого жителя доходами от сельскохозяйственного производства была гораздо лучшей, чем в любом другом горном округе. Но из этого округа уходило на заработки гораздо больше

Таблица 16

Округ	Число отходников в 1913 г.	% ко всему числу	Паши на хозяйство	Скот на душу населения	Отходники на 1000 чел. населения
Аварский	3 286	3,5	0,9	3,6	96
Андийский	9 375	10,0	0,6	4,7	170
Тунибский	15 967	17,1	0,6	4,4	212
Даргинский	11 763	12,6	0,9	2,5	143
Казикумухский	12 069	13,0	0,6	2,5	211
Кайтаго-Табасаранский	3 828	9,2	1,4	1,8	47
Кюринский	8 600	4,1	1,6	1,7	101
Самурский	23 189	24,9	0,7	5,6	330
Темир-Хан-Шурина	5 240	5,6	3,0	3,2	56
	93 317	100,0	0,5	3,3	152

людей, чем из любого другого. Понять это будет нетрудно, если вспомним, что по ряду причин, в том числе в силу близости с нефтяным Баку и существования традиционных связей с бакинским нефтедобывающим районом, процесс классового расслоения в округе получил настолько глубокое развитие, что, по сути дела, накануне революции мелкое хозяйство не играло здесь почти никакой роли в сельскохозяйственном производстве.

Во внутренних округах нагорного Дагестана еще сказывается власть лоскутка земли над мелким производителем: патриархальная замкнутость и консерватизм, приверженность к земле предков поддерживали в нем стремление, хоть и впроголодь, но жить безвыездно в отцовской сакле; более того, гордиться этим и даже попрекать других в «измене» праху родителей. Следовательно, развитие отходничества в это время в значительной степени связано и с проникновением капитализма в экономику области.

О том, из кого состояли и кем пополнялись многотысячные ряды отхожих рабочих, достаточно красноречиво повествуют многочисленные документы, исходящие от разных должностных лиц и государственных учреждений. Например, «Обзоры Дагестанской

области» из года в год повторяют одну и ту же фразу: «Отходный промысел, обремененный своим существованием сравнительной густоте населения, бедности природы, слабому развитию обрабатывающей промышленности и другим стесненным экономическим условиям, весьма распространен в области и доставляет средства к жизни беднейшей части (подчеркнуто нами.— Г. О.) населения»¹⁸⁰.

Это подтверждают и материалы переписи 1917 г. Например, из Гунибского округа на заработки отпущались из 3606 хозяйств, или 27,8% всех учтенных дворов. Из них 98,7% приходилось на бедняцко-батрацкие (65,0) и середняцкие (33,7%) группы и лишь 1,3% — на зажиточную¹⁸¹.

Таким образом, армия отходников в основном пополнялась за счет низших батрацко-бедняцких слоев населения, которые выбрасывали на рынок рабочей силы все растущее число рук.

Отходники шли на рыбные промыслы, нефтяные промыслы Баку, Грозного и даже Майкопа, на железную дорогу. Значительную часть их занимали крупные предпринимательские хозяйства на Северном Кавказе, в Закавказье и в земледельческих районах равнинного Дагестана.

В связи с развитием массового передвижения населения возникли также рынки рабочей силы, куда стекались десятки тысяч дагестанцев; сложились формы найма, характерные для капитализма. Наиболее крупными пунктами, где концентрировались сельскохозяйственные рабочие, были Кизляр и Дербент.

Следует обратить внимание и на тот факт, что отходники сосредотачивались обычно в центрах развивающейся индустрии (Баку, Грозный и др.), осваиваемых местах (Северный Кавказ, Терская область) и местностях, где особенно интенсивно развивались технические и другие ценные культуры — виноградарство, садоводство (район Дербента). В. И. Ленин писал по этому поводу: «передвижение рабочих направляется из наиболее заселенных местностей в наименее заселенные, колонизируемые местности; — из местностей, в которых всего сильнее было развито крепостное право, в местности, где оно было всего слабее; — из местностей с наибольшим развитием отработков в местности слабого развития отработков и высокого развития капитализма. Рабочие бегут, следовательно, от „полусвободного“ труда к свободному труду»¹⁸².

Вместе с тем В. И. Ленин считал ошибкой полагать, будто бы это бегство сводится к передвижению из густонаселенных мест в малонаселенные, и указывал, что передвижение населения объясняется стремлением рабочих «уйти туда, где лучше»¹⁸³, т. е.

¹⁸⁰ Обзор Дагестанской области за 1905 г., с. 20.

¹⁸¹ Мелешко А. Г. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана..., прилож. № 5 (подсчеты наши.— Г. О.).

¹⁸² Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, с. 233.

¹⁸³ Там же, с. 234.

где лучше условия пайма, где выше заработок. Прекрасной иллюстрацией этому могут быть следующие данные. По официальным сведениям, сельскохозяйственный рабочий во внутреннем Дагестане, т. е. на месте выхода, за сезон мог заработать от 35 до 55 руб. в зависимости от того, на чьих он «харчах» — на своих или на хозяйских. А в местах отхода он зарабатывал в среднем 80—130 руб. за этот же период¹⁸⁴. Естественно, что при выборе места для продажи своих рабочих рук горцу-отходнику не приходилось долго колебаться. В этом и заключалась главная причина быстрого увеличения численности отхожих рабочих. Пакапуне революции уход на заработки во многих аулах и округах принял настолько широкий размах, что на местах выхода рабочих беднота почти перестала обрабатывать свою землю. Несмотря на острый земельный голод, она предпочитала сдать свой лоскуток в аренду и даже забросить его, а сама уходила на заработки. С этим же связано и другое явление в жизни дореволюционного аула. Число уходящих во многих районах было настолько велико, что в разгар полевых работ на местах выхода не хватало рабочих рук. С этим мы часто встречаемся в Казикумухском, Даргинском и Самурском округах.

О том, что одной из главных причин быстрого развития отходничества в предреволюционные годы было стремление рабочих уйти туда, где лучше, говорит и такой факт: при повышении спроса и росте цен на рабочие руки в районах выхода, как правило, число уходящих за пределы округа и области резко сокращалось. Так, в связи с началом первой мировой войны было мобилизовано значительное число мужчин, особенно на равнине, в земледельческих районах. В связи с этим внутри области увеличился спрос на рабочую силу, возросли цены на рабочие руки. На этой почве уменьшилось и число отходников. Податный инспектор Даргино-Табасаранского податного участка в 1915 г. сообщал: «Сокращение числа уходящих на сторону объясняется повышением спроса ...на рабочие руки на местах»¹⁸⁵.

На смену полупатриархальным, полуфеодальным формам работы по найму шла капиталистическая форма купли-продажи рабочей силы; причем характерно, что «Обзоры Дагестанской области» и податные инспекторы называют главным образом поденный наем и поденную оплату, которые, как указывал В. И. Ленин, позволяют «точнее регулировать плату сообразно со спросом на труд»¹⁸⁶.

Однако, как мы уже отметили, в дореволюционном дагестанском ауле патриархальные формы эксплуатации были еще очень широко распространены. Наряду с названными ранее методами

¹⁸⁴ Обзор Дагестанской области за 1913 г., с. 20; ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 1, д. 25, л. 33.

¹⁸⁵ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 22, л. 15.

¹⁸⁶ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, с. 239.

завуалированной эксплуатации сохранились еще патриархально-родовые формы взаимопомощи, которые у разных народностей носят разные названия, но сущность которых одна и та же. Заключается она в том, что в период определенного цикла сельскохозяйственных работ (унавоживание полей, сбор и молотба урожая, стрижка овец, мытье и расчесывание шерсти, строительство дома и т. д.) сельское общество скопом выходило «на помощь» своему именитому члену, который в лучшем случае был обязан за это угощением. Нередко за такого рода помощью обращались даже к жителям других сел. Эта форма «взаимопомощи» у аварцев называлась «гвай», у даргинцев — «бухъа», у кумыков — «булка», у лакцев — «марша», у лезгин — «мел»¹⁸⁷.

Следует подчеркнуть, что с ростом передвижения населения такие формы эксплуатации изживали себя. Не оберегая крестьянина от обнищания, они на деле играли роль перегородок, разобщающих крестьян, и способствовали прикрытию эксплуатации горской бедноты.

Теперь о соотношении между земледельческим и неземледельческим отходом, о распределении отхожих рабочих по местам отхода. К сожалению, на этот счет мы не располагаем почти никакими данными. У нас нет также сведений о том, какое число отхожих рабочих оседало на территории самого Дагестана. Между тем для получения представления о степени распространения труда в сельском хозяйстве области выяснение этого вопроса имело бы исключительное значение.

Возможность для некоторых наблюдений дает перепись 1897 г., но надо учесть, что тогда отходничество в области не получило такого развития, какое мы наблюдаем накануне революции. Согласно итогам этой переписи, число временно отсутствующих по округам составляло 21 456 чел., а временно проживающих в округах — 5484 чел.¹⁸⁸ Среди этих временно проживающих выходцев из-за пределов области было ничтожное меньшинство. Отсюда можно полагать, что примерно одна пятая часть всех отхожих рабочих оставалась внутри самого Дагестана. Но эти цифры не охватывают наиболее высокоразвитого Хасавюртовского округа, входившего тогда в Терскую область. Между тем, согласно документам, там временно оседало значительное число отходников. Например, податной инспектор Аваро-Андийского участка в начале XX в. сообщал, что значительная часть отходников из этих округов «анимаются косарями в Терской области»¹⁸⁹. Такие же сообщения мы имеем и по другим округам области. Податной инспектор Даргино-Табасаранского податного участка, в которой входили Даргинский и Кайтаго-Табасаранский округа, в хозяйственно-экономическом обзоре за 1913 г. сообщает, что наряду с ра-

¹⁸⁷ Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1975, с. 72; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана, с. 23.

¹⁸⁸ Первая всеобщая перепись..., с. 5.

¹⁸⁹ ЦГА ДАССР, ф. 73, оп. 1, д. 8, с. 41.

ботой на рыбных и нефтяных промыслах Грозного и Баку «значительная доля заработка добывается также на полевых и садовых работах в приземной полосе участка (в особенности в гор. Дербенте)»¹⁹⁰.

Если принять все это во внимание, то можно считать, что на сезонную работу внутри самого Дагестана накануне революции занималась примерно треть всех отхожих рабочих — это 25—30 тыс. чел. Вместе с постоянными их число доходило до 40 тыс. Следует отметить, что примерно три четверти всей этой рабочей силы занимались зажиточными хозяевами четырех земледельческих округов — Хасавюртовского, Темир-Хан-Шурина, Кайтаго-Табасаранского и Кюринского. Например, по той же переписи 1897 г. 54%, или 2962 всех временно проживающих в области, приходилось на два земледельческих округа — Кайтаго-Табасаранский (1226 чел.) и Темир-Хан-Шурина (1836 чел.)¹⁹¹.

В горных районах земледелие не могло поглотить сколько-нибудь значительное число рабочих, а в животноводстве, как отмечалось, господствовала патриархальная система скотоводства, которая в значительной степени освобождала зажиточные хозяйства от необходимости нанимать пастухов на сезон; к тому же, экстенсивное животноводство обходилось услугами минимума рабочих рук. Поэтому наемный труд, тем более сезонный, не играл здесь такой роли, как, например, на равнине, где торговое земледелие получило довольно значительное развитие, особенно в Хасавюртовском округе.

Куда же тогда девалась остальная рабочая сила? Она главным образом концентрировалась на рыбных промыслах. По свидетельству многих источников, сезонная работа во время весенней путины привлекала от 10 до 15 тыс. и более рабочих. В связи с этим привычными для дагестанского аула стали пудратчи — подрядчики. Подрядчики заключали с рыбопромышленниками договор на поставку рабочей силы. Хозяин промысла брался принять от подрядчика определенное число рабочих и заплатить 3 руб. за каждого из них. Подрядчик же был обязан доставить рабочих на промыслы в точно установленные сроки. Характерно, что подрядчик брал плату не только с рыбопромышленника за доставку ему рабочей силы, но и с рабочего за то, что он «изволил» его нанять. В конце XIX в. такой задаток равнялся 1 руб., но с увеличением числа желающих наняться на рыбные промыслы задаток увеличивался до 3 руб.

Приведенные данные убеждают: на территории самого Дагестана сезонная работа в сельском хозяйстве поглощала почти наполовину больше рабочих, чем промышленность. Если же судить о числе всех отхожих рабочих, соотношение будет совсем иным. Мы уже говорили, что в самом Дагестане оставалась примерно треть всех отходников. Остальные две трети уходили за

¹⁹⁰ Там же, оп. 1, д. 25, с. 17—18.

¹⁹¹ Первая всеобщая перепись населения..., с. 5.

пределы области. Документы говорят о том, что подавляющее большинство их оседало на нефтяных промыслах Баку, Грозного, на железной дороге. Об этом же свидетельствует такое явление: в начале нашего века рабочий уходил уже на два-три месяца, чтобы «доработать» прожиточный минимум для семьи, и находился на «заработках» семь—девять и даже больше месяцев. Такую «долгосрочную» работу, конечно, он мог получить главным образом на промышленном предприятии или на железной дороге.

Таким образом, до 60 тыс. дагестанцев большую часть года находились в сфере капиталистического промышленного производства. И это обстоятельство не могло не оставить глубокого следа не только на их психологии, но и на всем укладе жизни тех аулов и районов, откуда они уходили и куда возвращались ежегодно. Не только все округа и аулы уже имели своих отходников, но, можно сказать, почти каждая семья. Разрушая все традиционные, патриархальные прикрытия в отношениях между классами, ослабляя старую патриархальную семью и приверженность к своему «родному» уголку, отход в города как бы вырывал горца из канона патриархально-родовых и национальных представлений, из заброшенных, отсталых захолустий и втягивал в подворот политическую и общественную жизни тогдашней России.

Техническое оснащение сельского хозяйства Дагестана

Для определения степени проникновения капиталистических отношений и вообще социально-экономического и технического уровня дореволюционного Дагестана, для выяснения технико-экономического прогресса отдельных социальных групп крестьянства исключительно важно определить уровень технического оснащения сельского хозяйства области.

В исторической литературе долго бытовала мысль о том, что Дагестан накануне революции был чуть ли не самой отсталой колонизальной окраиной царской России, что здесь господствовали самые примитивные формы ведения и организации сельского хозяйства и чуть ли не первобытные орудия производства.

Некоторые авторы утверждают, что «в хозяйстве горца Дагестана не были известны не только плуг, сенокосилка, лобогрейка и другие сельскохозяйственные машины, но даже соха для значительной части горной полосы является техническим завоеванием по сравнению с мотыгой и просто заостренной палкой (хиц), которые представляли основные орудия обработки земли»¹⁹². Между тем в распоряжении исследователя имеются итоги обследования сельскохозяйственных машин и орудий в Европейской и Азиатской России за 1910 г. По этой переписи в Дагестане вместе с Хасавюртовским округом, входившим тогда в

¹⁹² Сельское хозяйство Дагестана. М.; Л., 1946, с. 8.

Терскую область, имелось 104,838 ед. орудий производства. Из них усовершенствованных, вполне современных было 48 931 ед., или 46,3% всех сельскохозяйственных орудий; среди них — сеялки, веялки, молотилки вплоть до паровых сенокосилок, жатвенных машин и т. д., неусовершенствованных — 56 447 ед., или 53,7%¹⁹³.

Чтобы получить представление об уровне технического развития сельского хозяйства дореволюционного Дагестана, обратимся к сравнительным данным. Так, по той же переписи, в целом

Таблица 17

Удельный вес орудий по подъему почвы

Орудия	В целом по России	По Дагестану
Сохи	43,0	59,2
Косули	5,0	9,7
Плуги		
деревянные	16,3	11,4
железные	32,7	18,3
Прочие усовершенствованные орудия	3,0	1,4
Итого ..	100,0	100,0
Орудия рыхления почвы		
Бороны		
деревянные	25,1	52,2
деревянные с железными зубьями	69,7	27,5
железные	1,1	0,6
Прочие усовершенствованные орудия	4,1	19,7
Итого	100,0	100,0

по России удельный вес неусовершенствованных орудий — сохи и косули — среди орудий по подъему почвы составлял 48%, а в Дагестане — 68,9%. Среди орудий рыхления в целом по империи удельный вес неусовершенствованных составлял 94,8%, а в Дагестане равнялся 79,7%. Для получения более полного представления сопоставим данные по всем видам орудий для обработки почвы (табл. 17, в %) ¹⁹⁴.

По материалам переписи сравнение не в пользу Дагестана. Даже среди орудий рыхления почвы, где положение Дагестана как будто бы предпочтительно, удельный вес наиболее примитивных деревянных борон в два с лишним раза выше, чем в среднем по стране. Таким образом, факт значительного отставания технического уровня сельского хозяйства Дагестана при сравне-

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Сельское хозяйство Дагестана, с. 8 (проценты рассчитаны нами.— Г. О.).

нии его со средними показателями всей страны бесспорен. Но, если сравнить данные по отдельным районам, Дагестан окажется далеко не на последнем месте. Так, перепись 1910 г. делит Европейскую Россию по взаимоотношению в крестьянских хозяйствах неусовершенствованных орудий для подъема почвы (сохи, косули и деревянные плуги) с усовершенствованными (железные и паровые плуги и прочие усовершенствованные орудия) на шесть районов:

1-й район — исключительного распространения неусовершенствованных орудий — усовершенствованных менее 1%. В эту группу включены губернии: Архангельская, Вологодская, Вятская и Олонецкая.

2-й район — усовершенствованных орудий менее 10%. Таковыми являлись: Витебская, Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Пензенская, Пермская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская и Тверская губернии.

3-й район — усовершенствованных орудий менее 25% — губернии: Виленская, Волынская, Казанская, Курская, Могилевская, Орловская, С.-Петербургская, Симбирская, Тульская, Эстляндская и Ярославская.

4-й район — переходный — усовершенствованных орудий от 25 до 60% — губернии: Воронежская, Курляндская, Лифляндская, Саратовская и Уфимская.

5-й район — усовершенствованных орудий от 60 до 80% — губернии: Гродненская, Киевская, Минская, Оренбургская, Подольская, Самарская и Черниговская.

6-й район — почти исключительного распространения усовершенствованных орудий, их больше 80%, губернии: Астраханская, Бессарабская, Екатеринославская, область Войска Донского, Полтавская, Харьковская и Херсонская¹⁹⁵.

К какому же району можно отнести Дагестан, если приять такое деление? По переписи в Дагестане было зарегистрировано 75,085 орудий для подъема почвы, из них железных плугов и других усовершенствованных орудий было 13 748, или 18,3%. Следовательно, Дагестан смело можно включить в третью группу областей и он окажется, примерно, в середине списка по соотношению усовершенствованных и неусовершенствованных орудий для подъема почвы. Это без Хасавюртовского округа, который входил в Терскую область, а если провести сравнение с учетом Хасавюртовского округа, то положение Дагестана будет совсем другим. Удельный вес усовершенствованных, вполне современных орудий тогда поднимется до 46,3% и Дагестан окажется в одной группе с областями достаточно полно обеспеченными усовершенствованной техникой и орудиями производства. Это при сравнении Дагестана с областями Европейской России! Если же провести такое сопоставление с областями Средней Азии, Туркестана, Закавказья, то положение Дагестана окажется еще более

¹⁹⁵ Сельское хозяйство Дагестана, 1946, с. 6.

предпочтительным. Для иллюстрации приведем данные переписи по Закавказским областям и губерниям¹⁹⁶.

Как видно из табл. 18, по удельному весу усовершенствованных орудий для подъема почвы среди Закавказских областей и губерний Дагестан занимает пятое место, а для разрыхления почвы — первое место. По численности другой сельскохозяйственной техники — такой, как сеялки, жатвенные машины, молотил-

Таблица 18

Общий свод данных о сельскохозяйственных машинах и орудиях у всех землевладельцев в относительных числах

Области и губернии	На 100 орудий для подъема почвы приходится		На 100 орудий для разрыхления почвы приходится	
	неусовершенствованных	усовершенствованных	неусовершенствованных	усовершенствованных
Бакинская	67,6	32,4	96,6	3,4
Батумская	88,8	11,2	99,8	0,2
Дагестанская	83,9	16,1	75,9	24,1
Елисаветпольская	80,1	19,9	99,1	0,9
Карсская	88,6	11,4	99,1	0,9
Кутаисская	95,4	4,6	99,3	0,7
Тифлисская	80,1	19,9	91,1	8,9
Черноморская	28,1	71,9	91,3	8,7
Эриванская	94,3	5,7	96,2	3,8

ки, веялки, сенокосилки и т. д., область находится в верхней части таблицы. Может возникнуть вопрос, что, несмотря на такое соотношение учтенных усовершенствованных и неусовершенствованных орудий для обработки почвы, здесь в земледелии больше, чем в других областях и губерниях использовали примитивную первобытную технику. Однако, если рассмотреть данные о пахотной земле в расчете на одно орудие, отпадает и такой вопрос. В целом на Кавказе на одно орудие для подъема почвы приходилось в среднем 11,2 дес., а в Дагестане — лишь 2,2 дес. пашни, т. е. меньше, чем в любой другой губернии или области. То же самое и при рассмотрении данных в пересчете на одно орудие для разрыхления почвы.

Таким образом, не может быть и речи о том, что техника земледелия сельскохозяйственного производства будто бы не менялась в течение многих столетий и что экономическое развитие Дагестана застряло на уровне XVIII в. Материалы переписи сельскохозяйственных машин и орудий 1910 г. убедительно говорят, что во второй половине XIX — в начале XX в. в этом отношении в области произошел значительный прогресс. Эти фак-

¹⁹⁶ Данные без Хасавюртовского округа.

ты отвергают и делают несостоятельными попытки архаизации социально-экономической жизни Дагестана.

Начав с колонизируемых северо-восточных районов (Хасавюртовский округ), которые в тот период входили в Терскую область, процесс вытеснения примитивных сельскохозяйственных орудий постепенно к кануну революции охватил почти все основные земледельческие низменные районы области. Больше того, перепись 1910 г., а затем и свидетельство областного агронома, относящееся к более позднему периоду, говорят о том, что в этих районах в 1913 г. уже преобладали усовершенствованные орудия¹⁹⁷.

Чтобы в полную меру оценить значение этого явления, вспомним ленинское отношение к подобному же факту из общественно-экономической жизни России. Известно, что В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» проводил знак равенства между процессом вытеснения примитивных сельскохозяйственных орудий улучшенными и процессом вытеснения примитивных форм хозяйства капитализмом. Подытоживая данные о производстве, привозе и потреблении сельскохозяйственных машин и орудий, он так и писал: «Из этих данных видно, с какой силой проявляется процесс вытеснения примитивных сельскохозяйственных орудий улучшенными (и, следовательно, процесс вытеснения примитивных форм хозяйства капитализмом)»¹⁹⁸ и далее: «Распространение сельскохозяйственных машин означает вытеснение отработков капитализмом»¹⁹⁹.

Как и по стране в целом, в Дагестане процесс распространения улучшенной техники происходил далеко неравномерно. Согласно имеющимся данным (см. таблицу), по отношению к наиболее распространенному для подъема почвы орудию Дагестан может быть разделен на три района.

Первый район. Исключительно распространены неусовершенствованные орудия и царство сохи. Сюда относятся округа: Аварский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский и Самурский.

Второй район. Соха и косуля еще господствуют, но железный плуг уже играет видную роль в земледелии и вытесняет примитивные орудия. К этой части относятся Андийский, Кайтаго-Табасаранский и Кюринский округа.

Третий район. Соха не играет сколько-нибудь видной роли в земледелии, и усовершенствованных орудий больше 80%. Таких округов в Дагестане два: Темир-Хан-Шуриинский и Хасавюртовский. В последнем перепись вообще не зарегистрировала ни сохи, ни косули. Для полноты картины сошлемся на итоговые материалы переписи по округам²⁰⁰.

Любопытно, что итоги переписи сельскохозяйственных машин и орудий Европейской и Азиатской России 1910 гг. позволяют

¹⁹⁷ Дагестанские областные ведомости, 1913, 16 дек., № 51.

¹⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 216.

¹⁹⁹ Там же, с. 224.

²⁰⁰ См.: Сельскохозяйственные машины и орудия Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913.

Таблица 19

Поуездные таблицы сельскохозяйственных машин и орудий в 1910 г.

Область, уезд	Орудия для подъема почвы						Орудия для рыхления почвы				Сялки	Жат- вен- ные маши- ны	Моло- тилки			Сенокосилки	Конные грабли	
	сохи	косули	плуги			бороны				прочие усо- вершен- ствован- ные орудия			ручные	конные	Велки			
			деревян- ные	железные	паровые	прочие усо- вершенство- ванные ору- дия	деревян- ные	деревян- ные с же- лезными зубьями	железные									
Дагестанская Термир-Хан-Шур.																		
Крестьянские хозяйства	452	496	543	7 802	—	—	1099	227	—	1290	10	57	92	2 65	147	57		
Частно-владельческие хозяйства	17	24	15	16	—	—	18	9	—	10	—	3	24	17	2	17		
Итого	469	520	558	7 818	—	—	1117	236	—	1300	10	60	116	19 65	149	74		
Аварский																		
Крестьянские хозяйства	787	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частно-владельческие хозяйства	31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	818	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Андийский																		
Крестьянские хозяйства	6 027	—	1012	1 107	—	986	1148	140	—	—	—	—	—	435	—	902	—	—
Частно-владельческие хозяйства	63	—	20	8	—	—	7	—	—	—	—	—	—	27	—	12	—	—
Итого	6 090	—	1032	1 115	—	986	1155	140	—	—	—	—	—	462	—	914	—	—
Гунибский																		
Крестьянские хозяйства	12 571	4	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1263	—	150	—	—
Частно-владельческие хозяйства	43	—	31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	—	10	—	—
Итого	12 614	4	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1286	—	160	—	—
Даргинский																		
Крестьянские хозяйства	5 153	—	2869	—	—	—	412	—	—	—	—	—	—	355	—	—	—	—
Частно-владельческие хозяйства	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	5 153	—	2869	—	—	—	412	—	—	—	—	—	—	355	—	—	—	—

Казикумух					
Крестьянские хозяйства	2 855	1576	2676	—	—
Частно-владельческие хозяйства	—	—	8	—	—
Итого	2 855	1576	2684	—	—
Кайтаго-Табасаранский					
Крестьянские хозяйства	4 445	3032	403	747	—
Частно-владельческие хозяйства	7	15	14	66	—
Итого	4 452	3047	417	813	—
Кюринский					
Крестьянские хозяйства	6 031	—	14	648	—
Частно-владельческие хозяйства	9	—	2	10	—
Итого	6 040	—	16	658	—
Самурский					
Крестьянские хозяйства	5 996	2126	—	17	—
Частно-владельческие хозяйства	19	8	—	—	—
Итого	6 015	2134	—	17	—
Итого по области					
Крестьянские хозяйства	44 317	7234	7524	10 321	—
Частно-владельческие хозяйства	189	47	90	100	—
Всего	44 506	7281	7614	10 421	—
Терская					
Кизлярский					
Крестьянские хозяйства	—	—	—	6 684	—
Частно-владельческие хозяйства	—	—	—	277	—
Итого	—	—	—	6 961	—
Хасавюртовский					
Крестьянские хозяйства	—	—	850	3 171	—
Частно-владельческие хозяйства	—	—	86	97	—
Итого	—	—	936	3 268	—

—	452	2800	—	—	—	—	—	638	—	—	—
—	—	—	—	7	—	—	—	4	—	—	—
—	452	2800	—	7	—	—	—	642	—	—	—
—	508	532	—	3091	—	17	—	352	29	5	5
8	8	55	2	14	8	—	8	8	8	20	3
8	516	587	2	3105	8	17	8	360	37	25	8
—	2 404	22	—	—	—	—	—	85	—	—	—
—	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	2 422	22	—	—	—	—	—	85	—	—	—
—	4 041	10	—	—	—	—	—	295	—	—	—
—	19	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
—	4 060	10	—	—	—	—	—	298	—	—	—
986	10 064	3731	—	4381	10	74	92	3405	94	1204	62
8	70	64	2	31	8	3	32	82	8	44	20
994	10 134	3795	2	4412	18	77	124	3487	102	1248	82
—	3 887	7993	16	—	4	217	—	68	323	1312	997
2	65	211	46	—	4	14	—	11	74	188	188
2	3 952	8204	62	—	8	237	—	79	397	1500	1185
65	1 532	2255	43	34	35	89	11	17	572	535	317
—	160	179	—	—	50	37	—	50	62	21	67
65	1 692	2434	43	34	85	126	11	67	634	556	384

не только проследить общие закономерности проникновения и развития капитализма в сельское хозяйство, но одновременно с ним позволяют судить и о некоторых характерных чертах и особенностях этого процесса вообще. Согласно материалам, проникновение усовершенствованной сельскохозяйственной техники не всегда находится в прямой зависимости от уровня социально-экономического развития края и не влечет за собой немедленную реорганизацию производства (табл. 19).

Если взять Северо-Кавказский регион в целом, то по переписи в Чечено-Ингушетии примитивные орудия подъема и рыхления почвы к этому времени были вытеснены практически повсеместно. Их заменили железные плуги Аксая, Гека, Сакка и других фирм. Из данных переписи 1910 г. мы узнаем, что в десяти округах Терской области из 88445 орудий для подъема почвы лишь 11225, или примерно чуть больше 8% всех орудий приходилось на примитивные сохи и косули²⁰¹. Между тем по уровню сословно-поземельных отношений и социально-экономического развития Чечено-Ингушетия значительно отставала от Дагестана.

То же самое мы замечаем и в самом Дагестане. Из всех округов нагорного Дагестана лишь в Андийском усовершенствованная техника играла какую-то роль. Между тем хозяйственно-экономическое положение округа и уровень его социально-экономического и политического развития ничем не отличались от других горных округов таких, как Аварский, Гунибский, Даргинский. Но в то же время как в этих округах перепись не зарегистрировала ни одного усовершенствованного орудия для подъема почвы, в Андийском — число железных плугов и прочих усовершенствованных орудий вспашки было более 2 тыс. Если говорить в общем плане, это — редкостный феномен. Но для Северного Кавказа и Закавказья того времени — факт довольно распространенный и характерный.

Прежде всего, в связи с присоединением к России, особенно во второй половине XIX в., этот регион оказался вовлеченным в орбиту хозяйственной жизни тех районов Северного Кавказа, где по словам В. И. Ленина, капитализм в сельском хозяйстве встречался в наиболее чистом виде.

Кроме того, особенно интенсивное проникновение капитализма началось, в основном, с конца прошлого и с начала нашего веков. Вместе с крупными предпринимателями и колонистами сюда стала проникать усовершенствованная техника и передовая агротехника. Но для перестройки хозяйства, для окончательной психологической переориентации требовалось время. Эти два процесса — проникновение усовершенствованных орудий производства и реорганизация хозяйства, как подтверждает быт национальных районов Северного Кавказа и Дагестана, далеко не всегда происходили синхронно. По всей вероятности, с такого

²⁰¹ См.: Там же.

рода явлением имеем дело и мы, когда речь идет об упомянутых выше особенностях развития Дагестана исследуемого периода. Кроме того, указанная особенность характерна главным образом для тех районов, которые наладили регулярные торговые связи с Севером, в основном с Владикавказом, откуда и вывозилась эта техника.

Что касается районов, на которые мы разделили Дагестан, взяв за основу удельный вес орудий вспашки, наиболее распространенных в каждом районе, следует заметить, что каждый из этих районов, как правило, соответствует своей хозяйственной специализации и степени пропиткования капиталистических отношений.

В первом районе пашни было очень мало. Поэтому земледелие здесь носило строго потребительский характер и главной отраслью сельского хозяйства было скотоводство. Сильно пересеченная поверхность и абсолютное преобладание мелкого собственника — вот, пожалуй, главные причины такой отсталости земледельческой культуры в этом районе, представленном нагорным Дагестаном.

Второй район охватывает предгорные аулы и округа области, где встречалось хозяйство смешанного типа — земледельческо-скотоводческое. И здесь ведущей отраслью сельского хозяйства было скотоводство, а соха оставалась «царицей полей». Но в более низменных районах, где пахотных угодий было вполне достаточно, быстро развивалось товарное земледелие на рынок, интенсивно шел процесс концентрации земли и укрупнения хозяйства, улучшалась земледельческая культура.

Третий район — это район высокоразвитой земледельческой культуры, в котором уже к этому времени утвердилось господство крупного товарного хозяйства.

К концу 1913 г., т. е. спустя четыре года после упомянутой переписи, по сообщению областного агронома В. А. Вартамянца, «железные плуги Гека, Аксая, Сакка и др. фирм окончательно вытеснили соху и старинный деревянный плуг из обихода населения» уже и в предгорьях²⁰².

«Сноповязалки, лобогрейки, сенокосилки, веялки, сортировки, санные прессы и пр. насчитываются уже сотнями в жаркой и умеренно-холодной зонах»²⁰³, т. е. на равнине и в предгорьях.

Таким образом, факт прогресса как сельского хозяйства в целом, так и крестьянского хозяйства в частности, бесспорен; причем, судя по материалам переписи 1910 г., технический прогресс в условиях Дагестана был характерен главным образом именно для крестьянского хозяйства. Об этом можно судить из такого обстоятельства — перепись учитывает две категории собственников: крестьян и частных владельцев (на группу частных владельцев приходилось всего 798 ед., или 0,7% всех взятых на

²⁰² Дагестанские областные ведомости, 1913, № 51, 16 дек.

²⁰³ Там же.

Таблица 20

№ п/п	Группы хозяйств	%	Плуги однолемешные, %	Плуги многолемешные, %	Жнейки, %	Веялки, %	Дворы без инвентаря, %
1	Без посева	25,1	4,3	1,7	2,0	1,1	83,6
2	Имеющие до 3 дес.	49,5	38,1	5,0	6,8	6,8	36,6
3	Имеющие от 3 до 5 дес.	16,0	29,1	12,5	13,6	13,6	17,6
4	Имеющие от 5 до 10 дес.	5,2	15,0	23,3	22,3	27,2	8,5
5	Имеющие свыше 10 дес.	4,2	13,5	57,5	55,3	61,3	3,0
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	42,0

учет сельскохозяйственных орудий; к тому же, удельный вес усовершенствованных среди них достигал лишь 24,9%, т. е. вдвое ниже, чем в крестьянских хозяйствах). Это лишний раз подтверждает мысль о том, что дворяне-землевладельцы, как правило, хозяйством сами не занимались, а сдавали землю в аренду за деньги или из определенной части урожая. Поэтому когда речь идет об уровне технического развития сельского хозяйства Дагестана, надо иметь в виду, что прежде всего это касается крестьянского хозяйства.

Важно теперь выяснить, в какую сторону и при каких общественных условиях шел этот прогресс. Вот данные переписи 1917 г. о распределении наиболее распространенных видов орудий земледелия среди 3675 хозяйств Хасавюртовского округа²⁰⁴ (табл. 20).

Распределение явно в пользу многоземельной аульной верхушки. Две первые группы населения составляли 74,6% всех дворов и держали у себя лишь 33,1% всех усовершенствованных орудий. В этой группе на двор приходилось всего 0,2 орудия. Средняя группа составляла 16% дворов, и в ее распоряжении было 24,9% всей техники, это в среднем 0,8 орудия на двор. Остальные 42,0% машин и другой техники приходилось на 9,4% дворов двух верхних зажиточных групп. На каждый двор этих групп падало в среднем по два орудия.

В этом отношении особенно выделялась последняя, пятая, группа. Каждое хозяйство этой группы имело в среднем до 3 ед. усовершенствованной техники, тогда как в низшей, первой, группе это число обозначалось цифрой 0,07.

По итогам переписи в Хасавюртовском округе улучшенные

²⁰⁴ Для составления таблицы использованы данные, извлеченные А. Г. Мелешко из материалов переписи.— См.: Мелешко А. Г. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября, с. 46.

орудия были довольно широко распространены среди крестьян. Больше того, перепись вообще не фиксирует в округе примитивной техники земледелия. Однако распределение этой техники среди социальных групп населения в высшей степени неравномерное: по сути дела, низшие группы почти не пользуются такими орудиями, из 1541 безынвентарного хозяйства — 1412, или 94,1%, приходится именно на эти две низшие группы. Почти вся техника в округе была сосредоточена в руках многоземельной верхушки; причем из таблицы видно, что тут речь идет не просто о систематическом употреблении высшими группами усовершенствованных орудий, а о том, что это — «единственные» виды орудия, на которых основано крупное товарное производство.

Если вспомнить известное ленинское положение о том, что усовершенствованное орудие стоит гораздо дороже и окупается только при более крупном хозяйстве, вводится только успешно развивающимся хозяйством и концентрируется несравненно сильнее и что «данные об этой концентрации чрезвычайно важны, потому что это — единственные данные, позволяющие точно судить о том, в какую сторону, при каких общественных условиях идет *прогресс* крестьянского хозяйства»²⁰⁵, то станет очевидным, что в земледельческих районах Дагестана это был прогресс крупного зажиточного хозяйства.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

---

²⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 104.

Глава третья

Дагестанский аул в начале XX в.

(общая социально-экономическая характеристика)

Мы приводили слова В. И. Ленина о том, что исторической предпосылкой возникновения капитализма являются два условия: «во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличность „свободного“ в двойном смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства...»¹. Мы уже говорили: эти две предпосылки существовали и в Дагестане. Напомним: неблагоприятные климатические условия значительно сокращали рабочий период в сельском хозяйстве; получали широкое развитие домашние промыслы, которые являлись главным источником существования для жителей многих аулов. Товарное производство поэтому было довольно развитым. К тому же большинство горского крестьянства располагало юридически личной свободой. Уже говорилось и о том, что процесс капиталонакопления в Дагестане имел свои особенности.

В частности, говорилось: основной формой накопления денежного капитала было накопление торгового капитала. Это было обусловлено исключительно высокой нормой прибыли в сфере обращения и очень низкой нормой прибыли в сфере производства. Даже после почти векового (1813—1913 гг.) развития Дагестана в составе России, норма прибыли в сфере обращения была почти в четыре раза выше, чем в сфере производства. Из этого следует, что торговый капитал с самого начала выступал здесь в качестве самостоятельной, господствующей формы капитала. Такое положение, как указывает К. Маркс характерно для капиталистических форм капиталонакопления.

Какие же явления свидетельствовали о проникновении капитализма в экономику области? Об этом прежде всего говорят данные отвлечения населения от земледелия в промышленность. Как уже отмечалось, с 1862 по 1913 г. все население Дагестана возросло примерно на 80%, а численность городского населения увеличилась в 7,8 раза.

Вместе с тем материалы о росте городского населения позволяют нам наиболее достоверно судить и о характере зарождающихся отношений. Для иллюстрации сошлемся на сравнительные данные первой всероссийской переписи населения 1897 г. и дан-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 64.

ные губернатора Дагестанской области о движении населения за 1913 г. Если в 1897 г. перепись зафиксировала в городах области 44 607 чел., то, по данным обзоров Дагестанской области, в 1913 г. городское население составило уже 78 427 чел., т. е. выросло почти в два раза². За счет каких же групп населения происходил главным образом этот рост? По данным 1897 г., среди горожан представителей местных народов было 24 448. К 1913 г. их стало 27 748, т. е. за 15 лет выросло всего на 5,1%. Зато численность пришлого населения выросла с 19 159 до 51 679, т. е. в три раза³. Это еще раз подтверждает, что капитализм на отсталых национальных окраинах складывался главным образом не в результате их внутреннего экономического развития, а являлся следствием включения их в состав общероссийского рынка и подчинения законам общерусского экономического развития.

Капиталистические отношения проникали и в сельское хозяйство. Прежде всего это проявлялось в том, что сельскохозяйственное производство стало все теснее связываться с рынком. Особенно быстро росла товарность основной отрасли народного хозяйства — животноводства. Если в 1902 г. товарная продукция животноводства оценивалась в 602,549 руб., то к 1914 г. эта сумма выросла до 2 143 979 руб. — почти в 3,5 раза.

В этой связи значительные изменения претерпел и социальный строй Дагестана. Появились два новых класса — пролетариат и буржуазия, серьезные социальные сдвиги произошли и внутри других сословий и социальных групп. В чем они конкретно выразились?

Крестьянство. Общая численность крестьянства с 540 595 чел., согласно переписи 1897 г. увеличилась до 645 853 чел. в 1913 г.⁴, по его удельный вес в составе населения за это же время уменьшился на 3,7%. Несмотря на это, накануне революции крестьяне составляли 91,2% населения области. Наблюдался процесс втягивания крестьянского хозяйства в товарное производство. Многочисленные материалы о трансформации аульной патриархальной знати, об изменении характера найма и отходничества, о поляризации групп по сумме орудий и средств производства дают возможность судить о глубине этого процесса и свидетельствуют о новых тенденциях внутри крестьянства.

Вот почему вопрос о социальной эволюции крестьян имеет для нас первостепенное значение. Здесь мы рассматриваем лишь его основные черты.

---

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XII. Дагестанская область. СПб., 1905 г., с. 1; Обзор Дагестанской области за 1913 г. Ведомость 2. Темир-Хан-Шура, 1915.

³ Там же.

⁴ Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915.

Судя по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г., сделав поправку на географические условия, уточнив характер и направление хозяйства, можно с достаточной точностью сказать, что в дореволюционном дагестанском ауле беднота составляла 65—70%, средние слои 20—25%, а сельская верхушка около 10% всего населения. Выборочные данные переписи 1917 г. свидетельствуют о том, что на территории тогдашнего Дагестана 87% всех крестьянских хозяйств совершенно не были обеспечены землей, а 3,2% мощных многоземельных хозяйств держали у себя 21,7% всех посевов; 78,3% всех хозяйств были безлошадными, а 2,4% дворов сосредоточили 30,7% всех лошадей, в то время как из каждых 100 хозяйств 34 с лишним не имели рабочего скота; в собственности 6,8% дворов находилось свыше трети всех рабочих волов. И, наконец, в то время как 80% хозяйств не имели овец, 2,9% дворов держали 58,7% всего овцепоголовья.

Но неравномерность в распределении основных средств производства не может дать ответа на вопрос о характере социально-экономического развития, характере социальной эволюции крестьян. Тем более, что, как уже отмечалось, строй общественных отношений в Дагестане накануне революции был исключительно пестрым и многоукладным. Рассмотрим данные о каждой зоне отдельно. В горах Дагестана вследствие острого малоземелья издавна сложилась аграрная перенаселенность. Неимущих здесь всегда было много. По данным переписи в 1917 г. их было 32,7% всего населения. Если к ним прибавить еще 36,3% маломощных хозяйств, не способных за счет собственного хозяйства обеспечить свои нужды, то число обездоленных возрастет до 69,0%. Начавшееся классовое расслоение крестьян еще более усугубило положение низших слоев, однако далеко не этим объясняется совершенная необеспеченность средствами к существованию 70% населения гор. Основным типом хозяйства и основным собственником средств производства в горном Дагестане накануне революции, по данным переписи 1917 г., было мелкое крестьянское хозяйство, имеющее от 25 до 100 овец, до двух голов рабочего скота и до 0,5 дес. земли. Мелкие крестьянские хозяйства составляли 59,9% всех хозяйств; в их руках находилось 69,5% крупного рогатого скота, 65,1% всех овец и коз. Это говорит о том, что на долю мелкокрестьянского уклада в горах приходилась и подавляющая часть всего населения и свыше $\frac{2}{3}$ всего сельскохозяйственного производства.

Это подтверждается также и тем обстоятельством, что наряду с большим числом неимущих в горных районах в средних слоях наблюдалось примерно равное распределение средств производства. Например, материалы переписи 1917 г. свидетельствуют о совпадении удельного веса средних групп крестьянства и принадлежащего им скота и земли. Уравнительность явно прослеживается особенно в распределении крупного рогатого скота и земли между группами хозяйств.

Известно, что в горах удобной под пашню земли очень мало. Например, в Гунибском округе на 16,5 тыс. хозяйств приходилось всего около 7 дес. пашни — это 1 кв. сажень в среднем на двор. Да и эта пашня состояла из крохотных террасных участков, созданных нечеловеческими усилиями поколений на склонах гор, по течению бурных горных рек, на выступах скал и т. д. Поэтому не было возможности для создания цельных массивов пахотной земли с использованием для ее обработки передовой сельскохозяйственной техники. Здесь крупное хозяйство земледельческого направления было большой редкостью.

Хотя в распределении земли пашни большая неравномерность, однако размеры посева позволяют говорить только о потребителском земледелии. Даже самая мощная группа хозяйств в горах имела в среднем на двор всего 1,1 дес. и держала у себя всего 2,1% всей пашни. По сравнению с низшими неимущими группами это, безусловно, много, но совершенно недостаточно для ведения предпринимательского земледелия.

При таких обстоятельствах животноводство было наиболее выгодной сферой для приложения усилий предпринимателя, тем более, что истари сложившаяся система отгонного скотоводства была выгодна только для крупного хозяйства. Как известно, эта система возникла из-за нехватки в горах зимних пастбищ, в то время как летние пастбища были в изобилии. Но суровые климатические условия не давали возможность обеспечить поголовье скота кормами и на зиму. Поэтому скот, в основном овец, приходилось перегонять на равнину, часто за 200—300 км и более. Местами отгона в то время были Грузия, Азербайджан и Терская область. Арендные цены на пастбища в местах отгона, по признанию местной администрации, были очень высокими. Мелкие и средние хозяйства не могли выдержать огромных дополнительных затрат, связанных с перегоном скота и арендой пастбищ, разорялись и неизбежно попадали в кабалу к своим богатым землякам.

Таким образом, в горах основным, ведущим экономическим укладом являлся натуральный, патриархальный уклад. На его долю приходилось и большинство населения и значительно более половины всех средств производства. Больше того, материалы переписи 1917 г. указывают, что в ряде случаев прослеживается патриархальная уравнительность и в их распределении. Но сказанное нельзя безоговорочно отнести ко всем горным районам. Это подтверждается примером Самурского округа, который в избытке имел летние альпийские пастбища. Ему не было равных в Дагестане и по обеспеченности скотом. На душу населения здесь приходилось почти в два раза больше скота, чем в среднем по области. Как же распределились все эти богатства между различными экономическими группами населения. Приведем четыре таблицы, составленные по материалам той же переписи 1917г.⁵ (табл. 21—24).

Таблица 21

Распределение овец и коз среди крестьянских хозяйств

	Число хозяйств	%	У них овец	%
Не имеют овец и коз	8056	69,0	—	—
Имеют до 30 голов	4177	10,0	14 186	3,2
» от 30 до 100 »	1183	10,4	8 282	2,0
» от 100 до 300 »	889	7,6	133 350	32,3
» от 300 до 1000 »	256	2,2	153 600	37,3
» свыше 1000 »	39	0,8	98 690	25,2
Итого	11 600	100,0	408 108	100,0

Таблица 22

Распределение крупного рогатого скота среди крестьянских хозяйств

	Число хозяйств	%	У них овец	%
Не имеют скота	2690	23,2	—	—
Имеют 1 голову скота	7514	64,6	7 514	32,6
» 2 » »	1009	8,8	2 018	8,7
» от 3 до 5 голов скота	348	2,8	1 272	5,5
» свыше 5 голов скота	69	0,6	12 112	53,2
Итого	11 600	100,0	22 916	100,0

Овцеводство являлось ведущей отраслью сельского хозяйства округа — 92% поголовья скота составляли овцы и козы. Здесь наблюдалась наибольшая степень концентрации. По существу, в Самурском округе мелкий производитель как таковой был вытеснен из овцеводства. На его долю приходилось лишь 5,1% всего овцеголовья. Остальное стадо сосредоточило у себя крупные хозяйства, составлявшие 10,6% всего населения; причем 61,5% стада находилось у 3% явно эксплуататорских хозяйств. Любопытно, что эта группа в Аварском округе составляла всего 0,1% населения и держала у себя 12,2% овец и коз. В Самурском округе не только овцеголовье, но и крупный рогатый

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 188—216.

Таблица 23

Распределение всей земли среди крестьянских хозяйств

	Число хозяйств	%	У них земли	%	Приходится в среднем на двор
Не имеют пашни	1367	20,4	—	—	—
Имеют до 2 дес.	3499	30,2	1 749,6	1,2	0,5
» 3 »	5132	44,3	10 264,0	6,9	2,0
Свыше 3 дес.	602	5,1	134 423,3	91,9	222,9
Итого	11 600	100,0	146 436,9	100,0	12,6

Таблица 24

Распределение рабочего скота среди крестьянских хозяйств

	Число хозяйств	%	У них земли	%
Без рабочего скота	4 626	39,9	—	—
Имеют по 1 голове	2 924	25,2	2 924	20,0
» 2 »	2 954	25,4	5 008	40,4
Свыше 2 голов	1 096	9,5	5 761	39,6
Итого	11 600	100,0	13,693	100,0

скот уже перешел в руки крупных собственников: всего 0,6% хозяйств держали у себя больше половины (53,2%) стада.

То же самое и с землей. В этом случае мы иллюстрируем данные о пользовании всей землей, пахотной и пастбищной, и видим, что и она уже находится в собственности той же небольшой крестьянской верхушки. Из общего «ансамбля» выпадает лишь таблица о распределении рабочего скота. Здесь главная роль пока что остается за мелким производителем. Однако и в данном случае Самурский округ отличается от других горных округов тем, что между крайними группами прослеживается неравномерность в распределении рабочего скота, но не в такой степени, как, например, в Аварском округе. Там были лишены рабочего скота 54,2% хозяйств, а здесь 39,9%. Там 90,0% рабочего скота находилось у 3,5% хозяйств, а здесь эта группа больше, чем в Аварском, почти в три раза, а рабочего скота у нее было больше только в два раза. Это, вероятно, объясняется тем, что в Самурском округе крупные хозяйства располагали

другими, более выгодными путями для своего обогащения и закабаления бедноты. Выше уже указывалось, что в данном случае мы сталкиваемся с действующим извне историческим явлением.

Несколько иначе обстояло дело в горных округах внутреннего Дагестана. Регулярные рыночные отношения сравнительно поздно охватили эти округа. По существу, появление крупного товарного хозяйства как систематически действующего экономического фактора в горных округах внутреннего Дагестана относится к концу XIX в., а вернее к началу XX в. Например, в наиболее развитом округе этого района — Гунибском — в 1892 г. число хозяйств было почти на треть больше, чем в Самурском, а скота и земли значительно меньше. Следовательно, житель Гунибского округа был куда хуже обеспечен материальными условиями. Несмотря на это, из Гунибского округа на заработки уходило 1746 чел. — почти в четыре раза меньше, чем из Самурского⁶. Это говорит не только и даже не столько о сравнительной консервативности и отсталости жителей Гунибского округа, сколько о слабости их экономических связей, о безусловном господстве мелкого хозяйства, наделенного мизерным участком земли и кое-какой скотиной. Такая оторванность от внешнего мира и нищенское хозяйство приковывали жителей к одному месту, обрекали на полуголодное существование.

Но вот новые отношения все более властно начинают проявлять себя, все больше и крепче становятся рыночные связи и передвижение населения быстро увеличивается. В 1913 г. из Гунибского округа уходило на заработки уже свыше 15 тыс. чел., т. е. почти в девять раз больше, чем в 1892 г.⁷ Рост огромный, хотя он и не достигает того уровня, что в Самурском округе, и это главным образом — результат проникновения новых отношений в процессе расслоения крестьянства. Но в Гунибском округе, как мы отмечали, этот процесс только-только начинается.

Изложенный материал невольно подсказывает и вывод о большом влиянии естественных условий на направление и специализацию сельского хозяйства нагорного Дагестана и даже в какой-то степени на экономические отношения; причем их роль тем выше, чем примитивнее способ и техника ведения сельского хозяйства.

Та же сельскохозяйственная перепись 1917 г. выявляет то, что процесс социальной эволюции крестьян на равнине носил совсем другой характер. Если в горах преобладающее место занимал натуральный, мелкокрестьянский, патриархальный уклад, то на земледельческой равнине к кануну революции явно произошла поляризация социальных групп и основные средства производства перешли в руки крупных аульных богатеев. Так, в Хасавюртовском округе группа, имеющая выше 10 дес. посева на двор, составляла всего 3,3% всех хозяйств, сосредоточила у себя

⁶ Обзор Дагестанской области за 1892 год, с. 43.

⁷ Там же, с. 2.

42,8% всей земли и 38,8% всех овец, а всего зажиточные слои, составляя 8,3% всех дворов, держали у себя 53,1% всей земли и 55,9% всех овец. Документы и материалы наглядно выявляют вытеснение мелкокрестьянского уклада крупным, капиталистическим, и показывают, как в одной из наиболее консервативных сторон социально-экономической жизни общества — в формах собственности на землю — утверждается буржуазная собственность.

Еще одна чрезвычайно важная деталь. В таком наиболее развитом земледельческом округе, каким был Хасавюртовский, перепись отметила исключительно высокую степень концентрации овцеводства. У зажиточных хозяйств, составляющих 8,3% населения, было сосредоточено 55,9% всех овец. Степень концентрации значительно выше, чем во многих горных животноводческих округах. Когда речь шла о горных районах, одной из главных причин неравномерного распределения овец среди экономических групп населения мы считали отгонную систему содержания скота, неизбежно ведущую к разорению мелкого овцеводческого хозяйства. В Хасавюртовском же округе овец круглый год содержали внутри округа. Чем же тогда объяснить отмеченное явление? Видимо, сравнительно высокой степенью проникновения капиталистических отношений в сельском хозяйстве округа и на этой основе концентрацией земельных площадей. Если в Гунибском округе бедняк вынужден был «расстаться» с овцой из-за разорительных для него издержек во время перегона с летних пастбищ на зимние и обратно, то в Хасавюртовском округе это происходило потому, что у него не было участка земли для выпаса овец. Если же он хотел бы прибегнуть к аренде пастбища, то тут у него ничего не вышло бы, так как крупные горские и местные овцеводы, как правило, «оптом» арендовали пастбища на весь сезон, и мелкий собственник, разумеется, не мог конкурировать с ними.

Принимая во внимание изложенное, можно сделать вывод: накануне Великой Октябрьской социалистической революции в Хасавюртовском округе капиталистические отношения, безусловно, стали доминирующими. Однако ни в коем случае нельзя этот вывод механически переносить на все плоскостные районы области. И вот почему. Во-первых, Хасавюртовский округ, или, как его называли до административной реформы 1864 г. Кумыкская плоскость, еще в XVIII в. чувствовал на себе сильное влияние России и в своем развитии значительно опережал остальные районы Дагестана. Во-вторых, здесь, как уже отмечалось, с наибольшей последовательностью была осуществлена крестьянская реформа. Если в остальных районах Дагестана реформа освободила от феодальной зависимости в основном лишь ту часть крестьян, которая находилась в зависимости от ханов как носителей государственной власти, и слабо коснулась отношений между беками и раятами, то здесь зависимые отношения были ликвидированы полностью, а крестьян наделили землей без выкупа.

В-третьих, железнодорожное полотно прошло по территории округа до Петровска задолго до того, как была продолжена дальше до Баку, и значительно укрепила экономические связи с промышленным севером. Эти обстоятельства еще больше углубили разницу в уровне социально-экономического развития Кумыкской плоскости и остальных районов области. Исключительно большую роль в этом сыграло также и то, что в Хасавюртовском округе были обширные просторы плодородной, но неосвоенной земли. Как только железная дорога соединила округ с севером, сюда хлынул поток колонистов. Уже в 1914 г. переселенцы составляли 25,3% населения округа, 19,1% русских и 6,2% немцев⁸. Через них стали проникать новейшие орудия производства, формы организации хозяйства, начала повышаться культура земледелия. Достаточно сказать, что в Хасавюртовском округе во время переписи сельскохозяйственных машин и орудий в 1910 г. не была зарегистрирована ни одна соха или косуля.⁹ Усовершенствованная техника совершенно вытеснила примитивные первобытные орудия труда.

Судьбы других равнинных районов Дагестана сложились по-иному. Реформа не была здесь доведена до конца, и вплоть до 1913 г. официально сохранялись феодальнозависимые отношения. Железная дорога на территории области была сдана в эксплуатацию лишь в самые последние годы конца XIX в. Да и свободных земель в этой части Прикаспийской низменности было не так уж много. Эти обстоятельства не могли не сказаться на темпах проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство. Плоскостные районы Дагестана в своем социально-экономическом развитии несколько опережали горные, но значительно отставали от Хасавюртовского округа. Об этом подробно было сказано выше. Данные показывают, что мелкокрестьянский уклад и патриархальная уравнительность преобладали не только во внутреннем горном Дагестане, но местами и на равнине. Это лишний раз свидетельствует о многоукладности экономической жизни общества.

Приведенные материалы показали, что по сумме средств производства крестьянство распалось на три экономические группы: маломощную, среднюю и зажиточную. Маломощная группа была наиболее многочисленной—55—60% всего населения области; причем по данным переписи 1886 и 1917 гг., наблюдалась тенденция к ее росту. В состав этой группы входили хозяйства, совершенно лишенные средств производства, а также хозяйства, владеющие клочком земли и скотиной, которые больше создавали видимость занятости в сельском хозяйстве, но более чем полуто-

⁸ Экономическое состояние Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время. Рукописный материал, составленный Плановой комиссией Дагнаркомзема.— Рук. фонд. ИИЯЛ, д. 973, л. 3.

⁹ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913.

лодное существование обеспечить не могли. Поэтому, чтобы заработать себе на жизнь, представители группы вынуждены были систематически прибегать к продаже своих рабочих рук. Из этой группы рекрутировались ряды батраков, поденщиков и черно-рабочих.

Удельный вес самостоятельных достигал 25—30% всех дворов. Эта группа была наиболее неустойчивой. Засуха, падеж скота или другое стихийное бедствие немедленно отражались на ней и приводили к тому, что значительное число этих дворов пополняло группу маломощных. А некоторым хозяйствам этой группы при благоприятном стечении обстоятельств удавалось выбиться в верхнюю мощную группу.

Как видим, удельный вес наиболее зажиточной, третьей группы достигал примерно 10% всех дворов. Однако социальная природа этой группы была неоднородной. В частности, ее представляли крупные скотоводы и землевладельцы из аульской патриархальной верхушки. Третья группа занимает видное место в местном бюрократическом аппарате. Из ее рядов рекрутируется местная администрация. В то же время растут ее рыночные связи. Больше того, накануне революции ее экономическая мощь достигается не через средневековые сословные привилегии, а благодаря росту и укреплению рыночных связей. И, тем не менее, нельзя причислить эту группу к деревенской буржуазии, так как ее экономическая мощь основывалась на эксплуатации крестьян патриархальными методами.

Сошлемся на факты. В Гунибском округе, по материалам переписи 1917 г., к найму рабочей силы прибегали лишь 7% дворов этой наиболее зажиточной группы¹⁰, а в Самурском округе — 18,5%¹¹. То же самое и в земледелии. Многие представители аульской верхушки скупили огромные земельные угодья, что создало предпосылки для возникновения крупного капиталистического производства. Но они предпочитали сдавать эту землю в аренду по-средневековому мелкими участками. И хотя проникновение российского капитала и рост товарно-денежных отношений сопровождалось высокой степенью концентрации производства, производственные отношения изменялись чрезвычайно медленно. Поэтому очень сильны были позиции полупатриархальных, полуфеодальных методов эксплуатации.

Наряду с патриархальной верхушкой в третью группу входила и значительная прослойка аульской буржуазии. Она формировалась главным образом в той же патриархальной знати, которая отказалась от традиционных консервативных форм хозяйствования. К сожалению, перепись не даст возможности сделать какие-либо количественные разграничения среди этих слоев группы.

¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 50—82.

¹¹ Там же, д. 190—216.

Помещики. Класс помещиков-крепостников численно был очень незначительным: его удельный вес в составе населения области, по данным 1913 г., составлял всего 0,7%¹². Однако в экономической и особенно в политической жизни общества помещики играли ведущую роль. Им принадлежало около $\frac{1}{3}$ (28,1%) всей земельной площади Дагестана. А так называемое военное управление обеспечивало им безраздельное господство в системе политической организации общества.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что после вовлечения Дагестана в состав общероссийского рынка, в конце XIX в. и начале XX в., помещичье хозяйство претерпевает известные изменения. Если до присоединения к России помещики являлись полновластными хозяевами, единолично распоряжающимися жизнью и смертью крестьян, то в рассматриваемое время их позиции были значительно подорваны. Немаловажную роль в этом сыграла сравнительно гибкая и подвижная система феодальной собственности на землю, существовавшая до этого в Дагестане, вовлечение Дагестана в русло капиталистической экономики России. Материалы исследуемого периода говорят о сдвигах, происходящих и в помещичьих хозяйствах под влиянием развития товарно-денежных отношений. В частности, замечается интенсивный процесс перехода помещичьей земли в руки купцов, мещан, крестьянской верхушки и чиновников. Глубина его в отдельных районах находилась в прямой зависимости от степени проникновения капитализма. В Дагестане в границах 1917 г. в собственность новых владельцев, по данным 1905 г., перешло 28,2% всех помещичьих земель, причем 23,1% земли перешли к новым владельцам из крестьян¹³. В Хасавюртовском округе, где капиталистические отношения пустили значительно более глубокие корни, за 35 пореформенных лет к 1900-м годам помещики потеряли 58,6% своей земли¹⁴. В дальнейшем этот процесс развивался еще более бурными темпами. К 1917 г. беки сохранили лишь 35,6% своей земельной собственности¹⁵.

Интересно проследить, как отразились новые отношения на численном составе дворянства. По данным переписи 1897 г., в Дагестане насчитывалось 7209 лиц дворянского происхождения, а в 1912 г. — лишь 4759, т. е. уменьшилось почти на $\frac{1}{3}$. Особенно резко сократилось число дворян в сельских местностях — с 4727 чел. в 1897 г. до 2529 в 1913 г., в то время как в городах их численность за это же время сократилась с 2482 до 2230 чел.¹⁶

¹² См.: Обзор Дагестанской области за 1913 г. Ведомость 2.

¹³ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 61—203.

¹⁴ Тульчинский Н. П. Поземельная собственность и общинное землевладение на Кумыкской плоскости. — В кн.: Терский сборник. Владикавказ, 1903, вып. 6, с. 83.

¹⁵ ЦГА ДАССР, 1903, с. 83.

¹⁶ Первая всеобщая перепись населения..., с. 2; Обзор Дагестанской области за 1913 г. Ведомость 2.

Все это свидетельствует о разложении средневековой помещичьей собственности дворянства и о появлении помещика нового типа в дагестанском ауле. Довольно точную картину удельного веса новых помещиков дают нам данные 1905 г. о распределении 380 тыс. дес. частновладельческой земли.

Эта земля распределялась между 998 частными владельцами, 389 из них были выходцами из крестьян, а 75 — из купцов и мещан; причем на каждого владельца этой группы приходилось свыше 225 дес. земли¹⁷.

Таким образом, в результате вовлечения Дагестана в общероссийский процесс капиталистического развития и под влиянием роста товарного хозяйства в ауле появляется новый тип помещика, который, широко используя торговую и предпринимательскую деятельность, играет активную роль и в сфере формирующегося капитализма, и в сфере старого феодального аула. Если старые потомственные дворяне, как справедливо замечал «Вестник финансов, промышленности и торговли» в 1900 г., сами хозяйства большей частью не вели, а сдавали свои земли в аренду из известной доли урожая¹⁸, то новые помещики наряду со старыми методами хозяйствования прибегали и к новым. А многие из них отказывались от средневековой издольной аренды, начинали вести самостоятельные хозяйства, основанные на найме рабочей силы.

Рабочий класс. Обычно под рабочим классом мы подразумеваем промышленный пролетариат, рабочих фабрично-заводской, горнозаводской промышленности, казенных промышленных предприятий и железнодорожных мастерских. Принято считать, что именно они и составляют ядро пролетариата, которое «идейно и политически доминировало в общепролетарской среде и выполняло по отношению к ней роль авангарда»¹⁹.

При изучении характера, структуры и численности рабочего класса на отсталых колониальных окраинах, служивших сырьевыми придатками капиталистической России, видимо, указанное положение можно принять лишь с рядом оговорок.

Появление промышленного пролетариата в Дагестане относится ко второй половине XIX в. и тесно связано с приобщением края к российской экономике; причем по мере укрепления позиций капитализма, по мере расширения сферы его воздействия изменялись состав, структура и численность рабочего класса области. Первоначально основной костяк пролетариата составляли рабочие предприятий по первичной обработке сырья, в основном сельскохозяйственного, затем после укрепления экономических связей с промышленными центрами страны начинают развиваться горнодобывающая, рыбная промышленность. Накануне

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 61—203.

¹⁸ Вестник финансов, промышленности и торговли. СПб., 1900, т. 1, с. 439.

¹⁹ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964, с. 17.

Октябрьской революции, по подсчетам И. Р. Нахшунова, в Дагестане было свыше 134 промышленных предприятий, стоимость их валовой продукции в оптово-отпускных ценах достигала 19,2 млн. руб., а численность рабочих, работающих на этих предприятиях — 4926 чел.²⁰ Около 70% всех рабочих (3360 и 4926) было занято в рыбной промышленности. На ее долю приходилось около 60% всей промышленной продукции²¹. Это еще раз говорит об одностороннем колониальном характере развития экономики области. О том же свидетельствуют и данные о национальном составе рабочего класса.

Там, где требовались техническая грамотность, квалификация и определенные навыки, кадры рабочих комплектовались в основном из русских. Прежде всего это относилось к железной дороге, морскому транспорту. Русским поручались работы, требующие наибольшей квалификации и на рыбных промыслах. Даже в годы первой мировой войны, когда в связи с мобилизацией русских на фронт, чувствовалась острая нехватка рабочей силы, дагестанцы в составе пролетариата составляли ничтожное меньшинство, особенно там, где требовалась техническая грамотность и определенная квалификация. Так, в 1916 г. в Петровском депо из 318 рабочих только 7 было дагестанцами. Дагестанцы принимались лишь в качестве поденно-штатных и поденных рабочих, и на штатные, более квалифицированные должности привлекались русские.

В целом по области удельный вес рабочих дагестанцев достигал лишь 11,2% всех постоянных рабочих²². Это еще одно подтверждение того, что капитализм здесь был привнесенным извне, насажденным «сверху». Вместе с тем следует подчеркнуть, что приведенные цифры очень неполно и поверхностно характеризуют общую численность и состав рабочего класса, так как охватывают лишь тех рабочих, которые были заняты на предприятиях, расположенных непосредственно на территории Дагестана. Между тем единый общероссийский рынок рабочей силы носил интернациональный характер, и в условиях отсутствия административных препятствий происходило интенсивное передвижение рабочих. Рабочие шли туда, где лучше условия, где выше заработок, т. е. туда, где лучше. А уйти им было куда. Рядом с Дагестаном, как уже говорилось, бурными темпами развивались крупнейшие нефтедобывающие районы Баку и Грозного, которые постоянно поглощали огромную армию разорившейся бедноты. Непосредственно по соседству с Дагестаном были расположены районы высокоразвитого, высокотоварного сельского хозяйства. В этих районах число рабочих дагестанцев постоянно росло. Правда, благодаря бурному притоку рабочей силы из раз-

²⁰ См.: *Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956, с. 118.*

²¹ Там же.

²² 10 лет социалистического строительства в ДАССР, с. 41.

ных районов их удельный вес к кауну революции несколько спизился, но общая численность рабочих дагестанцев сильно возросла.

Значительную роль в развитии рабочего класса области играло отходничество.

Как уже было отмечено, приобщение Дагестана к общероссийскому рынку и проникновение капиталистических отношений придали этому процессу новую окраску, новый социально-политический смысл. Если раньше рабочий уходил в поисках дополнительных средств, то в процессе развития классового расслоения и концентрации производства в конце XIX — начале XX в. «сторонний заработок» стал превращаться в основную статью бюджета низших групп. Проведение железной дороги, развитие нефтяной промышленности в Баку и Грозном, бурный рост торгового земледелия на равнине и особенно в Терской области создавали исключительно благоприятные для этого условия. В результате с 1892—1896 гг. по 1912—1916 гг., т. е. за 20 лет, число отхожих рабочих возросло более чем в два раза²³. С двух-трех месяцев до семи—деяти возросло и время отлучки. В 1913 г. из области уходило на «заработки» 93 317 чел.—примерно половина всего трудоспособного населения²⁴, и до 60 тыс. из них попадали в сферу капиталистического промышленного производства. Это обстоятельство, несомненно, не могло не оставить глубокого следа на их психологии и на всем укладе жизни тех аулов и районов, откуда они уходили и куда возвращались ежегодно.

Буржуазия. Буржуазия как класс, как политическая сила в конкретных условиях Дагестана стала складываться позднее пролетариата. Объясняется это рядом обстоятельств.

Во-первых, капиталистическое развитие Дагестана происходило главным образом не за счет внутренних сил, а направлялось усилиями иностранной и русской буржуазии. Поэтому в экономической жизни области национальная буржуазия играла сравнительно небольшую роль. Больше того, дагестанская буржуазия политически стала складываться лишь в процессе вовлечения Дагестана в состав общероссийского рынка. Однако, не имея достаточно опыта, капиталов и знаний, она вплоть до революции оставалась сравнительно слабой политической силой. Кстати, эта закономерность характерна для многих отсталых национальных окраин царской России.

Во-вторых, если неимущие слои Дагестана в связи с появлением новых рынков рабочей силы практически без конкуренции стали сливаться с пролетарской средой, то складывающаяся национальная буржуазия оказалась перед фактом захвата основных промышленных и сырьевых объектов более опытной и сильной иностранной, русской и другой буржуазией и ее деятельность больше была связана с промежуточной вспомогательной службой.

²³ См.: *Обзоры Дагестанской области за соответствующие годы.*

²⁴ *Обзор Дагестанской области за 1913 г.*

Главным образом она выполняла роль посредника. Обратимся к фактам. Нефтедобыча в Дагестане, как известно, была сосредоточена в руках международных нефтяных компаний «Товарищество бр. Нобель», «Англо-русского нефтяного общества» и других. Известное Кхиутское месторождение серы сперва эксплуатировалось французской компанией, затем перешло в руки бакинских предпринимателей Эристова, Цатурова и Везирова, а в период мировой войны разработкой серы занималось общество «Кавказская сера». Месторождение ртути эксплуатировалось обществом «Кавказская ртуть» при помощи английского капитала. В руках представителей армянской и азербайджанской буржуазии оказались рыбные богатства. Крупная бумаго-прядельная и ткацкая фабрика в Петровске была основана в 1897 г. акционерным обществом «Каспийская мануфактура». Правление общества находилось в Москве, а директором-распорядителем был Решетников. Затем фабрика перешла в руки капиталистов Кноппа, Крафта и Алексеева, а в 1914 г. ее хозяином стал бакинский миллионер Тагиев.

Эти данные свидетельствуют о том, что на данном этапе развития главную роль в промышленном развитии Дагестана, в освоении его экономических ресурсов играли иностранный и российский капиталы. Вместе с тем, в начале нашего века национальный капитал начинает играть все более и более заметную роль. На базе кустарного производства, где главным образом происходил процесс накопления известной суммы капитала, стали возникать небольшие промышленные предприятия: фруктово-консервные, виноградно-водочные, типолитография, бондарные заведения, современные паровые мельницы, кинжальный завод. В качестве видных представителей национального капитала выступают Магомед-мирза Мовраев, Хизри Гаджиев, Манашир Дадашев, братья Хануховы, Ханукаев, С. Ахундов, Ю. Дадашев, М. Р. Аджиев, А. М. Фатуллаев и др. Но местный дагестанский капитал все еще был слабым.

Пожалуй, наиболее трудной задачей, которая стоит перед исследователем этой проблемы, является определение численности буржуазии. Можно смело утверждать, что определить численность буржуазии практически невозможно. И тем не менее, мы располагаем данными, позволяющими получить косвенное представление о темпах роста буржуазии в Дагестане. При сравнении материалов переписи 1897 г. и данных губернатора Дагестанской области выясняется, что численность городских сословий (почетных граждан, купцов и мещан) за это время выросло с 19 663 чел. до 31 606²⁵. Если иметь в виду, что именно эти так называемые городские сословия представляли в основном промышленную буржуазию, то станет очевидным, что в течение 15—16 лет ее ряды выросли на 61,3%. В сельской местности

²⁵ См.: Первая всеобщая перепись..., с. 2; Обзор Дагестанской области за 1913 г. Ведомость 2.

число дворов, систематически прибегавших к найму, достигло 3692, т. е. 3,2% всех дворов²⁶. Естественно, что социально-экономические отношения в Дагестане, какими они предстают перед нами, были чреваты серьезными социальными конфликтами.

На их почве в дореволюционном ауле шли социальные войны: одна — между всем крестьянством в целом и помещиками, другая — между кулаками и батрачко-бедняцкими слоями. В конце XIX — начале XX в. в связи с бурным пропикновением капитализма борьба между двумя антагонистическими классами — крестьянством и помещиками — приняла исключительно острый характер. Борьба же внутри крестьянства только-только начиналась. Горец-бедняк еще далеко не всегда умел отличить свои классовые интересы от так называемых «национальных» и «родовых». Пользуясь этим, феодально-клерикальным элементам нередко удавалось направить его недовольство по ложному пути и использовать в своих целях.

Особенно острый характер носили выступления феодальнозависимых крестьян. В 90-х годах XIX в. они дважды брались за оружие. Но каждый раз царские власти жестоко расправлялись с восставшими²⁷.

В самом конце XIX в., отчаявшись получить облегчение от местных или центральных властей, раяты и зависимые уздени почти повсеместно в явочном порядке прекратили обязательные отношения в пользу беков. Они требовали отмены зависимых отношений и наделения их землей. Начальник Темир-Хан-Шурина по поводу этих событий писал: «Стесняемое... повинностями население все чаще и настойчивее выражало свои протесты против их существования, из года в год жителями возбуждались ходатайства об освобождении их от бекских повинностей, а за последние 3—4 года многие сельские общества категорически отказались отбывать их»²⁸. 21 ноября 1905 г. наместник царя на Кавказе граф Воронцов-Дашков в «конфиденциальном» письме барону Нольде сообщал, что антифеодальное движение в Дагестане приняло форму настоящих волнений: «прекращено фактическое выполнение в отношении беков каких-либо повинностей, и такое положение существует уже более 9 лет, причем, хотя некоторые беки подавали жалобы по этому поводу администрации, но сами были против принятия репрессивных мер из боязни восстания»²⁹.

Борьба раят и зависимых узденей за свое освобождение постепенно перекинулась и на другие слои населения области. Участились случаи захвата государственных земель, порубки леса, поджога помещичьих имений. Быстро стало расти абречество — стихийное выражение народного гнева против гнета эксплуататоров.

²⁶ Первая всеобщая перепись...

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 79.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 66, л. 115—116.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 86, л. 15.

Воронцов-Дашков справедливо замечал, что все это происходило «под влиянием общеимперского революционного движения». «В пастоящее время,— писал он,— замечаются последствия социал-демократической пропаганды и среди мусульман: так, в отдельных местностях крестьяне отказываются отбывать повинности в пользу беков»³⁰.

Напуганная ростом революционного движения, местная администрация буквально засыпала центральные органы письмами с проектами о необходимости срочного освобождения зависимого населения. При этом зависимые отношения назывались «остатком отжившего уже крепостного права, ненормальными и вызывающими враждебные отношения поселян к бекам»³¹.

Более откровенным в этом отношении был Воронцов-Дашков. Он прямо пишет тому же барону Нольде, что «при нынешних условиях (речь идет о сложившейся революционной ситуации.— Г. О.) дальнейшее существование обязательных и зависимых отношений крестьян и поселян к помещикам и владельцам не может быть более терпимо»³².

Перепуганный наместник категорически настаивает даже на том, что «отмена всех личных, натуральных и денежных повинностей в пользу помещиков и владельцев» должна быть проведена «без замены их выкупными платежами»³³. «Только при этих условиях,— пишет он,— возможно умиротворение в местностях, охваченных на Кавказе крестьянскими волнениями, и предупредить их в остальных местах, где население уже давно тяготится обязательными отношениями»³⁴.

Но на этот раз для царских властей дело обошлось сравнительно благополучно. Революция потерпела поражение, победила реакция. Местной администрации было сразу предложено «принять все меры к взысканию повинностей в пользу беков»³⁵. Были также приняты меры для взыскания всех недоимок в пользу казны и помещиков.

Это вызвало резкий протест со стороны крестьян. В течение 1908—1909 гг. по всему Дагестану прокатилась новая волна крестьянского недовольства.

По сообщению газеты «Вестник Баку», жители Дагестанской области обратились в Думу с просьбой «помочь их горю». С 1898 по 1908 г. они уплатили казне земельного палого 101,550 руб., а земельная комиссия на заседаниях своих 30 апреля, 10 и 12 сентября 1908 г. постановила взыскать с крестьян в пользу беков и помещиков за то же время 99 524 руб. «Мы не

³⁰ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 110.

³¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 66, л. 115—116.

³² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 1.

³³ Там же.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 1.

³⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 187-а, л. 7—11.

зпасм, — писали крестьяне, — кто является хозяевами обрабатываемых нами земель: казна или беки, если первая, то почему с нас взыскивают в пользу беков, а если же последние, то пусть казна вернет нам уплаченные нам деньги»³⁶. Жалоба раят, конечно, осталась без ответа. Видя, что жалобами ничего не добиться, крестьяне наотрез отказались выполнять распоряжение администрации. Жители селений Кадар, Деличобан, Татлар, Зиль, Марага и других Кайтаго-Табасаранского округа, Верхнее Казанище и Кумторкала Темир-Хан-Шуринского округа отказывались нести повинности в пользу беков³⁷. Борьба продолжалась почти два года. В некоторых местах раяты захватили и распахали бекские земли. Царские власти послали против непокорных полицейские силы. Многие были арестованы, другие высланы за пределы Кавказа.

С помощью военной силы непокорных удалось усмирить. Однако раятское движение 1908—1909 гг. имело широкий общественный резонанс. Чтобы успокоить общественное мнение, им вынуждена была заняться Дума.

7 июля 1913 г. после почти полувековой беспримерной волокиты был принят закон «О прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кашкелевладельцам». В Дагестане от феодальной зависимости были освобождены 13 152 хозяйства. За ними было закреплено 125 252 дес. бывшей бекской земли³⁸. Но «освобождение» провели таким образом, чтобы оно как можно меньше задело интересы беков. В течение 1913—1915 гг. казна выплатила им все выкупные платежи с крестьян в сумме свыше 302 тыс. руб. золотом. Крестьяне должны были погасить эту сумму в пользу казны.

Не внесла существенных изменений и Февральская революция. Несмотря на то, что аграрный вопрос был главным вопросом буржуазно-демократической революции в России, несмотря на свержение царизма, крестьяне и в Феврале не получили земли. Более того, буржуазия выступила рьяной защитницей помещичьего землевладения. Когда после Февральской революции крестьяне в явочном порядке стали захватывать на равнине бекские земли, органы Временного правительства и прежде всего Земельный комитет Дагестанского областного Исполкома ответили на это карательными экспедициями. Иначе и быть не могло. К рассматриваемому времени половина бывшей дворянской земли перешла к новым владельцам из буржуазии, бекская земля была заложена и перезаложена. Борьба за конфискацию помещичьих земель для буржуазии означало бороться против собственных интересов. Поэтому она стала на защиту помещиков. Аграрный вопрос по-прежнему оставался одним из наиболее острых вопросов революционного движения в Дагестане.

³⁶ Вестник Баку. 1908, 16 дек., № 19.

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 187-а.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 84.

Заключение

Накануне вхождения в Россию в XVIII — начале XIX в. Дагестан переживал эпоху феодальной раздробленности.

Если учесть, что сама Россия в это время осуществляла переход на путь капиталистического развития, то нетрудно представить, каким сложным и мучительным был процесс приобщения Дагестана к общероссийским рыночным отношениям. Тем не менее это был в высшей степени прогрессивный процесс, ибо, преодолевая сопротивление феодальных и полуфеодальных элементов, ломая все патриархальное и консервативное, объективно Россия способствовала приобщению Дагестана не только к более передовому способу производства, но и к мировым рыночным отношениям. Тенденция прогресса не всегда была проторенной, но она всегда была единственно перспективной.

Первоначально капитализм вторгается в наиболее товарные отрасли сельского хозяйства и подчиняет их своим законам, а затем товарно-денежные отношения шаг за шагом утверждаются и в традиционных отраслях сельского хозяйства. Правда, развитие это происходит сравнительно замедленно. Но в этой замедленности был и глубокий исторический смысл, вытекавший из прошлого и паложивший неизгладимый след на будущее.

XIX век — переломная страница в истории Дагестана. От эпохи феодальной раздробленности благодаря присоединению к России он совершает переход к политическому и экономическому объединению. Как результат приобщения к общероссийскому рынку в Дагестане быстро начинают складываться капиталистические отношения. Правда, организаторами крестьянского капиталистического производства выступают не крестьянские верхи, а в основном выходцы из среды городского торгового сословия. Это означает, что представители российской, армянской, азербайджанской и иностранной буржуазии, как правило, подчиняли себе крестьянское производство. Да по-другому и быть не могло, если помнить о «консерватизме социально-экономической ситуации» в Дагестане накануне присоединения к России.

Тем не менее бурное развитие мареноводства, отходничества свидетельствовали о попадании ростков капитализма в благоприятные условия и на внутренней почве Дагестана.

Говоря об экономическом прогрессе и становлении капиталистических отношений в Дагестане в составе России, исследователи обычно делают упор на конец XIX — начало XX в. Но это не совсем точно. Прежде всего высокие темпы развития могут быть характерны для всех этапов становления уклада, а не толь-

ко для его завершающей стадии, хотя, конечно, накопленный опыт и сложившаяся материально-техническая база, безусловно, играли в этом немаловажную роль. Для Дагестана в этом отношении очень характерен пример с мареноводством и отходничеством.

Первоначально, как показывают материалы, которыми располагает исследователь, капиталистические отношения проникают в наиболее конъюнктурные сферы экономической жизни общества, в первую очередь — товарообмен, затем шаг за шагом они отвоевывают все новые и новые области экономики, раздвигая и расширяя сферу своего воздействия.

Вместе с тем до Октябрьской революции процесс проникновения капиталистических отношений в экономическую жизнь края не получил всеобъемлющего развития. В дагестанском ауле до 1917 г. продолжали сосуществовать элементы различных социально-экономических укладов: патриархального, мелкотоварного, феодального, патриархально-феодального и капиталистического.

К первому укладу, как нам представляется, надо отнести мелкое натуральное крестьянское хозяйство, которое, как указывал В. И. Ленин, работает только на себя. Если помнить, что пакапуне революции в области имела еще довольно широкое распространение меновая торговля и сельскохозяйственное производство в значительной степени было сосредоточено в руках мелких производителей, хозяйство которых носило сугубо потребительский характер, то нетрудно предположить, что патриархальный уклад, представленный мелким натуральным крестьянским хозяйством, занимал значительный удельный вес, особенно в экономике аула.

Второй уклад объединял мелких крестьян, но уже имеющих более или менее устойчивые связи с рынком. Он наиболее развивается в связи с приобщением Дагестана к российской экономике при нарушении патриархальной замкнутости и все большей приспособленности к рыночным отношениям сельского хозяйства. Но уклад этот был наиболее неустойчивый, чрезвычайно чувствительный к любым колебаниям рыночной стихии или неблагоприятным погодным условиям. Мелкие товаропроизводители чаще всего разорялись и теряли свою хозяйственную самостоятельность. Иногда некоторым из них при удачном стечении обстоятельств удавалось подняться до уровня более мощных экономических групп, и тогда они превращались в эксплуататоров, пополняя группу аульских богатеев. Судя по материалам переписи 1917 г., мелкотоварный уклад составлял 20—25% всех крестьянских хозяйств области.

Третий, феодальный, уклад представляли военно-феодальное государство, помещики и мечеть, которые опираясь на сословное средневековое землевладение, эксплуатировали крестьян феодальными методами.

Четвертый, патриархально-феодальный уклад представляли крупные скотоводы и землевладельцы, из которых в основном и

состояла аульская верхушка. До присоединения Дагестана к России в ее состав входила феодализирующая патриархально-родовая знать, игравшая большую роль в экономике области, но не имевшая сословных привилегий. После присоединения социальный облик этой группы значительно меняется. Не оформившись в феодальное сословие до присоединения, она не получала соответствующих привилегий и после вхождения Дагестана в состав России. Но царские власти, видя экономическую мощь и огромное влияние представителей этого уклада, стали опираться на них, строя свою политику. Им были пожалованы офицерские чины, предоставлена государственная служба. Видное место занимали они в местном бюрократическом аппарате. Немало старшин, наибов и начальников округов были выходцами из их среды. Потому данная группа имела такое значение в системе так называемого военно-бекского управления, олицетворявшего политическое господство помещиков. Кроме того, она теснее всего была связана с рынком, от связей с которым, а не от средневековых сословных привилегий и наследственной собственности зависела ее экономическая мощь. Подтверждение тому — наиболее видное место, которое она занимала именно в самых товарных отраслях сельского хозяйства, где ее удельный вес постоянно повышался. И все же представителей этой группы нельзя отнести к деревенской буржуазии, потому что их хозяйство все еще опиралось на патриархально-феодальные методы эксплуатации.

Пятый — капиталистический уклад охватывал малочисленную аульскую буржуазию, значительная часть которой состояла из представителей патриархально-феодальной и даже патриархально-родовой знати. Это нетрудно себе представить. Интенсивный рост товарного стада и высокая степень концентрации скота привели наиболее крупных владельцев скота к отказу от традиционной патриархальной формы скотоводства и ориентации на ведение хозяйства, используя наем рабочей силы. И, в самом деле, для двора, имеющего около тысячи и более овец, десятки и сотни голов крупного рогатого скота, в условиях рыночных отношений кош и серкерство, патриархальные формы скотоводства, уже были невыгодны. Выпас скота сравнительно мелкими отарами, дающий возможность принять в состав стада овец маломощных хозяев, был связан с необходимостью держать дополнительную рабочую силу и с дополнительными издержками при аренде пастбищ и т. д. Эта система мешала также и работе по улучшению породности скота. Рынок ставил перед крупными собственниками новые, сложные задачи по улучшению выхода мяса, качества шерсти. А их можно было решить только путем вложения в животноводство капиталов и перехода к новой системе хозяйствования. Крупные собственники скота, понявшие суть изменений, отказывались от старой патриархальной формы животноводства и перешли к новой, более рациональной. В земледелии также происходят изменения.

По переписи 1917 г., завершили переход и стали на капита-

листический путь развития Хасавюртовский округ, виноградарский район г. Дербента и равнинные районы Темир-Хан-Шуринского округа — в основном районы земледельческие и технических культур. В других округах этот переход в большей или меньшей степени лишь намечился.

Коротко охарактеризовав каждый из названных социально-экономических укладов, надо помнить, что они не существовали изолированно, а тесно переплетались между собой. И, главное, существование одного обуславливалось существованием другого. Крупная земельная аристократия и феодализирующаяся верхушка аула на том и стояли, что беспощадно эксплуатировали патриархальное крестьянство, на базе разложения которого развивались и два других уклада — мелкотоварный и капиталистический. Поэтому ни один из этих укладов нельзя было встретить в чистом виде. Все докапиталистические уклады несли на себе печать разложения и в какой-то мере, хотя бы в сфере обмена, были связаны с капитализмом и чувствовали на себе его влияние. Подобное положение относится и к патриархальному укладу, который, хотя и не поставлял продуктов своего труда на рынок, но был теснейшим образом связан с рынком рабочей силы.

Материалы архивов убеждают в том, что аграрные отношения в дагестанском ауле в XIX — начале XX в. развивались под воздействием двух противоположных тенденций. С одной стороны, наблюдалось неприкрытое систематическое стремление военно-феодалного государства утвердить систему внеэкономического принуждения и добиться признания единоличных прав государства на землю, укрепить класс крупных помещиков-землевладельцев и консервировать патриархально-феодалные отношения; с другой — Дагестан все теснее связывался с всероссийским рынком, больше и больше втягивался в общерусское товарное обращение. После завершения строительства Владикавказской железной дороги, тесно соединившей Кавказ с Россией, этот процесс становится интенсивнее. Потому усиливается отвлечение населения от земледелия в промышленность, происходит рост городов и городского населения, увеличивается число промышленных предприятий и рабочих, занятых на производстве. Но это были небольшие предприятия полукустарного типа по переработке некоторых видов сырья. Число дагестанцев на этих предприятиях составляло всего 11,2% всех рабочих и не достигало даже 1 тыс. чел. Удельный вес промышленной продукции в валовом производстве народного хозяйства (17%) был незначительным. Капиталистическая фабрично-заводская промышленность в до-революционном Дагестане делала только первые шаги.

Сельское хозяйство области также не остается в стороне от капиталистических отношений: падает удельный вес землевладения, приобретаемого по наследству от ханов и беков и, наоборот, растет частное землевладение, приобретаемое за деньги, т. е. феодальная земельная собственность сменяется буржуазной. Крестьянство распадается на экономические группы, резко отли-

чающиеся одна от другой. Однако, как подтверждает приведенный материал, на значительно большей части территории области, особенно в горах, этот процесс делал лишь первые шаги. Накануне революции происходит поляризация социальных групп, мелкое натуральное хозяйство горца все больше и больше сотнями видимых и невидимых нитей связывается с рынком и, постепенно теряя свой замкнутый характер, превращается в мелкотоварное. Но, за исключением овцеводства, все отрасли сельского хозяйства носят еще на себе отпечаток патриархального хозяйства и патриархальной уравнительности. Велика еще роль мелкого производителя в сфере сельскохозяйственного производства. Можно полагать, что в дореволюционном ауле преобладал частью патриархальный, частью мелкобуржуазный мелкокрестьянский уклад, господствовала патриархальная средневековая организация хозяйства. По-прежнему значительная часть земельной площади, особенно на земледельческой равнине, находилась в руках вчерашних феодалов.

Черты средневековья свойственны и крестьянскому землевладению. Сохраняются полупатриархальные формы скотоводства и земледелия. Особенно сильно проявляются эти черты в быту. И в этом нет ничего противоречивого: новые отношения не могут сразу возникнуть, старые — сразу исчезнуть. Главное — патриархально-феодалный уклад был осповательно подорван. Новые отношения нарушили его замкнутость, его натуральный и самодовлеющий характер. Сталкиваясь и переплетаясь самым разнообразным и причудливым образом, в дагестанской действительности того времени чаще всего они встречаются вместе, в рамках одного хозяйства. Подобное соединение нередко порождает самые глубокие, сложные и неожиданные конфликты и противоречия, но никак не исключает этого существования.

По степени развития этих отношений, по месту того или иного уклада в экономике области, Дагестан можно разделить на три группы районов.

Первая группа — северо-плоскостные районы, где крупное товарное капиталистическое производство к кануну революции, безусловно, восторжествовало. Это Хасавюртовский округ и низменная часть Темир-Хан-Шурина округа. К ней можно отнести и южно-плоскостную часть области — виноградский район Дербента.

Вторая группа районов переживала стадию перехода от докапиталистических отношений к капиталистическим. В нее входили весь Темир-Хан-Шурина округ, кроме равнинной части, а также низменные и предгорные районы Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов.

Третья группа — районы, безусловно, стоявшие на докапиталистической стадии развития. Это почти весь внутренний нагорный Дагестан, включавший в себя Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский округа, а также горные районы Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов. капита-

листические отношения проникли и сюда, и здесь начался процесс разложения патриархального хозяйства и становления крупного товарного производства. Но накануне революции в этом районе еще преобладали патриархальная система организации хозяйства и феодальные методы эксплуатации. По переписи 1917 г., на долю этого района приходилось $\frac{2}{3}$ всего населения и до 70% всего сельскохозяйственного производства.

Характеризуя аграрные отношения в дореволюционном дагестанском ауле, нельзя не обратить внимания на то, что аграрное движение в Дагестане в основном было направлено против местной феодальной верхушки — ханов и беков. Борьба шла главным образом за ликвидацию средневекового сословного землевладения. Это значительно отразилось на характере и движущих силах революционного движения.

В Дагестане в конце XIX — начале XX в. аграрное движение носило ярко выраженный классовый характер — зависимые крестьяне боролись за ликвидацию помещичьего землевладения.

Причиной такого резкого обострения внутренних социальных противоречий в Дагестане было и другое обстоятельство — на протяжении почти 100 лет дагестанское дворянство неизменно выступало союзником царизма в борьбе с крестьянскими волнениями. Так было и в период Кавказской войны, и в период аграрных волнений конца XIX — начала XX в. Только в 1877 г. некоторые представители феодальной верхушки, недовольные ликвидацией ханств, временно примкнули к восстанию. Поэтому в дореволюционном дагестанском ауле наиболее острый характер носили внутренние классовые противоречия.

Остроту внутренних социальных противоречий в дагестанском дореволюционном ауле нельзя объяснить лишь политическими причинами.

Процесс раскрестьянивания и развитие отходничества убедительно говорят, что в Дагестане интенсивно развивались и капиталистические отношения. По своему географическому положению он находился в центре высокоразвитых районов, с которыми издавна поддерживал самые тесные экономические и политические связи. В непосредственной близости от него были расположены промышленные центры — Баку и Грозный, высокоразвитые сельскохозяйственные районы Северного Кавказа и Закавказья, которые поглощали труд тысяч рабочих-дагестанцев. Это не могло не отразиться на уровне социально-политического развития и на характере классовой борьбы в крае.

Оглавление

Г. Г. Османов (1928—1979)	3
Предисловие	6
Глава первая	
Социально-экономический строй Дагестана и аграрная политика царизма в XIX в.	11
Экономика Дагестана в первой половине XIX в.	11
Социальный строй Дагестана	14
Глава вторая	
Становление мелкотоварного уклада и рост товарного производства Дагестана	47
Социально-экономическая эволюция дагестанского аула в 60-х годах XIX в.— начале XX в.	47
Землевладение и землепользование к концу XIX — началу XX в.	55
Помещичье землепользование	55
Крестьянское землепользование	58
Вакуфные земли	61
Развитие товарно-денежных отношений в Дагестане и его вовлечение в капиталистический рынок	66
Формирование буржуазного землевладения и разложение крестьянства	73
Отношение найма и продажи рабочей силы	108
Техническое оснащение сельского хозяйства	117
Глава третья	
Дагестанский аул в начале XX в. (общая социально-экономическая характеристика)	128
Заключение	146

instituteofhistory.ru

Гамид Гамидович Османов

Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана

утверждено к печати ордена «Знак Почета» Институтом истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР

Редактор Б. Г. Литвак. Редактор издательства Ю. Г. Гордина. Художник М. Р. Ибрагимов. Художественный редактор Н. Н. Власик. Технический редактор Т. А. Калинин. Корректоры Л. И. Кириллова, К. П. Лосева

ИБ № 25423

Сдано в набор 19.10.83. Подписано к печати 30.12.83. Т-21748. Формат 60×90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 10,6. Усл. кр. отг. 9,75. Тираж 1300 экз. Тщ. зак. 3300. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10